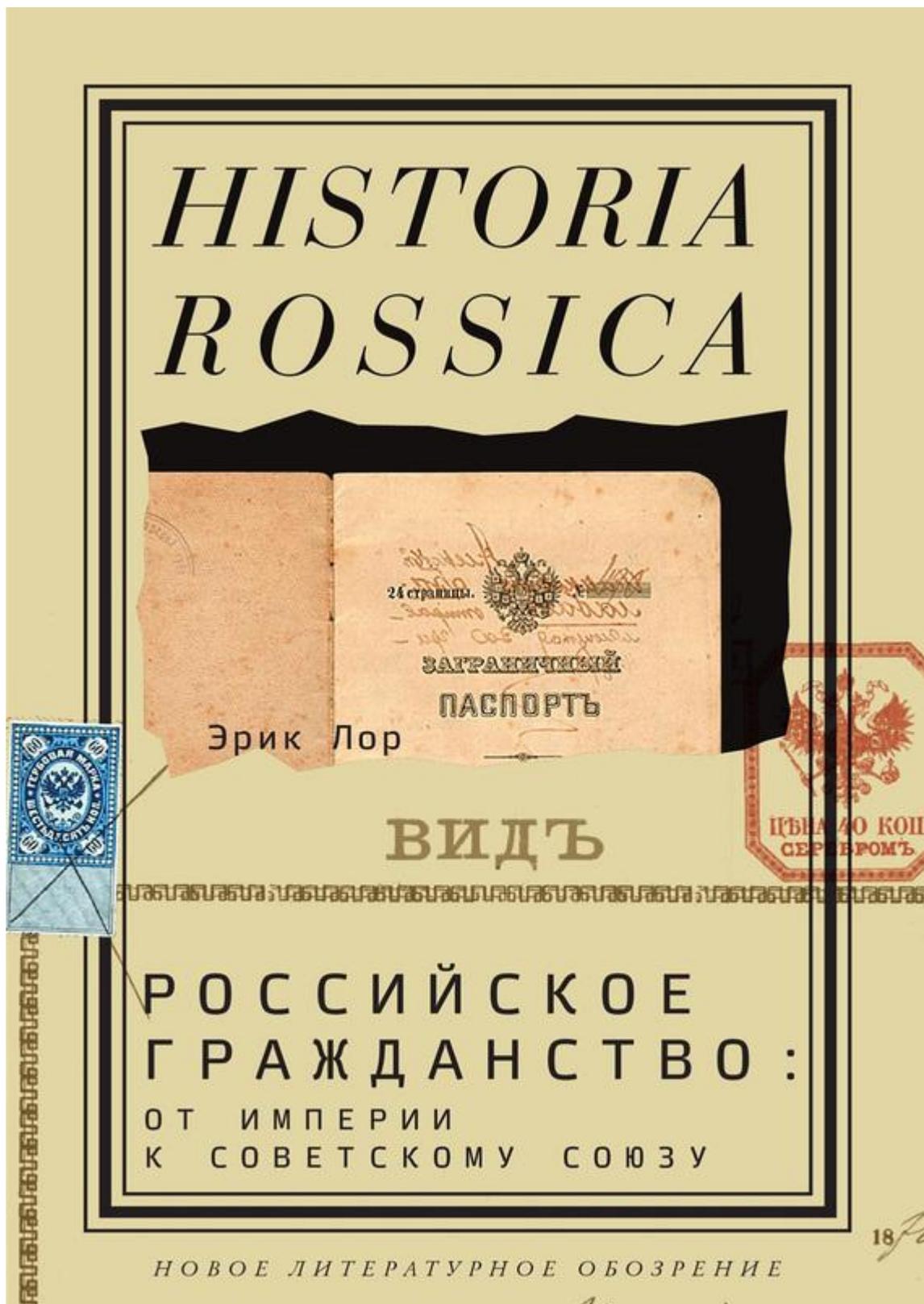

Эрик Лор
Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу

Historia Rossica –

«Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу»: Новое литературное обозрение; Москва; 2017
ISBN 978-5-4448-0866-5

Аннотация

В монографии прослеживается история института гражданства в России с Великих реформ 1860-х до начала 1930-х годов. Автор рассматривает российские законы и практики в международном контексте и приходит к заключению, что до начала Первой мировой войны история российского гражданства во многом сопоставима с историей гражданства в западных странах. В 1860-х годах правительство старалось увеличить приток иностранцев в страну, что рассматривалось как часть стратегии модернизации. Одновременно царский режим использовал политику гражданства как инструмент влияния на этнический состав населения. Ученый показывает, как с 1914 года в истории российского гражданства начинается поворот к автаркии, кульминацией чего стали изоляционизм и ксенофобия сталинской эпохи. Эрик Лор (Eric Lohr) – профессор Американского университета (American University, Washington, DC, USA).

Эрик Лор

Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу

© 2012 by the President and Fellows of Harvard College Published by arrangement with Harvard University Press

© М. Семиколенных, пер. с английского, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

Благодарности

Эта книга была подготовлена и написана при поддержке со стороны Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса (Гарвардский университет), Института перспективных российских исследований имени Кеннана и Национального совета евразийских и восточно-европейских исследований (США).

Мне хотелось бы поблагодарить Центр имени Дэвиса за поддержку организованной мной конференции, посвященной понятию гражданства в российской истории, а также редколлегию журнала *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* – за подготовку к печати превосходного собрания статей, написанных на основе тех докладов, которые были сделаны на этой конференции, и за их публикацию в двух специальных выпусках журнала. Питер Старр, декан Колледжа искусств и наук Американского университета (Вашингтон), помог мне найти время для работы над книгой, предоставив щедрую поддержку и возможность гибко совмещать творческие отпуска с учебным планом. Генри Хейл из Института европейских, российских и евразийских исследований при Университете Джорджа Вашингтона обеспечил мне прекрасное место, где можно было писать и встречаться с другими исследователями.

Участникам симпозиумов и семинаров в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса, Высшей школе социальных наук (Франция), Институте имени Кеннана, Институте имени Гарримана (Колумбийский университет, Нью-Йорк), Университете Северной Каролины, Университете имени Гумбольдта (Берлин), Университете имени Альберта-Людвига (Фрайбург), Германском историческом институте в Москве, Музее эмиграции (Гамбург), Институте международных исследований имени Уотсона (Брауновский университет), Институте глобальных исследований (Университет Миннесоты),

Киево-Могилянской академии, а также участникам Семинара по российской истории (Вашингтон, США) и Исторического форума (Американский университет) я благодарен за пронизательные комментарии и критику. Очень полезны были комментарии Дэвида Бранденбергера, прочитавшего книгу в рукописи. Исключительно ценными и глубокими были наблюдения и критические замечания Майкла Дэвида-Фокса, Роберта Джераси, Дэвида Голдфранка, Доминика Ливена, Терри Мартина, Алексея Миллера, Александра Семенова, Романа Шпорлюка и Ричарда Стайтса, которого нам сейчас так не хватает. Мне также хотелось бы поблагодарить Мустафу Аксакала, Харли Бэзлера, Олега Будницкого, Джульету Кадью, Тимоти Колтона, Дэвида Энгермана, Элисон Франк, Антона Федяшина, Макса Фридмана, Питера Холквиста, Джона Клиера, Мэри Д. Льюис, Доминика Ливена, Келли О'Нилл, Маршалла По, Рэндалла Пула, Блэра Рабла, Андрея Шляхтера, Бена Тромли и Пола Верта за помощь и поддержку. Глубокую благодарность я испытываю и к одному из анонимных рецензентов – за набранные через одинарный пробел десять страниц комментариев и критических замечаний. Я благодарен Омеру Бартову, Дэвиду Бранденбергеру, Тобиасу Бринкману, Джульете Кадью, Джиа Кальотти, Ульрике фон Хиршхаузен, Йоргу Леонарду, Терри Мартину, Алексею Миллеру, Натали Мойн, Келли О'Нилл, Сюзанне Шаттенберг, Глебу Ципурскому, Луизе МакРейнольдс, Александру Семенову и Эрику Вайтцу за приглашения на множество интересных семинаров и конференций, где обсуждались наброски и идеи, легшие в основу этой книги, а также за гостеприимство.

Сотрудники Библиотеки Конгресса (в особенности европейской, юридической коллекций и читального зала микроформ) очень помогли мне и создали бесподобные условия для работы. В высшей степени квалифицированы и отзывчивы были сотрудники Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российской национальной библиотеки и Российской государственной исторической библиотеки. Национальное управление архивов и документации (США) доказало мне, что проведение архивных исследований может быть легким делом. Благодаря межбиблиотечному абонементу Американского университета мои многочисленные запросы удовлетворялись великодушно и быстро.

Спасибо несравненному и незабвенному Бобу Гриффиту, заведовавшему кафедрой, где я работаю, а также декану Питеру Старру за поддержку, которую они оказывали мне в Американском университете. Было честью снова работать с Кэтлин МакДермотт и добавить еще одну строку к списку книг, подготовленных ею к печати, посвященных российской истории. Эдвард Вейд умело руководил издательским процессом. Прекрасную помощь в проведении исследования оказали Симона Д'Амико, Юлия Исхакова, Абигаль Крет и Кристина Ли. Слушатели моего курса лекций, посвященных понятию гражданства, показали мне, что законы и теории не всех увлекают так, как меня, – надеюсь, что в результате книга стала интересной для более широкой аудитории. Спасибо всем, кто два лишних года ждал эту книгу, пока я играл со своими сыновьями Алексеем и Андреем. Я посвящаю ее моей жене и лучшему другу – Ане Шмеман.

Введение

Перед вами – первая книга, рассказывающая об истории границы, разделяющей российских граждан и иностранцев. В центре внимания автора период начиная с Великих реформ 1860-х годов и до начала 1930-х, когда Сталин отрезал страну от остального мира. В основе данного труда – исследование частных случаев групповой и индивидуальной иммиграции, эмиграции, натурализации и денатурализации евреев, мусульман, немцев, армян и других национальных и религиозных меньшинств.

Речь пойдет о границах двух видов. Обычно мы говорим о физических границах – они окружают страну и определяют область ее суверенитета. Однако государственный суверенитет распространяется также и на всех граждан государства, вне зависимости от

места их проживания. Государства могут регламентировать процессы получения гражданства или выхода из него точно так же, как пограничники регламентируют въезд на территорию страны и выезд за ее пределы. В целом понятие «граница гражданства» можно интерпретировать как область взаимодействия граждан и притязаний их государств на суверенитет. Эта книга представляет собой исследование такой «границы гражданства», ее происхождения и того, как она воспринималась, пересекалась, контролировалась, нарушалась и описывалась в различных документах.

Географические границы государства также являются важной темой данного исследования. Они, несомненно, влияли на движение миграционных потоков, и это влияние стало особенно заметно к началу XX века. Но в России подлинный контроль осуществлялся не на протянувшейся на тысячи километров государственной границе – он производился посредством документов, выдаваемых бюрократическими инстанциями, стимулов, санкций и других мер, побуждавших конкретные группы населения к миграции или смене гражданства. Поэтому, хотя пограничники и контрольно-пропускные пункты – важный элемент системы, больше внимания мы уделим чиновникам, ответственным за стратегии заселения территории, проводящим кампании по улучшению паспортной системы и регистрации жителей, решающим, каким этническим и религиозным группам должен быть позволен въезд в страну, кому следует разрешить отъезд, а кого нужно подтолкнуть или вынудить к эмиграции.

Хотя с 1991 года гражданство на постсоветском пространстве было предметом жарких дискуссий, история понятия гражданства на этой территории мало кого интересовала¹. Однако за два десятилетия, прошедшие с распада СССР, интерес к этому феномену в разнообразных национальных контекстах чрезвычайно усилился, поскольку появилось множество новых государств, а Евросоюз добавил новое, переходное гражданство к старым национальным гражданствам Восточной Европы². Одна из целей этой книги – дополнить стремительно разрастающуюся библиографию вопроса исследованием ситуации в России.

¹ Тому было много причин, и некоторые из них рассматриваются в моей работе: *Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. No. 2. P. 173–194.* Исследования на эту тему, как правило, сосредоточены на изучении законов о гражданстве: *Кутафин О. Е. Российское гражданство. М.: Юрист, 2004; Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение. СПб.: Тип. «Правда», 1909; Ginsburgs G. The Citizenship Law of the USSR. The Hague; Boston: M. Nijhoff Publishers, 1983; Корж Н. Я. Гражданство Российской Федерации: историко-правовой аспект. СПб.: Нева, 2004; Кишкин С. Советское гражданство. М.: Народный комиссариат юстиции РСФСР, 1925; Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России: правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище, 2004.*

² См.: *Fahrmeir A. Citizenship: The Rise and Fall of a Modern Concept. New Haven; London: Yale University Press, 2007; Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Harvard: Harvard University Press, 1992; Fahrmeir A. Citizens and Aliens: Foreigners and the Law in Britain and the German States, 1789–1870. New York; Oxford: Berghahn Books, 2000; Weil P. How to Be French: Nationality in the Making Since 1789. Durham: Duke University Press, 2008; Nathans E. The Politics of Citizenship in Germany: Ethnicity, Utility and Nationalism. Oxford; New York: Berg, 2004; Karatani R. Defining British Citizenship: Empire, Commonwealth, and Modern Britain. London: Frank Cass, 2003; Grenze und Staat: Passwesen, Staatsbürgerschaft, Heimatrecht und Fremden gesetzgebung in der österreichischen Monarchie 1750–1867 / Hrsg. von W. Heindl und E. Saurer. Vienna: Böhlau, 2000; Sahlin P. Unnaturally French: Foreign Citizens in the Old Regime and After. Ithaca: Cornell University Press, 2004; Lewis M. D. The Boundaries of the Republic: Migrant Rights and the Limits of Universalism in France, 1918–1940. Stanford: Stanford University Press, 2007; Sassen S. Guests and Aliens. New York: The New Press, 1999; Fahrmeir A., Faron O., Weil P. Migration Control in the North Atlantic World: The Evolution of State Practices in Europe and the United States from the French Revolution to the Inter-War Period. New York; Oxford: Berghahn Books, 2003; Kettner J. H. The Development of American Citizenship, 1608–1870. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1978; Torpey J. The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; Herbert U. A History of Foreign Labor in Germany, 1880–1980. Seasonal Workers/Forced Laborers/Guest Workers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990; Weil P. Nationalities and Citizenships: The Lessons of the French Experience for Germany and Europe // Citizenship, Nationality and Migration in Europe / Eds. D. Cesarani and M. Fulbrook. London; New York: Routledge, 1996. P. 74–87.*

Для этого я попытался выявить основные тенденции и принципы российского законодательства и общепринятые практики на протяжении значительного исторического периода, стараясь определить ключевые элементы того, что можно было бы назвать «традицией российского гражданства». В истории гражданства любой страны противоречий и исключений больше, чем в какой-либо другой сфере общественно-политической жизни. По сути дела, исследователь постоянно сталкивается с тем, что нормативные акты очень часто содержат лишь косвенные свидетельства о подлинных практиках (вспомните о масштабах нелегальной иммиграции даже в современных государствах, с их развитыми технологиями обеспечения правопорядка). Более того, индивидуальные и групповые случаи, вошедшие в архивные документы, практически по определению являются исключениями из обычного порядка вещей. Отыскать норму в море исключений – одна из самых сложных задач, стоящих перед тем, кто пишет историю гражданства. Я постарался решить эту проблему через изучение множества документов Департамента полиции и попытался понять реальные практики, с помощью которых власти старались держать границы под контролем, регистрировать иммигрантов и на практике решать другие проблемы, касающиеся гражданства. Цель этой книги – определить наиболее важные и устойчивые особенности практик регулирования по вопросам гражданства, чтобы описать «идеальный тип» российского гражданства и тем самым облегчить его сопоставление с типами гражданства других стран. Исследование также включает несколько очерков, содержащих подробные описания, которые иллюстрируют всю сложность реальных практик, касающихся гражданства, и подчеркивают тот факт, что практически все правила имели множество исключений.

Сам этот методологический вопрос ставится по-разному в разные исторические периоды. Одна из тем книги – то, что ключевой характеристикой подданства в дореволюционной России была готовность принимать исключения; я называю это «сепаратными сделками» – с различными группами иммигрантов и даже отдельными людьми, общественными устройствами, национальными и религиозными меньшинствами. Такие сепаратные сделки представляют собой весьма разнообразные комбинации узаконенных прав и обязанностей. Идеал современного гражданства, предполагающий равенство прав и обязанностей для всех граждан, ставил под вопрос саму идею исключений и систему сепаратных сделок.

Чтобы сравнить традицию российского гражданства с иными национальными традициями, в книге время от времени приводятся ссылки на историю гражданства в других странах мира. Существует множество интересных и неожиданных конкретных оснований для сравнения и сопоставления. В целом в данной книге история российского гражданства вплоть до 1914 года (то есть до того, как в период с 1914 и до 1930-х годов стремление к автаркии совершенно изменит ситуацию) оказывается сопоставимой с историей гражданства других стран в гораздо большей степени, чем исследователи думали ранее.

В этой книге, как и во многих других, термин «гражданство» употребляется в узком смысле: обозначает принадлежность к жителям страны, обычно подтверждаемую паспортом или другим документом того же типа. Таким же образом – просто для обозначения того факта, что жители страны являются подданными царя, – используется понятие «подданство». Наибольшее внимание уделяется термину «граница гражданства» (граница между гражданами и теми, кто гражданства не имеет), правилам и нормам, определяющим эту границу, и различным способам получения статуса гражданина, путем утраты данного статуса, предоставления его или лишения.

Конечно, есть и другие определения понятия «гражданство». Многие пишут и думают о нем, придавая особое значение правам, которыми пользуются граждане. На самом деле, согласно распространенному описанию идеального типа гражданства, это – «личный статус, характеризуемый набором универсальных прав (то есть законных требований к государству) и обязанностей, равным образом присущих всем полноправным гражданам национального

государства»³. Такое определение устанавливает высокую планку. Согласно ему, ни одна страна никогда не могла похвастаться тем, что она предоставляет полноценное гражданство, поскольку ни одна страна никогда не устанавливала абсолютно одинаковые права и обязанности для всех своих граждан. Россия же была от такого идеала дальше, чем многие другие страны. Она представляла собой не государство-нацию, где у всех был одинаковый статус гражданина, а скорее расплывающуюся многонациональную империю, где люди были сравнительно бесправными подданными царя или советского лидера. Именно из-за этого простого факта при упоминании темы моего исследования слушатели удивительно часто заявляли, следуя своей непосредственной реакции, что «российское гражданство» – оксюморон. Прибавьте к этому, что на Западе национальность определяется формально (через принадлежность к государству), но по мере продвижения на восток ее начинают все теснее связывать с понятиями этноса и культуры, – и вы получите глубоко укоренившееся представление, будто российское гражданство – понятие нежизнеспособное⁴.

История этого понятия в России делает проблему еще сложнее. На протяжении большей части периода поздней империи термин «гражданство» использовался почти исключительно либеральными и радикальными оппонентами режима и являлся полемическим: в нем заключались идея, программа и напоминание о незаконности, присущей состоянию «подданства». Поразительное отличие России от большинства других стран – и даже от таких империй, как Британская или Австро-Венгерская, – состояло в том, что сам термин «гражданство» превратился здесь в абстрактное понятие, для которого ведущий российский специалист по философии права Владимир Гессен (бывший также одним из лидеров либеральной Конституционно-демократической партии) искал основания в естественном праве, а не в применявшихся на практике категориях юриспруденции и конституционного права⁵. Гессен углубил это абстрактное значение понятия «гражданство», положив в основу своей философии гражданства неокантианское «возрождение» естественного права. Он утверждал, что в основе прав гражданина лежат не полученные в наследство от предшествующих поколений юридические прецеденты и традиции, а универсальные, априорные, естественные права. Во всех странах существовал значительный разрыв между идеализированными представлениями о гражданстве как о совершенном равенстве прав и обязанностей всех граждан перед законом, с одной стороны, и реально существующим гражданством или подданством – с другой, но в императорской России этот разрыв был и на словах, и на деле шире, чем в большинстве других случаев. Есть некоторая ирония в том, что значение термина «гражданство» на деле осталось в России ближе к описанному выше идеальному типу, чем в других странах, – возможно, отчасти потому, что здесь оно не было запятнано компромиссами и реальностью юридических толкований и процессуальных норм⁶.

³ Somers M. R. Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy // *American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. P. 588.

⁴ О различных причинах, обусловивших отсутствие связи между статусом подданного и принадлежностью к английской или британской нации, сходным образом рассуждали британские ученые, говоря, что «нет такой вещи [как британское гражданство] – по меньшей мере в том смысле, в котором гражданство понимается в других странах» (*Dummett A. The Acquisition of British Citizenship: From Imperial Traditions to National Definitions // From Aliens to Citizens: Redefining the Status of Immigrants in Europe / Ed. R. Bauböck. Aldershot, UK: Avebury, European Centre Vienna, 1994. P. 75–84; Karatani R. Defining British Citizenship. P. 3).*

⁵ Гессен В. М. Подданство.

⁶ Более подробное изложение истории понятия гражданства см. в работах: Лор Э. Гражданство и подданство: История понятий // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Ред. И. Ширле, Д. Сдвижков. М., 2012. Т. 1. С. 197–222; Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject.

Принимая во внимание сказанное выше и используя подход к гражданству как к совокупности прав, можно охарактеризовать анализ российского гражданства как исследование процесса перехода от существовавшего при старом режиме подданства, основанного на социальной иерархии, к гражданству новых властей, основанному на принципе равенства прав и обязанностей всех жителей страны. Этот сюжет столь невероятно сложен и важен, что исследование гражданства легко может обернуться изучением социальной и юридической истории российского крестьянства, дворянства и купечества в период перехода к новой исторической эпохе. Социальная и юридическая история данного переходного периода прослеживалась неоднократно и основательно⁷.

Но в исследованиях гражданства оно гораздо чаще рассматривается совсем иначе – как институт, определяющий принадлежность к государству. Используя это определение, мы можем сосредоточиться на вопросах, обычно поднимаемых при изучении гражданства: на натурализации, денатурализации, иммиграции, эмиграции и миграционной политике, – на темах, которым исследователи российской истории уделяли мало внимания.

Февральская революция 1917 года привела либералов к власти. Одним из первых их действий стало провозглашение равенства прав для всех граждан, что было очевидным свидетельством терминологического перехода от подданства к гражданству. Я использую два этих слова в соответствии с только что изложенной историей терминологии, однако совершенно точно не имею в виду, что в 1917 году произошла внезапная смена концепции. В 1906 году российские подданные были во многих отношениях ближе к гессеновскому толкованию понятия «гражданство» (идеальному типу, предполагающему равенство прав и обязанностей для всех жителей государства), чем советские граждане в 1926-м.

Все это не означает, что в данном исследовании не будет затронута тема прав и обязанностей. Скорее, в книге понятие границы гражданства рассматривается как зависимая переменная, то есть то, что находится в фокусе внимания. Права же и обязанности различных групп населения часто являются важными независимыми переменными, чью роль в объяснении деталей и тонкостей политики, проводившейся на границе гражданства, трудно переоценить.

Гражданство и история России

Эта книга начинается с обсуждения истоков и эволюции российской политики подданства и реальных практик вплоть до середины XIX века. До XX века ксенофобия, изоляция и сравнительно непроницаемые границы подданства не были характерны для

⁷ Множество исследований было посвящено истории прав и обязанностей различных групп населения перед лицом закона в Российской империи. Классический подход XIX века представлен в «Истории сословий в России» Василия Ключевского (Hattiesburg: Academic International, 1969). Среди важных очерков, посвященных этой проблеме в последние годы: *Wirtschaftler E.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997; *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 11–36; *Rieber A.* The Sedimentary Society // *Russian History*. 1989. Vol. 16. Nos. 2–4. P. 353–376; *Lincoln W. L.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. Обширная и содержательная литература, посвященная исследованию отдельных социальных групп, помимо множества других работ включает: *Rieber A.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982; *Owen T. C.* Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1981; *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge: Harvard University Press, 1976; *Burds J.* Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998; *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983; *Manchester L.* Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008; *Wirtschaftler E. K.* Structures of Society: Imperial Russia's «People of Various Ranks». DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994; *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington: Indiana University Press, 2004.

России. Конечно, временами общество и некоторые органы власти были весьма неблагосклонны по отношению к иностранцам, и эта неблагосклонность становится для нас предметом внимательного изучения. Однако государству чаще всего удавалось подавить подобные силы во имя модернизации. В самом начале своей истории оно выработало подход к политике подданства, который я обозначаю лозунгом «Привлекай и удерживай». Людей постоянно не хватало, и казалось, что иммиграция и натурализация помогают наращивать экономическую мощь империи, тогда как эмиграции и денатурализации следовало всячески избегать по тем же самым причинам. В XIX веке ситуация изменилась: перенаселенность сельской местности превратилась в проблему, тем не менее сам подход сохранился. Я утверждаю, что подход «Привлекай и удерживай» оставался определяющей чертой российской миграционной политики вплоть до 1914 года.

Подробный анализ начинается с проведенных в 1860-х годах Великих реформ царя Александра II, положивших конец крепостному праву и направивших Россию по пути модернизации и индустриализации. Одним из первых событий эпохи Великих реформ стало реформирование законов о гражданстве, упростившее для иностранцев процесс иммиграции и ведение дел в России. Так была установлена связь между модернизацией и интенсивным взаимодействием с окружающим миром, ставшая ключевым фактором для большинства направлений российской политики гражданства в течение следующих пятидесяти лет. Ретроспективно этот период можно рассматривать как первую эпоху российской глобализации. Всего лишь за пару десятилетий пересечение границ превратилось из редкого события, переживаемого группами населения, в обычное, повседневное явление множества частных жизней. Если в 1850-х годах было зарегистрировано примерно 40 000 пересечений границы как российскими, так и иностранными подданными, то к середине 1860-х их было почти 100 000, в 1900 году – четыре миллиона, а в 1909-м – более десяти миллионов (см. таблицы 1 и 3–7 в приложении I). Данное исследование взаимодействия российских граждан и иностранцев также имеет своей целью пролить новый свет на четыре взаимосвязанные проблемы российской истории: роль национальности; демографическую политику; природу государства и его сравнительную мощь; стратегии экономической модернизации.

Сложные взаимоотношения понятий «гражданство» и «национальность» – центральная тема этой книги. По меньшей мере с Великой французской революции (долгое время считавшейся одним из важнейших событий, сформировавших современное понятие гражданства) существовала тесная связь между гражданством и национальностью. Натурализация по сути своей превратилась во Франции в клятву политической верности революции. Теоретически, те, кто в 1790-х годах отказался от натурализации, должны были покинуть страну⁸. С этого времени граница между гражданами и иностранцами приобрела концептуальное и практическое значение, а принцип, согласно которому только граждане являются членами национальной общности, сделался общепризнанным. Согласно классической типологии Роджерса Брубэйкера, в Германии гражданство и национальность были связаны совсем иначе: там рабочими принципами политики гражданства стали происхождение и родословная. Такая политика позволила немцам, поколениями жившим за границей, сохранять, обновлять или вновь обретать гражданство. Одновременно она делала натурализацию почти недоступной для людей других национальностей, даже если те были рождены в Германии. Важно, однако, что и в Германии, и во Франции государство стремилось к смешению понятий гражданства и национальности. По сути дела, все «национальные государства» в той или иной степени пытались объединить гражданство и национальность – и фактически, и терминологически.

И напротив, можно было бы ожидать, что «государства-империи» постараются избежать установления взаимосвязей между принципами гражданства (или подданства) и

⁸ В действительности многие люди были освобождены от выполнения этого требования. См.: *Torpey J. Revolutions and Freedom of Movement: An Analysis of Passport Controls in the French, Russian, and Chinese Revolutions // Theory and Society. 1997. Vol. 26. No. 6. P. 837–868.*

национальности. В основном дело и впрямь обстояло именно так на протяжении большей части истории Российской империи. Россия не была национальным государством и не желала им становиться. Однако я буду настаивать, что в интересующий нас период идея преследования национальных целей проникла в проводимую империей политику иммиграции, эмиграции и натурализации. Отчасти это произошло под влиянием интернациональности понятия гражданства и его ориентированности на взаимодействие. Поскольку граница гражданства в России формировалась в ходе взаимодействия с другими национальными государствами (в особенности вдоль важнейшей границы с Германией), национальные принципы зарубежной политики гражданства повлияли и на российские практики по вопросам подданства. Это – лишь один из примеров того, как российская политика гражданства была взаимосвязана с соответствующей политикой других стран⁹. Однако она являлась и следствием шаткости государственной власти в густонаселенных приграничных областях, где росло число жителей-инородцев. Это было особенно характерно для Дальнего Востока, где страх перед демографическим преобладанием азиатского населения подтолкнул власти к ограничению иммиграции и натурализации, но также проявлялось на Кавказе и на западных границах государства.

В исследованиях национальности издавна (возможно, со времен Ганса Кона) существует допущение, согласно которому на Западе национальность была юридическим институтом, опирающимся на отношения индивида и государства и представляющим собой, по сути, договор о принадлежности, в то время как на Востоке она определялась культурой, этносом и происхождением. В области исследования феномена гражданства Брубэйкер ввел сходную дихотомию между идеальными типами. Речь шла о тяготеющей к ассимиляции Франции на западе, где принцип почвы (*jus soli*), согласно которому гражданство получали все иностранцы, рожденные на французской земле, преобладал над этнической исключительностью, характерной для Германии на востоке – где принцип крови (*jus sanguinis*) позволял лишь потомкам граждан автоматически получать гражданство, тогда как сыновьям и дочерям иностранцев, рожденным на немецкой земле, в нем отказывалось¹⁰.

Андреас Фармайр, Патрик Вейль и другие исследователи уже начали ставить под вопрос это коренное различие идеальных типов Франции и Германии¹¹. В моей книге указанная географическая дихотомия подвергнется дальнейшей критике, поскольку здесь будет описан случай необычно сильной традиции принципа почвы, имевший место на востоке. Этот и другие доводы позволяют мне настаивать, что две половины европейского континента не так уж сильно отличались друг от друга, что они более сходны, чем считалось прежде, и являлись частью общей истории понятия гражданства.

По отношению к евреям имперское подданство и миграционная политика часто представляли собой важное исключение из общих политических принципов, и в книге этому уделено значительное внимание. В период с 1860 по 1920 год евреи составляли более 40 %

⁹ О методологической программе написания «переплетенных историй» империй см.: *Miller A. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest; New York: Central European University Press, 2008. P. 10–43; *Лор Э.* «Германское заимствование»? Подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX – начала XX в. // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 330–353.

¹⁰ *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany; Kohn H. A History of Nationalism in the East*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1929; *Idem. The Idea of Nationalism: A Study in its Origins and Background*. New York: Macmillan, 1945. См. более современный вариант: *Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. Критику этой концепции см. в кн.: *The Cultural Gradient: The Transmission of Ideas in Europe, 1789–1991* / Eds. C. Evtuhov and S. Kotkin. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

¹¹ *Fahrmeir A. Citizenship; Idem. Citizens and Aliens; Weil P. How to Be French*.

всех эмигрантов из империи, и практически каждый закон о натурализации, денатурализации, иммиграции и эмиграции, принятый при старом режиме, включал основную статью, написанную в самых общих терминах, за которой, однако, следовало примечание, устанавливавшее совершенно другие правила для евреев. Например, знаменитый манифест Екатерины Великой в 1762 году провозгласил, что Россия открыта для всех иммигрантов из Европы, «кроме жидов». Евреям-иностранцам была запрещена натурализация, а на их иммиграцию или поездки по империи налагались строгие ограничения. Аналогичным образом власти нарушали принципы общей политики Российской империи, направленной на предотвращение эмиграции, и в 1892 году власти начали разрешать и даже поощрять еврейскую эмиграцию. Покуда власти находили множество способов составлять отдельные законы и правила для евреев, общее гражданство и миграционная политика были неразрывно связаны с ограничениями, налагаемыми государством на евреев, и так продолжалось вплоть до революций 1917 года, разрубивших этот гордиев узел взаимосвязанных постановлений.

Социологи используют несколько метафор для описания того, чего стремятся достичь государства, проводящие ту или иную политику гражданства. Наиболее известна метафора проникновения или объятия¹². В предыдущей книге я утверждал, что во время Первой мировой войны государство стремилось национализировать экономику и общество. В этой книге я использую связанную с данной концепцией метафору государства-фильтра. Я утверждаю, что власти использовали политику присвоения гражданства в качестве фильтра, не допускающего проникновения людей нежелательных национальностей, религий или образа жизни внутрь, а на выходе препятствующего эмиграции граждан тех национальностей, в которых испытывалась потребность, но не мешающего остальным. Затем, в советскую эпоху, критерии фильтрации изменились – во главу угла был поставлен классовый вопрос. Рабочие всех стран мира были на словах (и в гораздо меньшей степени – на практике) приглашены к иммиграции в Советскую Россию и к принятию ее гражданства, тогда как буржуазия, дворянство, духовенство и представители других категорий граждан могли быть лишены прав гражданства. В 1921 году массовая денатурализация превратила миллионы беженцев в лишенных государства изгнанников. Граница гражданства служила ключевой точкой приложения сил для государства, пытавшегося сортировать и направлять в нужное русло перемещения населения, по большей части происходившие под влиянием экономических изменений и других факторов, которые государство не могло контролировать. При том что многие из этих перемещений происходили скорее вопреки, чем благодаря государству, легко недооценить значение функции фильтрации. На примере нескольких из описанных ниже конкретных случаев мы увидим, что перемены в проводимой политике могли легко изменять пути международной миграции сотен тысяч индивидов.

Государство

Один из ключевых вопросов российской истории – роль в ней государства. Было оно сильным или слабым? Могло ли оно осуществлять всю полноту власти и контролировать границу, разделяющую его граждан и иностранцев, или его зачастую весьма далеко идущие претензии на контроль служили на деле признаком относительной слабости? Были его границы непоколебимыми или проницаемыми? Это – важные вопросы, являющиеся камнем преткновения при обсуждении границ и гражданства любой страны. Ответы на них неоднозначны и возникают в результате тщательного анализа как целей государственной политики, так и действующих реальных практик (в той мере, в какой они доступны исследователю). Делая предварительное обобщение, могу сказать, что гражданство и

¹² См.: *Torpey J. The Invention of the Passport; Werth P. In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 433–458.*

контроль над границей значили больше и были много эффективнее, чем думало большинство исследователей. Но, хотя тенденция последних лет подчеркивать неумолимую экспансию государства, стремящегося ко все более жесткому включению индивидов в его сети знания и контроля, позволяет хорошо описывать *намерения* властей, она может заставить упустить из виду пропасть между намерениями и результатами¹³.

Великое множество разнообразных источников, изученных при подготовке данного исследования, помогает навести мосты через эту пропасть, хотя она все еще представляет собой устрашающее препятствие. Архивные документы министерств внутренних и иностранных дел, а также армии позволяют пойти дальше анализа законов и постановлений и в некоторых случаях увидеть непосредственную реальность. Красочные истории о подкупе, поддельных паспортах, организованных эмигрантами контрабандистских шайках и составленные для внутреннего пользования докладные записки (например, та, в которой 80 % случаев эмиграции были оценены как нелегальные и произошедшие без оформления надлежащих документов) подчеркивают, что невозможно понять историю гражданства, изучая одни лишь законы. Все это также предполагает, что государственный контроль над границей гражданства был далеко не абсолютным. С другой стороны, легко недооценить влияние законов, поскольку оно весьма часто измеряется от обратного: миллионы людей могли бы пересечь границу, натурализоваться или приобрести второе гражданство, будь законы иными. Невозможно оценить масштаб так и не состоявшихся миграции и иммиграции, но они имеют большое значение для того, что вкладывается в понятие гражданства.

Отвечая на вызовы, предъявленные Первой мировой войной, царское правительство отошло от принципа почвы и правила «Привлекай и удерживай», составлявших самую суть довоенной российской традиции гражданства. Оно запретило натурализацию, интернировало иностранцев – граждан враждебных государств, национализировало их имущество и с беспрецедентной настоятельностью придерживалось этнического критерия, когда речь заходила о политике гражданства. Февральская революция 1917 года провозгласила решительное изменение российского гражданства, отвергнув все различия прав и обязанностей разных групп граждан в зависимости от этнической принадлежности, вероисповедания и социального статуса. Однако (в значительной степени по причине продолжавшейся войны) воздействие этих перемен на границу гражданства было не столь полным, как могло показаться. Когда большевики захватили власть, они быстро ввели дифференциацию прав и обязанностей, на сей раз руководствуясь классовым критерием. Поначалу они открыли страну и упростили иммиграцию и натурализацию для заграничных рабочих. Но во время Гражданской войны контроль над иммиграцией, эмиграцией, натурализацией и денатурализацией постепенно централизовался и стал исключительно жестким. После того как в середине 1920-х годов он на краткое время был сравнительно ослаблен (при попытке поспособствовать иностранному участию в восстановлении советской экономики), в стране была начата полномасштабная, беспрецедентная попытка индустриализации с опорой на внутренние ресурсы. В условиях военной угрозы, автаркической индустриальной мобилизации и интенсивной кампании против утечки из страны твердой валюты и людей Сталин закрыл границы гражданства, невероятно усложнив иммиграцию, эмиграцию и денатурализацию.

* * *

¹³ Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / Eds. J. Caplan and J. Torpey. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 67–82; *Kotsonis Y.* «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late-Imperial and Early-Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. No. 3. P. 531–577; *Idem.* «Face to Face»: The State, the Individual, and the Citizen in Russian Taxation, 1863–1917 // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 2. P. 221–246; *Holquist P.* «Information is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. P. 415–450.

Все страны определяют свои собственные традиции присвоения гражданства, на протяжении своей истории раз за разом совершая выбор во множестве ситуаций. В большинстве случаев сохранились ясные свидетельства о таких фактах совершения выбора, имеющие форму последовательной цепи юридических прецедентов, судебных постановлений и комментариев. Так, подробный анализ судебных прецедентов, связанных с натурализацией в Британии XVII столетия, является, что очевидно, частью истории американского гражданства, так же как положения Кодекса Наполеона – частью истории французского гражданства. В странах с непрерывной юридической историей, таким образом, можно проследить путь возникновения и эволюции определенных принципов и историю их влияния на современное законодательство и постановления в области гражданства.

В этом смысле Россия представляет собой проблему. Революции 1917 года провозгласили полную отмену всего дореволюционного юридического аппарата и начали отсчет с совершенно нового набора принципов и рабочих процедур. Разумеется, кое-где продолжали практиковать «бывшие» (например, Сергей Соломонович Кишкин и Всеволод Николаевич Дурденевский), принадлежавшие к старой адвокатской профессии, – эти люди были носителями юридических знаний и применяли их в новой, постреволюционной ситуации. Однако поразительным фактом является отсутствие преемственности, причем не только в основополагающих принципах, но и, что более важно, в практиках.

Это особенно очевидно в беспрецедентном повороте к изоляции, произошедшем в конце 1920-х годов. В данной книге утверждается, что он представлял собой не возвращение к дореформенной или средневековой изоляции России, но скорее решение, характерное именно для советского периода и означавшее решительный разрыв с российскими традициями. Если рассматривать советскую эру от Сталина до Горбачева в перспективе, этот поворот во многих смыслах оказывается полувековым отклонением от магистрального пути. В период с конца 1980-х годов и до сегодняшнего дня возникли новые проблемы и дилеммы. Их не так легко рассматривать в историческом контексте, поскольку они весьма отличаются от проблем советской эпохи. Но иногда самые яркие примеры преемственности и исторические параллели находятся не среди событий последних десятилетий. Если рассматривать досталинскую историю российского гражданства не как серию юридических прецедентов, а скорее с точки зрения антропологии, как национальную «традицию гражданства», нам будет легче заметить сходство прежних проблем и дилемм с теми, что встают перед Россией при решении ею вопросов гражданства в наше время. Итак, вступая в, казалось бы, весьма далекий от современности мир российского подданства столетней давности, мы, возможно, увидим в нем набросок сегодняшнего дня.

Глава I

Границы и миграция до 1860 года

На протяжении большей части российской истории при определении прав и обязанностей принадлежность к конкретной религии, социальному классу, гильдии и другим группам была гораздо важнее разницы в юридическом статусе между российскими подданными и иностранцами. Однако граница подданства была важнее, чем полагали исследователи, и до сих пор представляет собой в основном неизученную проблему. Институт подданства возник как существенный критерий статуса и способ контроля за передвижениями в столетия, предшествовавшие Великим реформам 1860-х годов.

С самого начала письменной истории на Руси международная торговля с далекими странами была ключом к политическому и экономическому успеху на землях, впоследствии ставших Российской империей. То, что Россия якобы была автаркией, отрезанной от мира монгольским завоеванием 1241 года, – своего рода миф. Торговля и международные отношения процветали в течение приблизительно века после

завоевания, в особенности на территории южных степей Центральной Азии, Персии, Причерноморья и вплоть до Средиземноморья, в рамках объединения, названного некоторыми историками *Rex Mongolica*^[14]. Ганзейский союз поддерживал оживленную торговлю на севере. Изначально Россия не была автаркией. В действительности, как утверждает ведущий эксперт по иностранцам в Московии, в Киевский и следующий непосредственно за ним период фактически не существовало ограничений на въезд иностранцев, вне зависимости от их национальности или вероисповедания, в пределы страны^[15].

Однако новое княжество Московское не принимало участия в великой эпохе формирования империй и интернационализации, пришедшейся на XVI и XVII века и совершенно изменившей природу международного обмена и взаимодействия в странах бассейна Атлантического океана. Фактически, в то время как в Европе люди все чаще пересекали границы, торговали и передвигались с места на место, Россия укрепляла и наращивала контроль над крепостными, все сильнее привязывая людей к местам их проживания и к помещикам^[16]. Весь общественный и юридический строй фокусировался на одной цели – привязать крепостных к их хозяевам и деревням. Поездки за пределы деревенских окрестностей стали еще строже регламентироваться: для их осуществления требовались внутренний паспорт, а также разрешение помещика и местных властей^[17]. Все более строгий контроль властей над населением и его способностью перемещаться предполагал наличие жестких ограничений на заграничные поездки и продуманных мер предотвращения эмиграции. С другой стороны, начиная с XVII века московские власти довольно упорно стремились к поощрению иммиграции ради царской службы^[18]. Все вместе эти стратегии складывались в последовательную общую демографическую политику, которую можно описать просто как политику «Привлекай и удерживай», проводившуюся в отношении практически всех народов. Это – наиболее продолжительная и глубоко укорененная демографическая политика в российской истории, и она гораздо ближе к демографической политике, проводившейся большинством стран Европы в начале Нового времени, чем к автаркии Китая и Японии в XV–XIX веках или к сталинизму XX века.

Удержание российских подданных в границах государства

Граница подданства имеет мало практического или теоретического отношения к политике «Привлекай и удерживай». Государство запрещало эмиграцию и не признавало утрату российского подданства в результате натурализации за границей. Так что, в принципе, беглый крепостной, пойманный или возвращенный в Россию иностранными властями, был бы возвращен его хозяину. Точно так же дворяне и принадлежавшие к привилегированному классу чиновники, покинувшие страну без разрешения, могли по возвращении или в случае поимки быть подвергнуты наказанию. Однако решение по таким вопросам принималось, как правило, не в связи с понятием границы подданства. Внешние границы страны были в высшей степени проницаемы, и контроль над эмиграцией крестьян (или любыми передвижениями внутри страны) гораздо больше был связан с общиной и принципом коллективной ответственности. Все налоги, трудовые повинности и оброки в пользу помещика или государства налагались на общину в целом. Отбытие любого ее члена – в особенности молодых, трудоспособных мужчин, во все века и во всех странах составляющих основную массу эмигрантов, – значительно уменьшало способность общины должным образом выполнить наложенные на нее обязательства.

Государство поощряло укрепление общины как способа контроля за перемещениями населения. Петр Великий ввел первый российский «паспорт» не как документ, свидетельствующий, кто является, а кто не является подданным, но скорее как документ, ограничивающий перемещения крестьянина определенным радиусом вокруг места его проживания^[19]. То был не документ, подтверждающий национальную

принадлежность или позволяющий путешествовать за рубежом, но скорее инструмент полицейского контроля, позволяющий принудить крестьян оставаться в их деревнях. Система паспортов была реформирована, однако эта их ключевая функция сохранилась и после освобождения крепостных в 1861 году^[20].

Российские цари создали хорошо продуманную и довольно эффективную систему принуждения представителей привилегированного класса к царской службе и предотвращения их перехода на службу к соседним государствам. Например, был введен закон, согласно которому собственность любого российского помещика, постоянно проживающего за границей более пяти лет (или трех лет, если речь шла о представителе любого другого сословия), могла быть конфискована и без компенсации передана государству^[21].

Начиная с XV и вплоть до конца XVII века происходила весьма напряженная борьба за представителей служилого сословия между Речью Посполитой, Московией и, в меньшей степени, Османской империей^[22]. Сама московская система крепостничества возникла как часть попыток царя соблазнить служилых людей оставаться в стране, даровав им неограниченный контроль над населением их поместий и доходы, которые те были в силах из этого населения выжать^[23]. Такое заманивание сочеталось с исключительно жесткими ограничениями на ведение дворянами международной торговли. Дворянские роды несли коллективную ответственность за любого их члена, покинувшего службу и страну без позволения^[24]. Даже иностранные граждане на московской службе часто получали отказ на просьбу о заграничной поездке и были вынуждены оставлять в Московии членов своей семьи в качестве гарантии своего возвращения^[25].

Петр Великий распахнул двери для первых дальних заграничных поездок российских дворян и купцов в целях получения ими образования или ведения торговли – то была часть его стратегии экономической модернизации. Но, хотя число таких путешествий, становившихся ключевым элементом дворянского образования в XVIII веке, стремительно росло, количество россиян, путешествующих за рубеж, оставалось небольшим – в сравнении со значительным ростом числа заграничных путешествий и объемов международной миграции, характерным для Европы того времени.

Существовавшая тогда в России система контролирования эмиграции была весьма эффективной, особенно с учетом ее совершенно рудиментарного характера: она практически полностью основывалась на общественном, политическом и административном контроле, а не на охране государственных границ.

Иностранцы в Московии

Как правило, допетровскую Московию изображают как религиозное, интересующееся лишь собой общество, не испытывающее никаких внешних воздействий, с подозрением относящееся к иностранцам и недоступное для них. Конечно, в определенной степени это обобщение верно. Иностранцы допускались в Московское царство лишь с целью торговли, с недвусмысленного царского разрешения и одобрения. Те, кто въезжал в границы государства (прежде всего, ради торговли или военной службы), носили характерную одежду и проживали в особых «иностранных» слободах под весьма жестким наблюдением и контролем. В 1526 году, в начале серьезной борьбы с предполагаемой ересью, Московия запретила евреям въезд в границы царства, и этот запрет оставался в силе вплоть до конца XVIII века. Точно так же одним из наиболее последовательно повторявшихся постановлений в собрании российских законов был категорический запрет на въезд иезуитов в пределы империи^[26].

Тем не менее историки переосмысливают образ автаркической Московии, внезапно открывшейся для иностранного влияния и международного взаимодействия в XVIII веке, с эпохи Петра Великого. С. П. Орленко утверждает, что ограничения, накладываемые на расселение иноземцев, их одежду и т. п., не отражали давних московских традиций, а скорее являлись реакцией на быстрое усиление взаимодействия

с Западом в XVII веке. Эти ограничения, уверяет А. С. Мулюкин, противоречили традициям предшествующих веков, когда иностранцам на самом деле предоставляли множество привилегий, чтобы привлечь их заниматься ремеслом и торговлей в Московии^[27]. Более того, Орленко находит так много исключений из этих правил, что приходит к выводу: «Ограничения прав выходцев из Западной Европы оставались строгими лишь на бумаге»^[28].

В действительности начиная с XVI века иностранцы являлись ключевым фактором модернизации Московского государства. Особенно важна была роль проживавших здесь иностранных наемных офицеров и солдат – во введении пороха и организации «полков нового строя». С 1640–1670-х годов число иностранных офицеров в России составляло от 4000 до 7000 человек^[29]. С международной торговли, в большинстве своем осуществлявшейся проживавшими в Московии иностранцами, в XVI веке уплачивалась значительная часть поступавших в казну налогов^[30]. Более того, иностранцы играли очень заметную роль в строительстве российских фабрик, разработке рудников, развитии металлургии, создании оружейных заводов и других промышленных объектов^[31].

Несмотря на ключевую роль иностранцев в военной и экономической модернизации, Московия держала их на почтительном расстоянии. Орленко утверждает, что церковная иерархия была наиболее влиятельным институтом, настаивавшим на введении ограничений, которые накладывались на иностранцев и были призваны охранять православие от ересей и зарубежных конкурентов. Иностранцы, не исповедовавшие православие, не могли войти в церковь, вступить в брак с православным жителем России и не имели возможности стать частью формальной элиты страны^[32].

Российские купцы нередко объединялись, чтобы выступить против конкурентов-иностранцев. Беспокойство российского купечества было одной из причин усиливавшегося шквала ограничений, с которыми сталкивались иноземцы. Это и ограничение на продажу определенных видов товаров, и запрет на владение крепостными или холопами, и ограничение права торговать с другими иностранцами, и суровые ограничения, определяющие места возможного расселения и ведения торговли, и запрет на розничную торговлю (иностранцы могли продавать или покупать товар лишь оптом), а самое главное – гораздо более высокие налоги. Разница в налоговых ставках резко выросла в последней половине XVIII века^[33]. Однако противостояние российских и иностранных купцов вовсе не было повсеместным и постоянным. Хотя соперничество и приводило к неприятию иностранцев, у многих российских купцов сложились тесные торговые и коммерческие связи с ними, постепенно обретавшие культурное, политическое и личное значение. Так что российские купцы могли одновременно содействовать и ограничениям, и открытости^[34].

Царь обладал огромной личной властью над иностранцами и их деятельностью. Его дозволение было необходимо в каждом отдельном случае поступления иностранца на службу, открытия им предприятия, въезда в пределы царства или выезда за них. Вместе с тем ко второй половине XVII века царь гораздо чаще использовал эту власть для защиты иностранцев в Московии и содействия им, чем для наложения на них каких-либо ограничений^[35].

Иностранцам часто предписывалось жить в особых «иностранных слободах» за пределами города и носить особую одежду. Они посещали свои собственные церкви и жили, пользуясь иными правами и исполняя иные обязанности, чем те, которые имело русское городское население. Формальный статус подданства был лишь одним из списка социальных, религиозных, культурных, лингвистических и других факторов, отделяющих иностранцев от русских; натурализация не могла автоматически устранить эти различия.

Напротив, процесс обращения в православие был в гораздо большей степени практически и символически связан с обретением своего места в государстве и обществе.

После обращения иноземец, как правило, покидал иностранную слободу, начинал носить русские одежды, приобретал большую часть прав и обязанностей русского человека такого же социального положения. Например, власти в значительной мере принуждали к обращению военнопленных, временами делая принятие православия условием освобождения из плена, но затем используя православную веру новообращенного как основание для удержания его на царской службе. В XVII веке это стало причиной множества дипломатических конфликтов^[36]. Московиты всех рангов считали православную веру гораздо более важным знаком принадлежности к российским подданным, чем формальное принесение клятвы царю^[37]. В. М. Гессен, один из ведущих экспертов по истории натурализации в России, заявлял, что «натурализация праву Московской эпохи совершенно неизвестна. Как некогда в Византии, и в Москве принятие православия является для иностранца единственным способом вступления в русское подданство. Принадлежность к русской церкви отождествляется с принадлежностью к русскому государству»^[38]. Московия поощряла обращение в православие, предлагая военным продвижение по службе, увеличивая жалованье и вводя другие привилегии для иностранцев на иного рода государственной службе^[39]. В принципе, даровать земли и крепостных можно было лишь человеку православному или обращенному в православие, хотя потребности иностранцев и недостаток денег для оплаты их службы, по-видимому, приводили ко множеству исключений из этого общего правила^[40].

Несмотря на внимание, которое власти уделяли обращению в православие, лишь небольшая доля иностранцев, поступивших на царскую службу, делала такой шаг^[41]. Тому могло быть три причины. Во-первых, Русская церковь отказывалась признавать действительным протестантское и католическое таинство крещения. Следовательно, в Московии обращение предполагало не только миропомазание, но и полный обряд крещения. Во-вторых, обращение не означало полного приобщения к Русской церкви. Обращенных, как правило, рассматривали в качестве *новокрещеных*, то есть находящихся как бы на пути к окончательному вхождению в общину православных верующих. В повседневном словоупотреблении не только новокрещеных иностранцев, но и их детей и потомков часто обозначали несколько уничижительным русским словом «немчины». В-третьих, обращение могло создать серьезные препятствия, если нужно было покинуть царство. Новообращенным для этого требовалось особое разрешение царя^[42]. Короче говоря, обращение в православие не означало полноценного приобщения к церкви и государству, но скорее давало переходный статус иностранца, пустившего корни.

При всех этих ограничениях прав и возможностей для иностранцев стать полноценными православными подданными Московия, как правило, с энтузиазмом поощряла обращение и натурализацию, даже предлагая новообращенным и натурализованным лицам денежное вознаграждение и прямое политическое покровительство^[43]. Обращение в православие, несомненно, было во многих отношениях наиболее важным способом получения подданства, но Гессен, как мы уже видели, заходит так далеко, что утверждает, будто «натурализация праву Московской эпохи совершенно неизвестна»^[44]. На деле различия в подданстве были гораздо более значимы, чем думало большинство исследователей. Маргарет Уолтнер отмечает, что уже в XVII веке проводилось последовательное семантическое различие между выражениями «московский немец» и «иноземец старого выезда» (термины, применявшиеся по большей части к российским подданным), с одной стороны, и понятием «недавно прибывший иностранный подданный» – с другой^[45].

Различия в юридическом положении между иностранцами и своими, царскими подданными в Московии были особенно существенны для купцов. На протяжении большей части эпохи Московского царства подавляющему большинству иностранных подданных купеческого сословия было разрешено селиться лишь в приграничных городах, прежде всего в Архангельске, Астрахани, Новгороде и нескольких других^[46]. Они не могли выезжать за пределы назначенного им города или за границу без

официальных документов, санкционирующих поездку. Также другим купцам позволялось торговать на территории империи лишь в том случае, если это право гарантировалось двусторонними договорами с их государствами или если такому купцу право торговать (наряду с иными привилегиями) даровалось особой личной грамотой, подписанной царем^[47]. Грамота могла быть дарована отдельному лицу или компании и отозвана в любой момент по воле царя. Таким образом, все купцы в пределах Московии действовали на основании привилегий, дарованных в качестве исключения из общего запрета на ведение дел иностранцами, и не имели существенных юридических гарантий. Во время внутренних или внешних беспорядков, когда напряжение между Московским царством и внешним миром нарастало (например, в конце 1640-х и 1650-х годов), власти могли весьма резко отзывать дарованные иностранным купцам привилегии, не нарушая при этом никаких юридических норм. Тем не менее, хотя осознание статуса иностранного подданства в Московии было глубоким, Мулюкин настойчиво утверждает, что на практике иностранцы в целом обладали в Московии большей свободой перемещений и другими привилегиями, недоступными иноземцам в большинстве прочих европейских государств^[48].

Уолтнер приводит веские доводы в пользу постепенного формирования принципа приобретения гражданства по месту рождения (*jus soli*), который часто понимается как «автоматическая» натурализация детей иностранцев в силу факта их рождения на территории Московии, безотносительно к тому, крещены ли они в православной вере. Она утверждает, что этот принцип возник в результате ряда принимавшихся на протяжении XVII века решений об отказе сыновьям иностранцев в праве путешествовать, об обращении с ними как с русскими подданными, не имевшими права покинуть Россию. Кульминацией этого процесса явился принятый Петром в 1722 году декрет, согласно которому сыновья служивых иностранцев автоматически становились подданными царя^[49].

В период с конца XVIII века и на протяжении революционных лет Франция создала концепцию, в рамках которой было проведено жесткое теоретическое и юридическое различие между светским гражданством и религиозным подданством. Уолтнер и другие исследователи, возможно, «вчитывают» сходный процесс в реформы, проводившиеся российской царской властью начиная со времен Петра I. Одна из причин появления великого разнообразия мнений по вопросу о сравнительном значении обращения в православие и натурализации состоит в том, что форма и функция обеих процедур были сходны, неточно определены и зачастую пересекались. В российской формуле присяги на верность царю многое было позаимствовано из православного символа веры, и присяга вовсе не представляла собой светскую альтернативу обращению в православие. Обращение и натурализация в Московском царстве и Российской империи сосуществовали, и равновесие сместилось в пользу натурализации лишь к концу XIX века.

Наиболее действенным инструментом, использовавшимся Московией для привлечения иностранцев, было дарование привилегий. И опять-таки существует ошибочное мнение, что до того как просвещенные абсолютные монархи XVIII столетия пересмотрели старую политику и сделали страну гораздо более открытой для иностранцев, те представляли собой притесняемое и сравнительно бесправное меньшинство. Соборное уложение 1649 года недвусмысленно обеспечивало им равенство по отношению к российским подданным перед законом и доступ к рынкам и торговле^[50]. Люди, состоящие на царской службе, гражданской ли, военной ли, могли потребовать наложения штрафа или телесного наказания на любого, кто оклеветал их^[51]. Хотя иностранцы не могли владеть русскими православными крепостными^[52], поместья, раздаваемые им, иностранцам, в выморочное имущество (при условии верной службы), находились под практически столь же всесторонней охраной закона, что и поместья российских подданных.

Эти получаемые иностранцами земли – как и поместья российских подданных, дарованные им за службу, – оставались в собственности одариваемого только при условии его верной службы, а после его смерти, в принципе, должны были возвращаться казне для перераспределения. Никто – ни иностранец, ни российский подданный – не был единственным владельцем поместья, обладающим неограниченной властью при определении следующего его владельца после смерти того, кто получил это поместье за службу. Но принадлежавшая иностранцам земля находилась под охраной ограничения, запрещавшего передавать имения, дарованные иностранцам за службу, российским подданным. Следующая статья Соборного уложения много говорит об отношении московитов к иностранцам: «А иноземские иноземцом беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцов иноземских поместей никому не давати. А русских людей поместей иноземцом не давати»^[53]. Как правило, закон защищал положение иностранца и рассматривал его по меньшей мере как равного российским подданным того же имущественного положения и чина.

Иностранцы часто платили более низкие таможенные пошлины, и иногда им дозволялось производить алкогольные напитки, а также выращивать табак и курить его (не столь уж незначительное послабление, поскольку наказание за табакокурение могло предусматривать отсечение носа нарушителя). Как правило, им больше платили на военной службе и за другую работу^[54]. Показательна статья Уложения 1649 года, предписывавшая выплачивать долги сначала иностранцам, а потом уже российским подданным^[55]. То была часть последовательной политики по поддержке налаживания и развития международной торговли в России^[56].

Привилегированность и возвышение иностранцев встречали сопротивление. Одним из его деятелей был патриарх Иоаким, который по своей смерти, последовавшей в 1690 году, оставил «завещание», резко порицающее политику найма иностранцев и терпимости к иноверцам – политику, изображенную патриархом как «последний вздох Старой Руси»^[57]. Равным образом российские купцы периодически обращались к царю с просьбой отменить привилегии, полученные их конкурентами – иностранцами. Из этих обращений следует, что иностранцы умели обеспечивать себе весьма многочисленные преимущества и помимо тех, которыми пользовались официально, – подкупая чиновников, уклоняясь от выплаты таможенных пошлин и влияя на рыночную конъюнктуру^[58]. Противодействие купечества и церкви привилегиям иностранцев по большей части игнорировалось государством, но в периоды внутренних беспорядков и войн цари подчас шли на временные уступки. В Бунташный век, и особенно во время народного восстания 1648 года в Москве, иностранцы сталкивались со значительной враждебностью населения и санкциями. В том году купцы потребовали изгнания иностранцев из Москвы и получили частичное согласие царя, выславшего британских купцов в Архангельск после казни короля Карла в 1649 году^[59]. Возмущение привилегированным положением иностранцев сохранялось до тех пор, пока в 1652 году царь наконец не ответил на него, вынудив всех проживавших в Москве иноземцев продать свои дома и переехать в особую «иностранную слободу». Однако Сэмюэль Барон показал, что такая мера была гораздо менее жесткой, чем считалось ранее, и являлась в неменьшей степени следствием длинного ряда проводившихся в то время внутренних реформ, чем ответом на народное волнение. Эти реформы были связаны с попыткой царя увеличить государственные доходы, объявив, что 1400 городских земельных владений бояр и купцов переходят в собственность царя, и обложив налогами прежде неподатное население. Однако иностранцам было позволено сохранить свои дома и налоговые льготы, что лишь подлило масла в огонь. Сам ответ царя – высылка иностранцев в особую пригородную «слободу» – хорошо вписывался в общую схему московской социальной географии. Он был созвучен с характерным для Уложения 1649 года стремлением классифицировать людей и расселять их по районам с профессионально и социально однородным населением. Короче говоря, хотя враждебность к иностранцам была в 1648-м и 1650-х годах, в период городских и религиозных волнений, весьма распространена, даже драматичное изгнание иностранцев в новую слободу практически

не повлияло на их привилегированное положение в Московии. Царь по-прежнему полагался на иностранные войска – они оказались гораздо надежнее стрельцов и дворян – и поощрял иноземных купцов торговать и вкладывать деньги в Московии^[60].

Апогей политики «Привлекай и удерживай»

Знаменитым указом Петра Великого от 16 апреля 1702 года иностранцы были приглашены свободно приезжать в империю для торговли, при этом им щедро обещались права и привилегии^[61]. Хотя этот указ (да и все правление Петра) не означал такого решительного разрыва с прошлым, как зачастую утверждали исследователи, приход Петра к власти знаменовал несколько серьезных изменений. До Петра иммиграция была разрешена лишь купцам и частным лицам, вступающим на военную или гражданскую службу; сделав этот шаг, они служили царю, пользуясь лишь очень незначительной юридической защитой или правами, так что даже не могли покинуть службу и страну без письменного разрешения самодержца (а такое разрешение не всегда давалось)^[62]. Приглашавший купцов, ремесленников и военных манифест 1702 года не только основывался на широко распространенной в XVII веке стратегии предоставления иностранцам концессий и налоговых льгот в целях стимулирования иммиграции, но и отражал бóльшую, чем прежде, решимость держаться этой стратегии^[63].

Иммиграционная политика была прагматичной и преследовала специфические цели модернизации. Например, хотя обычно иностранцев побуждали поселиться в России, суля им десятилетнее освобождение от налогов и других обязанностей перед государством, иностранные купцы и предприниматели получали особое тридцатилетнее освобождение в случае, если соглашались поселиться в конкретных, выделенных областях^[64]. Двумя самыми значимыми для иностранцев изменениями были новые недвусмысленные гарантии свободы вероисповедания и права покинуть страну^[65]. Регламент Мануфактур-коллегии 1723 года даровал иностранным предпринимателям беспрецедентный уровень юридической защиты^[66].

Хотя декрет 1702 года и последующая политика петровского правительства постепенно увеличивали значимость границы гражданства, они в то же время кодифицировали и регулировали «сепаратный» подход к определению статуса, прав и обязанностей иностранцев различных категорий и национальностей. Эта схема изучалась и обсуждалась Андреасом Каппелером и другими исследователями в качестве подхода к пониманию процессов имперских завоеваний и экспансии через гибкие способы кооптирования империей местных элит. Такой подход может быть не без успеха применен и к концептуализации иммиграции. Практически каждая группа, вступающая на территорию империи, заключала с царем «сепаратную сделку», создавая специфическую систему своих прав и обязанностей перед законом и российским государством, отличную от обязанностей и прав других царских подданных сходного социального положения. Иными словами, не существовало общего понятия гражданства – были лишь сепаратные сделки по поводу гражданских прав, заключавшиеся с отдельными группами населения.

Почему? Ответ довольно прост. Во-первых, вся законодательная система Российской империи опиралась на понятие групп населения, разделенных на основании закона. Сословная система предполагала как довольно грубое юридическое деление населения на дворян, крестьян, купцов и духовенство, так и более тонкое – соответствующее прихотливым юридическим дистинкциям между разнообразными переходными ступенями и подгруппами, входящими в четыре основных сословия или пребывающими за их пределами. Даже Петр Гуляев, один из первых юристов, использовавших современное понятие «гражданин», не видел противоречия между определением гражданства как «прав и обязанностей, всем сословиям общих» и описанием в своей книге особых прав и обязанностей отдельных сословий в четырех отдельных главах^[67].

И законы, и учетные записи о натурализации показывают, что наиболее важным моментом для въезжающего в империю иностранца было не принесение клятвы

верности, а причисление к сословию. Каждый иностранец, желавший натурализоваться, должен был «избрать свой род жизни» и получить разрешение жить в соответствии с ним и быть официально причисленным к конкретному сословию. Для аристократов ключевым моментом было получение разрешения присоединиться к местному дворянству. Для купцов – войти в гильдию или торговое товарищество. Иностранные крестьяне и фермеры редко (или и вовсе никогда) вступали в общины российских крестьян. Вместо этого они въезжали группами, оговорив условия своей собственной юридической сделки. Во всех случаях неясно, было ли необходимо присягать царю, да и сама натурализация кажется не столь значимым событием – гораздо важнее было стать частью общественного строя^[68].

Подобно тому как проводившаяся Петром Великим политика присвоения российского подданства была частью системы сепаратных сделок, эта парадигма по-разному применялась к уроженцам различных стран. Ключом к разделению иноземцев по национальному признаку часто становились двусторонние торговые договоры, заключенные Россией с другими державами. Принципы, в соответствии с которыми можно было бы выделить наиболее привилегированную нацию, были недостаточно хорошо определены, а потому юридический статус человека мог значительно изменяться в зависимости от страны его происхождения. Более того, хотя прагматические мотивы развития коммерции и экономики обычно выдвигались на передний план, важным фактором могли стать и политические отношения между великими державами. Например, на протяжении большей части XVIII века российские власти были особенно благосклонны к армянам, поскольку это могло поспособствовать развитию торговли в Астрахани и других южных торговых городах, одновременно расширяя область российского влияния. В Астрахани натурализация армян стимулировалась дарованием новым подданным статуса натурализованного иностранца, который позволял им и дальше, после принесения присяги, пользоваться всеми выгодами и налоговыми льготами, которыми обладали иностранцы, избегая, таким образом, главного препятствия, встававшего перед иностранцем, желавшим натурализоваться в Российской империи: того, что иностранцы, становясь гражданами, часто теряли больше привилегий и прав, чем приобретали. Считалось, что, получив присягу на верность от армянской торговой диаспоры, Россия сможет расширить свое влияние на Персию и Османскую империю. Преследуя такие стратегические цели, российские власти старались хранить в тайне эту политику стимулирования иммиграции и натурализации^[69].

Петр I также ввел важные концептуальные изменения в политику и практику натурализации. Во-первых, увеличил церемониальное и практическое значение принятия российского подданства. В 1700 году он постарался прояснить связь между натурализацией и обращением в православие, сделав последнее юридическим условием первой^[70]. Кроме того, он постарался сделать натурализацию условием службы на высоких должностях (на любой должности в коллегиях). Это было особенно важно для иностранных военных. В 1710 году в армии насчитывалось в два раза больше иностранных пехотных и кавалерийских генералов, чем русских, и требовалось обеспечить их лояльность^[71]. Ни одна из этих попыток не привела к немедленному успеху, но обе означали перемены в будущем. Наиболее важный эпизод сопротивления предпринятой Петром в 1719 году попытке сделать натурализацию непременным условием государственной службы на высоких должностях связан с немецкими элитами присоединенной незадолго до того Прибалтики. Они, опасаясь утратить привилегии, сохраненные ими после присоединения, с успехом приложили усилия к тому, чтобы заблокировать инициативу. В итоге лишь десятая часть иностранцев, по оценке Маргарет Уолтнер, присягали на подданство, а подавляющее большинство сохраняли подданство иностранное, принося только «присягу на верность службе»^[72]. Иностранцы, полностью сохранявшие соответствующий юридический статус, приносили лишь «временную» присягу на верность службе^[73]. Приносившие же «вечную» присягу на верность службе, становились теми, кого в научной литературе

принято называть «натурализованными иностранцами» (denizens) – людьми, находящимися в переходном (промежуточном) состоянии между иностранцами и подданными. Хотя технически они все еще были иностранцами, на деле власти часто обращались с ними как с российскими подданными. Например, тем, кто принес вечную присягу, часто отказывали в праве покинуть страну, которым иностранцы, принесшие временную присягу, продолжали пользоваться^[74].

Значение и двусмысленность этой системы может проиллюстрировать случай, произошедший в 1830 году с иностранным солдатом в военном поселении Елисаветграда. Саксонский подданный, младший лейтенант Франтсил, вступил на российскую службу в 1810 году, принеся лишь временную присягу на верность службы. В 1830 году он объявил своему командиру, что «вечно изъявил желание остаться в России верноподданным Его Императорскому Величеству»^[75]. Франтсил принес присягу (по-видимому, там и составленную, поскольку ее текст не соответствовал ни тексту официальной присяги на подданство, ни тексту вечной присяги на верность службы). Но любопытно, что, хотя церемония принесения этой присяги была описана в документах как натурализация, текст ее гораздо ближе к вечной присяге на верность службы. Кажется, что занимавшиеся этим случаем чиновники не видели существенной разницы между двумя типами присяги^[76]. Любопытно также, что после двадцати лет, проведенных в России, Франтсил внезапно решил, что ему важно формально пройти новую процедуру натурализации. Почему? Хотя в документах нет ответа на данный вопрос, вероятно, что это его желание было связано с революцией, вспыхнувшей в Царстве Польском. В XIX веке война не раз становилась причиной учащения натурализации иностранцев – может быть, они делали это для того, чтобы доказать свою лояльность, а может быть – под давлением российских властей. В любом случае ясно, что эти явления связаны и что натурализация была чем-то большим, нежели простое подытоживание расчета издержек и выгод: она также имела непосредственное отношение к доказательству верности в беспокойные времена.

Создание физической границы вокруг империи

Важным элементом границы гражданства являются физическая граница вокруг страны и учреждения, созданные с целью предотвратить (или сделать возможным) въезд иностранцев в пределы страны и выезд российских подданных за ее пределы. В XX веке физическая граница стала наиболее важным местом осуществления контроля за передвижениями, принудительного обеспечения документами, удостоверяющими личность и гражданство, и основным местом, где проводились в действие законы о гражданстве. История современных жестких границ уходит корнями в начало XVIII века, но их значение в эпоху Нового времени легко переоценить. Питер Салинс показал, как даже, казалось бы, наиболее стабильная, современная и прочная граница в Европе – в Пиренеях между Испанией и Францией – на самом деле была определена и закрепились гораздо позже, чем полагает большинство исследователей^[77]. Это тем более верно для Российской империи – с ее гораздо более протяженной границей, по большей части проходящей не вдоль естественных преград (вроде Пиренеев) и по сравнительно малонаселенным и плохо контролируемым территориям, где сложно добиться соблюдения правил пересечения границ.

Самые основные институты пограничного контроля только начали появляться в XVIII веке, в первую очередь для борьбы с контрабандой и уклонением от уплаты экспортных и импортных таможенных пошлин. В 1724 году Петр Великий резко поднял импортную пошлину для защиты и поддержки роста российской промышленности. До этого момента ни импортные, ни экспортные пошлины не были достаточно велики, чтобы спровоцировать появление широкомасштабной незаконной торговли, но тариф 1724 года изменил ситуацию. Петр принял меры противодействия, приказав срубить лес вдоль границы с Польшей и разместить отряды из четырех – восьми солдат на небольших пограничных постах, расположенных вдоль границы. Эти солдаты должны

были не только контролировать импорт и экспорт и облагать его пошлинами, но и ловить беглых крепостных, чье положение все ухудшалось^[78]. Наследники Петра снизили тарифы, и значение пограничного контроля уменьшилось. Так было до тех пор, пока в правление Елизаветы тарифы вновь резко не возросли. В 1754 году она предприняла важный шаг, отменив все внутренние пошлины на территории империи, теоретически и на практике переместив взимание импортных пошлин на внешние границы страны. Но потребовалось немало времени, чтобы предпринять серьезные попытки контроля границы. В 1782 году первый закон о пограничной службе предполагал размещение лишь одного патруля на каждые пять километров границы и в значительной степени опирался на волонтеров из числа местных жителей и на поселения казаков, которые власти стремились размещать через равные промежутки вдоль границы^[79]. Военные делали для охраны границ все, что могли, стараясь как гарантировать безопасность и защиту приграничных регионов, так и способствовать постоянно шедшей борьбе с беглецами от рекрутской повинности. Несмотря на все эти меры, границу, согласно большинству источников, никак нельзя было назвать хорошо охраняемой^[80].

В XIX веке пограничная таможенная служба в течение значительного времени оставалась основной организацией, контролирующей выезд российских подданных за пределы страны и наличие у всех лиц, покидавших Россию, заграничного паспорта. На протяжении преобладающей части российской истории заграничный паспорт больше всего походил на «выездную визу»: обычно он был действительным лишь во время одной заграничной поездки, а по возвращении его владельца в Российскую империю, как правило, оставался у пограничной службы. Однако заграничный паспорт не был приложением к внутреннему паспорту и служил удостоверением личности для путешественника или эмигранта, так что по сути представлял собой нечто большее, чем виза. В начале XX века выдвигались смелые планы преобразования заграничного паспорта, предполагавшие объединение его функций с функциями паспорта внутреннего и изменение его назначения (из документа, разрешающего выезд из страны, заграничный паспорт должен был стать способом удостоверения личности, позволяющим властям устанавливать местонахождение и личность гражданина).

Попытки укрепить границу росли в геометрической прогрессии в военное время. Одна из первых серьезных попыток взять границу под контроль относится к эпохе наполеоновских войн. В 1809 году правительство озаботилось донесениями о многочисленных польских крестьянах и обедневших польских аристократах (шляхте), подданных российского императора, бежавших с целью найти убежище в сравнительно свободном Великом Герцогстве Варшавском, где они могли поступить на военную или гражданскую службу. Чтобы противостоять этому бегству, воспринимаемому как военная угроза, власти создали вооруженную пограничную службу, наделенную полным правом стрелять в поляков, пытающихся проскользнуть через границу. Основная проблема здесь была военная: эти поляки могли вступить в армию потенциального противника и одновременно лишить царя рекрутов. Мужчин годного для службы возраста, пойманных при попытке перехода границы, сразу зачисляли в российскую армию^[81]. Впрочем, как бы ни была важна эта новая пограничная стража, она, по-видимому, всего лишь вносила незначительный элемент непредсказуемости в планы лиц, рассчитывавших эмигрировать. Для охраны границы протяженностью в сотни километров было выделено только два батальона.

Но по окончании военных действий военные продолжали играть существенную и все более важную роль в охране границ. К 1827 году численность пограничных войск достигла 3200 человек; в XIX веке она постоянно росла, составив к 1898 году 12 100 человек^[82]. В результате способность государства охранять свои внешние границы и проверять потоки товаров и людей возросла. Пограничники все чаще привлекались к проверке документов российских подданных, покидающих страну, и к пресечению попыток незаконного (без соответствующих документов) пересечения границы. Равным

образом они отвечали за проверку документов лиц, вступающих в границы империи, особенно стремясь помешать в этом бродягам.

И все же, хотя внимание к укреплению границ быстро росло, внешние границы Российской империи оставались сравнительно легко проницаемыми. На протяжении всего XIX века нелегально и дерзко действовавшие контрабандисты организовывали масштабные операции, подкупая пограничников и местные власти. В 1830-х годах произошло даже несколько перестрелок и полномасштабных сражений между контрабандистами и пограничными войсками.

До 1860-х годов одной из основных задач простейших институтов укрепления границы было удержание крепостных внутри страны. Однако на практике внешние границы были для этого гораздо менее важны, чем контроль за перемещениями населения на местах. Фактически паспорт (документ, в современных государствах удостоверяющий статус гражданина и сообщающий миру, что государство поддерживает право данного человека – владельца паспорта – путешествовать) был введен в России в 1719 году как средство ограничить перемещение населения определенным расстоянием от места проживания и тем самым остановить дезертиров из армии и крепостных, бегущих от помещиков^[83]. В этом смысле российский внутренний паспорт выполнял функцию, противоположную функции загранпаспорта, привязывая людей к местам их проживания, а не позволяя пересекать государственные границы.

Но как обстояло дело с дворянами и другими привилегированными группами? Здесь в официальной политике существовало неустойчивое равновесие между двумя противоположными мотивами. Петр Великий знаменит тем, что разрушил традиционную враждебность москвитов к зарубежным путешествиям привилегированных лиц, поощряя российских дворян и купцов совершать заграничные поездки с образовательной целью – это стало частью его всесторонней программы модернизации^[84]. Но власти оставались весьма подозрительными и заботились о том, чтобы подданные не были политически или морально «развращены» такими путешествиями. Ежегодные доклады Министерства иностранных дел и Третьего отделения Императорской канцелярии включали специальные разделы, часто содержавшие характеристику «морального климата» в различных европейских странах. Во время Великой французской революции Екатерина II и Павел I так резко ограничили зарубежные поездки российской знати, что они практически оказались полностью запрещены. Войны также приводили к резкому сокращению числа заграничных путешествий. Даже в мирное время власти с осторожностью относились к таким странам, как Франция, и часто отвечали отказом на прошения российских студентов о выдаче заграничного паспорта для обучения за рубежом, поскольку считалось, что зарубежный моральный климат мог оказаться вреден для российской молодежи^[85].

Другая важная тенденция к ограничению путешествий происходила от предполагаемой угрозы режиму со стороны польского национального революционного движения. На заре Польского восстания 1830–1831 годов Министерство иностранных дел потребовало проводить особую проверку биографий всех путешественников с западных приграничных территорий при подаче такими лицами прошения о выдаче заграничного паспорта. Целью этого было предотвратить контакты между поляками, находящимися в российском подданстве, и польскими революционерами за рубежом, хотя на деле данное постановление использовалось также для ограничения пересечения государственной границы евреями. Противодействие революции и предотвращение контактов среди представителей народов, проживающих на территориях, разделенных между империями, были постоянной проблемой как Департамента полиции, так и военных^[86].

Хотя на протяжении XVIII и XIX столетий росло значение физических границ и стремительно увеличивалось число караульных и войск, отряженных для охраны рубежей страны, следует помнить, что границы эти были невероятно длинными и любой упорный эмигрант или иммигрант легко мог проскользнуть мимо часовых цепей

совсем небольшого роста издержек и риска. Физические границы вокруг империи не могли стать ключевым элементом границы гражданства или системы контроля над иммиграцией и эмиграцией – до тех пор пока в XX веке возможности государства заметно не увеличились. Это отличает Россию от таких стран, как Австралия, Британия, Япония и США, где морские границы обеспечивают тесную взаимосвязь физической границы и границы гражданства. Доступ к гражданству США контролировался в большей степени инспекторами острова Эллис, чем законами и постановлениями о натурализации. Длинные сухопутные границы и невозможность их контролировать вынудили Российскую империю в большей степени полагаться на правила присвоения гражданства.

Глава II

Аннексии и натурализация

Присоединение территорий и присвоение их населению подданства позволили Российской империи увеличить число подданных в значительно большей степени, чем добровольная иммиграция и натурализация. Так как же эти люди становились российскими подданными?

Для начала мы можем рискнуть выдвинуть несколько общих тезисов о дореформенных практиках натурализации населения присоединенных территорий. Во-первых, существовало традиционное правило немедленного применения *автоматической* натурализации: с момента аннексии все лица, проживавшие на присоединенной территории, объявлялись российскими подданными исключительно на основании принципа почвы^[87]. Это хорошо сочетается с постоянным лейтмотивом российской демографической политики – принципом «Привлекай и удерживай». Во-вторых, правила натурализации обычно следовали общей системе мер оккупационной политики. Поначалу Россия в большинстве случаев была сравнительно терпима к местной специфике. Местной знати дозволялось сохранять общественный порядок и многие права, поскольку власти стремились кооптировать ее в имперскую систему. По мере расширения империи каждый новый народ или, точнее, каждое *сословие* на каждой из вновь присоединенных территорий заключало свою собственную «сепаратную сделку». Другими словами, «натурализация» населения присоединенных территорий редко означала дарование в точности того же сочетания прав и обязанностей, которым были наделены подданные, проживавшие в других частях Российской империи. И тем не менее важно повторить, что это не столько означало, что в разных владениях империи существовали разные концепции подданства, сколько было общей особенностью имперского «подданства». В метрополии «подданство» также подразумевало сепаратные сделки властей с разными социальными и религиозными группами и диаспорами. Однако в последующие десятилетия во время каждой аннексии власти стремились отказаться от сепаратных сделок и возрастало число случаев, когда население присоединенных территорий получало более универсальный набор прав и обязанностей (то есть возникала более унифицированная концепция подданства). Стремление элиминировать сепаратные сделки значительно усилилось, когда Великие реформы 1860-х годов ввели в практику современное идеологическое и юридическое понятие гражданства (с его акцентом на равенстве прав и обязанностей для всех).

Согласно ведущим правоведам последних лет существования Российской империи, присоединение Украины в 1654 году положило начало имперской парадигме натурализации, осуществляемой в ходе присоединения территорий^[88]. После серии казацких восстаний против Речи Посполитой украинский казацкий гетман Богдан Хмельницкий подписал формальное соглашение с Османской Портой, приняв вассальную зависимость и рассчитывая на защиту в рамках Османской империи. Соглашение вскоре было нарушено, и в январе 1654 года Хмельницкий созвал собрание казацкой знати и объявил о союзе с московским царем. Однако во время церемонии

принесения присяги возникли проблемы. Согласно донесению царского эмиссара Василия Бутурлина, Хмельницкий просил его принять присягу от имени царя и притом дать обещание соблюдать права и привилегии, охранять права собственности и не посягать на вольности дворянства и горожан^[89]. «Но Бутурлин отказался дать клятву от имени своего монарха, аргументируя это тем, что, в отличие от польского короля, царь является самовластным правителем и клясться в чем-то перед подданными – ниже его достоинства»^[90]. В конце концов Хмельницкий уступил и принес царю присягу без взаимных обязательств. Вскоре после этого представители московских властей отправились в 117 украинских городов и привели к присяге 127 000 человек^[91]. Значение этого соглашения и этих клятв до сих пор является предметом оживленных дискуссий историков. Украинские историки утверждают, что Хмельницкий рассматривал присягу московскому царю как типичную временную клятву, скрепляющую подлежащий в конечном счете отмене договорной союз гетмана и правителя соседней страны против общих неприятелей. С точки же зрения царя, то был связующий навечно акт принятия в подданство гетмана и всего его народа^[92]. Казацкие вожди Украины опирались в своей интерпретации на два источника. Во-первых, у них существовала давняя традиция заключения временных или долгосрочных договоров с королями Речи Посполитой, крымскими ханами, московскими царями или Османским султаном. Эти договоры постоянно менялись, и вместо одних союзов часто возникали другие. Таким образом, в 1654 году московский подход привел к полному разрыву с давно установленными правилами дипломатической практики. Во-вторых, украинское гетманство находилось под сильным влиянием политических идеалов Речи Посполитой – могущественной военной, политической и культурной силы того времени. В Речи Посполитой идея вассальной верности была в значительно большей степени укоренена в феодальных понятиях юридического контракта, связывавшего и подданного, и суверена. Как утверждал Георгий Вернадский, вероятно, договор был принят казаками именно потому, что предполагал больше привилегий, чем любое предложение Речи Посполитой в то время^[93]. Согласно традиции Речи Посполитой царь был связан соглашением в той же степени, что и его украинские подданные.

В течение столетия после заключения в 1654 году соглашения каждый раз при назначении нового гетмана Москва торопилась подтвердить «конституцию» Украины и определяемые этой «конституцией» привилегии и права самоуправления^[94]. Договор особо предусматривал право казацкой армии выбирать своего гетмана и защищал право местных властей контролировать множество событий политической и общественной жизни. Более того, 3-я статья Андрусовского перемирия 1667 года гарантировала свободным землям Запорожской Сечи статус подданства одновременно в Московском царстве и в Польше: казаки были обязаны служить обоим государствам защитой от нападений турок и татар^[95]. Даже граница между Московским царством и Украиной охранялась пунктом пограничного контроля и таможней, которые были упразднены лишь в 1754 году^[96].

Однако отказ Бутурлина формализовать пределы царской власти на Украине и сам язык документов 1654 года предполагают, что Москва с самого начала считала соглашение закрепляющим полную и постоянную натурализацию и инкорпорацию местного населения в российское государство. В присягах 1654 года говорится о «вечном подданстве» царю, а не о каком-то договорном, ограниченном или подчиняющемся заранее определенным условиям статусе^[97]. Многочисленные украинские свободы, сохранявшиеся после 1654 года, постепенно упразднялись царями и в конце концов были полностью отменены; гетманство было уничтожено, и в 1764 году Российская империя поглотила Украину^[98].

Хотя последняя сохранила свою свободу лишь на столетие, Борис Эммануилович Нольде утверждает, что эти события породили новую парадигму, в дальнейшем применявшуюся повсеместно: «Система российских региональных свобод... впервые начала действовать на Украине»^[99]. Периоды сохранения свобод имели разную длительность на разных территориях. Например, Курляндия и белорусские земли были

присоединены в XVII веке; в обоих случаях люди, проживавшие на этих территориях, просто получили статус российских подданных^[100]. Но по сравнению с другими подданными российского государства они пользовались совсем другими правами и имели другие обязанности. В Курляндии таких привилегий было необыкновенно много: в их число входило сохранение Магдебургского права в городах и большинства свобод местной знати и горожан, а также дарование доходной монополии на международную торговлю и кораблестроение. Свободы, дарованные населению этих территорий, сохранялись чуть дольше, чем украинские.

Финская автономия была еще шире. Жители присоединенного к империи в 1809 году Великого герцогства Финляндского и под царской властью оставались финскими подданными. На протяжении XIX века росла роль финского парламента и распространялся принцип господства права, предполагавший все большее равенство финских подданных и увеличение числа прав, которыми они пользовались. Это породило необычную ситуацию: «внутри» системы российского подданства существовал статус финского подданного, более свободный и основанный на верховенстве права. Особыми правами пользовались не просто все жители Финляндии на основании принципа почвы – скорее, права эти принадлежали всем финнам, включая множество уроженцев Финляндии, поселившихся в России за пределами родной земли.

Жители метрополии, переехавшие на территорию Финляндии, но не имевшие финского гражданства, напротив, сталкивались с очень длинным списком ограничений на предпринимательскую деятельность, государственную службу, преподавание в школах; они не могли участвовать в выборах финского парламента, не могли состоять на государственной гражданской службе и сталкивались с другими серьезными ограничениями. Из-за этих ограничений и, что немаловажно, из-за того, что финская система социального обеспечения была гораздо более развита, чем аналогичная система на остальной территории империи, получение статуса финского подданного было крупным кушем. На практике получить его было очень нелегко. Для этого российский подданный должен был шесть лет непрерывно прожить на территории Финляндии, а рабочий или купец на одной из стадий процесса натурализации должен был уплатить значительный взнос (размером в 1000 рублей) в фонд социального обеспечения рабочих^[101]. Олег Емельянович Кутафин утверждает, что в целом для российских подданных процесс получения статуса финского подданного оказывался намного сложнее, чем для иностранцев, прибывших из любой западноевропейской страны^[102]. Россиянину определенно легче было получить американское, французское или австрийское гражданство.

В конце XIX века этот набор особых привилегий и иммунитетов, позволявших уклоняться от исполнения обязанностей, общих для всех российских подданных, все чаще вызывал нарекания как консервативных националистов, так и либеральных сторонников идеала общего для всех статуса гражданина. И консервативные, и либеральные критики отмечали, что население Финляндии наслаждается всеми привилегиями российских подданных из «метрополии» (например, правом покупать землю в польских провинциях), но наделено иммунитетом от многих их обязанностей, обладает большими правами и не должно проходить какую-либо процедуру натурализации или регистрации, чтобы воспользоваться привилегиями, дарованными статусом российского подданного.

Правительственные комитеты и избранная российская Государственная дума предложили отказаться от особого статуса финского гражданства и рекомендовали разные способы, которыми финские и российские подданные могли бы быть уравнены перед законом. Но, несмотря на шумные дебаты, спровоцированные такими предложениями, автономии и сепаратные сделки по большей части оставались нетронутыми до самой гибели империи^[103].

Кроме Финляндии, никакая другая территория империи не обладала особым статусом подданства и не заключала столь широкомасштабных сепаратных сделок, условия

которых соблюдались бы так долго. Однако некоторые регионы сохраняли иммунитет от основных обязанностей подданных. Например, не только Финляндия, но и Бессарабия, а также многие жители Сибири, Средней Азии и Кавказа на протяжении XIX века освобождались от рекрутской повинности и других основных обязанностей подданных^[104].

Украинский случай постепенного отзыва свобод, иммунитета и сепаратных сделок повторялся гораздо чаще. Например, присоединенные в 1710 году прибалтийские губернии в 1783 году утратили право не выплачивать подушную подать, а в 1796-м – освобождение от рекрутской повинности. Присоединенная в 1812 году Бессарабская губерния (современная Молдавия) дает еще один пример. По Уставу 1818 года она обрела исключительную, получившую юридическое определение автономию, предполагавшую сохранение практически полного контроля местных властей над налогообложением и судами, а также очень широкие привилегии совета бояр. Хотя в 1820-х годах этот Устав был аннулирован, на территории Бессарабии так никогда и не было установлено крепостное право, а социальная структура отличалась от той, что была характерна для Российской империи в целом. В десятилетия, предшествовавшие освобождению крестьян, местные власти, столкнувшись со значительной нехваткой рабочих рук, даже позволили региону превратиться в безопасную гавань для беглых российских и украинских крепостных^[105]. Однако эксперимент с местной автономией не продлился долго. Бессарабские власти быстро восприняли аристократическую парадигму, вычеркнув из нового «Учреждения для управления Бессарабской областью» 1829 года многие свободы, оговаривавшиеся Уставом 1818 года. Даже в десятилетие сохранявшейся автономии центральное правительство контролировало иммиграционную и эмиграционную политику, игнорируя сопротивление бессарабских бояр агрессивной и успешной политике привлечения в регион поселенцев из Болгарии, Чехии, Германии и других стран. Привлечение этих поселенцев предполагало раздачу крупных земельных наделов, налоговый иммунитет, освобождение от воинской повинности и другие привилегии, облегчавшие груз повинностей по сравнению с тем, что несли российские подданные^[106].

Один любопытный пример, показывающий, как сильно политика натурализации на присоединенных территориях может отличаться от общей политики натурализации, проводимой в стране, – это случай среднеазиатских евреев, ставших российскими подданными в результате серии завоеваний, пришедшихся на период с 1850-х по 1880-е годы. Жители среднеазиатских регионов, присоединенных к империи и непосредственно включенных в ее состав, получили подданство исключительно на основании принципа почвы. Так, в весьма резком противоречии с действовавшим на всей территории России общим жестким запретом на натурализацию евреев – иностранных подданных и обращение в иудаизм еврейское население на территории Туркестанской губернии во время аннексии «получило российское гражданство, и [те евреи, которые приняли ислам,] получили возможность вновь обратиться в иудаизм»^[107].

По условиям беспрецедентного соглашения Бухарский и Хивинский эмираты (формально присоединенные Россией и получившие статус протекторатов в 1867 и 1873 годах соответственно) сохранили собственную систему подданства, а их подданные при пересечении границы между эмиратами и собственно Российской империей практически во всех отношениях воспринимались как иностранцы^[108].

Одним важным исключением из общей истории аннексий и натурализации являлась стратегия оговаривания условий натурализации с влиятельными клановыми и местными вождями на российском «фронтире» в Средней Азии и на Кавказе. С конца XVIII и до середины XIX века наместники, генералы и местные генерал-губернаторы часто заключали сделки, приводившие к натурализации важных лидеров и явно или неявно предполагавшие, что их подданные будут натурализованы вслед за своими вождями. Подчас это было недвусмысленной царской стратегией содействия экспансии.

В апреле 1884 года, во время российской экспансии в Средней Азии, произошел инцидент, показывающий, как группы местных жителей и российские власти могли перехватывать у центральных властей инициативу в деле принятия подобных решений о натурализации. Русский генерал Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, проведя переговоры с группой туркмен из племени сарыков, проживавших за границами империи, привел членов этой делегации к присяге на российское подданство. Центральное правительство, в особенности Министерство иностранных дел, было разочаровано ходом переговоров, и Корсаков получил письмо, в котором принятие сарыков в российское подданство характеризовалось как нежелательное. Однако в конце концов власти хотя и неохотно, но признали такую преждевременную натурализацию сарыков. Событие это заметно осложнило дипломатические отношения с Великобританией, и Министерство иностранных дел настаивало, что Корсакову следует воздержаться от принятия в российское подданство других туркменских племен^[109]. Этот случай показывает, что натурализация не всегда была всего лишь предметом политики, разработанной в имперском центре и проводимой на аннексированных территориях, – иногда она становилась предметом переговоров, в ходе которых местные власти могли менять политику в ответ на их интерпретации местных условий.

Аннексия и натурализация после 1860 года

Этот краткий обзор выявил широкое разнообразие практик аннексии и натурализации, существовавших до Великих реформ 1860-х годов. Однако есть два основных, постоянно появляющихся элемента, которые определяют российскую традицию натурализации после присоединения территорий: 1) присвоение подданства всему населению в момент оккупации – на основании принципа почвы; 2) модель «сепаратных сделок», в рамках которой даровались временные или вечные привилегии и освобождение от обязанностей, выполнение которых требовалось от всех подданных Российской империи. Великие реформы поставили второй элемент под вопрос, так как с ними было связано представление, что у всех подданных должны быть одинаковые права и обязанности перед законом. Важные проблемы обусловила также эволюция международных законов и обычаев ведения войны, произошедшая в XIX веке. Согласно Герхарду фон Глану, «до разработки современных правил проведения агрессивной оккупации общей практикой было принуждение населения захваченной вражеской территории к принесению присяги на верность главнокомандующему оккупационных войск». Международное право отказалось от этой практики, сделав проблематичным присвоение подданства всем без исключения лицам, проживающим на аннексированной территории^[110].

В юридической мысли XIX века возникло понятие правового различия между оккупацией и аннексией. В то время как многие теоретики и еще более многочисленные практики продолжали верить в полную законность присвоения подданства в день формального присоединения территории, все большее признание получали доводы, согласно которым индивиды должны были иметь возможность выбирать свое подданство, и все более утверждалось понятие о референдуме как о способе определения границ. Обе эти концепции нашли отражение в процессуальных нормах. После их частого применения французами в эпоху революций, референдумы в Европе больше не проводились вплоть до возвращения к ним в 1860-х годах, с французской аннексией Савойи и Ниццы и объединением Италии^[111]. Все чаще ожидалось, что народы получат право выбора подданства или возможность определить судьбу своего региона голосованием: свидетельство тому – яростный протест против отсутствия референдума в Эльзасе и Лотарингии после немецкой аннексии 1870 года^[112]. Наконец 45-й статьей приложения к Гаагской конвенции 1899 года было недвусмысленно заявлено, что «воспрещается принуждать население занятой области к присяге на верность неприятельской Державе»^[113].

Эти изменения международного законодательства в сочетании с изменениями в российских представлениях о гражданстве и натурализации, как и в российских процессуальных нормах в данной области, создали новый контекст, определявший поведение в отношении населения присоединенных территорий. Два очень разных случая показывают, как именно шел этот процесс.

Китайцы в России после Айгунского договора 1858 года

В то время когда в России началось проведение Великих реформ, произошло и присоединение к ней обширных территорий, принадлежавших Китайской империи, – вдоль Амура и до побережья Тихого океана (223 018 квадратных миль по Айгунскому договору 1858 года и 124 179 – по Пекинскому трактату 1860 года)^[114]. Хотя российские торговцы мехами и военные губернаторы начиная с XVII и до XIX века включительно постепенно проникали на эту территорию, власти не спешили портить отношения с Китаем, рассматривавшим Дальний Восток как сферу своего влияния. Более того, в консервативную эпоху Николая I влиятельный министр иностранных дел Карл Нессельроде «утверждал, что Сибирь должна оставаться „глубоким мешком“, куда без опасений можно было бы сбрасывать бунтовщиков». Приобретение Амура, предупредил он, будет означать, что мешок распорот и опасные люди могут выбраться из него, а подрывные идеи – попасть внутрь^[115]. Однако гражданская война в Китае, угроза экспансии на его территорию Великобритании и других мировых держав, а также агрессивная международная политика, осуществляемая российскими военными «на земле» (у них было убедительное оправдание для нарушения приказов: они могли сказать, что не имели возможности ждать три месяца, пока будет получена петербургская почта), – такое сочетание оказалось слишком соблазнительным.

Хотя на карте эта граница изображена как естественная часть рубежей Российской империи, располагалась она буквально на другом конце мира и совершенно отличалась от других границ империи – и возникавшими на ней проблемами, и динамикой. До тех пор пока в начале XX века не завершилось строительство Транссибирской железной дороги, требовались месяцы тяжелого пути, чтобы попасть сюда из европейской части России, и некоторые даже предпочитали более быстрый и простой морской путь вокруг Индии (а до окончания строительства Суэцкого канала – вокруг мыса Горн в Африке). В 1870-х один российский чиновник даже предпочел добраться во Владивосток морем, поездом и вновь морем через Нью-Йорк и Сан-Франциско. Короче говоря, дальневосточная граница на деле принадлежала России не в большей степени, чем Австралия – Великобритании.

Присоединение в 1858 году этой огромной территории прибавило к населению Российской империи лишь очень небольшую группу в 6000 постоянно проживавших здесь человек и 2000–3000 переезжавших с места на место (последние являлись китайцами, в том числе маньчжурами, ханьцами и даурами)^[116]. Но эта небольшая группа проживала рядом с испытывающим трудности, однако по-прежнему могущественным народом. Российские власти были слабы, их административная система находилась в зачаточном состоянии, а рычаги контроля были немногочисленны. Это – основная причина того, что Китай при аннексии оказался способным добиться ряда беспрецедентных ограничений, подобных которым в истории российской экспансии не было. По сути дела, Айгунский договор признавал присоединение этой территории Россией, но оставлял китайское население подданными китайского императора. Большинство авторов полагают, что российское население Приамурья накануне присоединения было в два или три раза больше китайского^[117]. Статья 1 договора гарантирует, что проживающие в регионе китайцы навечно сохранят китайское подданство и будут подчиняться китайским властям, выплачивая налоги и подати исключительно китайскому правительству: «Находящихся по левому берегу р[еки] Амура от р[еки] Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского

правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали»^[118]. Заключенный в Пекине дополнительный договор (2 ноября 1860 года) дает более широкую гарантию права всего китайского населения переданных России территорий продолжать жить без помех, не выплачивать российские налоги и не нести иные повинности^[119]. Более того, собственность всех китайских подданных в России защищалась подписанным в Тяньцзине трактатом 1858 года^[120]. В десятилетия, последовавшие за подписанием договора, китайское правительство тщательно охраняло эти привилегии, требовало значительных налоговых выплат продуктами питания и сырьем и даже принуждало китайских подданных отбывать трудовую повинность – например, на строительстве дорог с китайской стороны границы^[121]. Дарование такого экстратерриториального статуса китайцам, проживающим в бассейне реки Зеи, было любопытным решением, не имеющим аналогов в истории российских аннексий. Согласно Саре Пейн и Татьяне Сорокиной, Китай настаивал на таких условиях, поскольку считал договор временным, подлежащим позднему пересмотру и рассматривал продолжение даннических отношений с китайским населением как способ сохранить статус-кво до тех пор, пока регион не будет отвоеван^[122].

Каковы бы ни были исходные мотивы, у этих мер были существенные теоретические и практические результаты. В то время как за другими российскими аннексиями автоматически следовала натурализация всего населения присоединенной территории по принципу почвы, Айгунский договор гарантировал, что китайское население Приамурья не примет российского подданства не только в момент аннексии: в соответствии с принципом крови российское подданство не будет принято и последующими поколениями. Натурализация этих китайцев не была прямо запрещена ни российскими законами, ни самим Айгунским договором, но создается впечатление, что она происходила разве что в исключительно редких и необычных случаях^[123]. Одно из немногих откровенных изложений политики натурализации китайцев имело место на конференции дальневосточных губернаторов 1886 года, где был сформулирован набор невероятно строгих предварительных условий. На конференции было решено рассматривать возможность натурализации, лишь если китайские подданные 1) проживают в регионе не менее пяти лет, 2) обращены в христианство, 3) вступили в брак с русской женщиной и 4) отрезали традиционную китайскую косу^[124].

Теоретически Айгунский договор создал группу постоянно проживающих на территории России иностранцев, обладающих экстратерриториальными правами и иммунитетом от российских правовых норм. На практике это означало, что китайские подданные продолжали платить налоги и нести другие повинности в пользу губернаторов приграничных провинций Китая и в случае практически любого уголовного разбирательства экстрадировались на его территорию. Российские чиновники не были довольны таким ограничением своей власти. Уже в 1883 году они сумели изменить прописанное в договоре требование экстрадиции: отныне айгунские китайцы при совершении большинства преступлений попадали под юрисдикцию российских судов^[125]. В 1890-х годах российские власти продолжили сводить на нет экстратерриториальный статус айгунских китайцев^[126].

Когда генерал-губернатор Духовской провел наконец в 1893 году перепись, оказалось, что из 20 273 постоянно проживающих на этой территории китайцев 16 102 являются «маньчжурами из бассейна Зеи», находящимися в подчинении у китайских властей. На основании таких чисел он сделал вывод, что вновь прибывшие иммигранты ложно объявляют, будто проживают в России с 1858 года или относятся к потомкам тех, кто жил здесь с этого времени. Он продолжал попросту игнорировать особый статус таких лиц и использовал в отношении них административные меры, применявшиеся ко всем другим иностранцам. Это стало причиной множества – часто успешных – дипломатических протестов Китая. Ситуация оставалась напряженной и неопределенной вплоть до чрезвычайных событий – Боксерского восстания^[127].

В июне 1900 года китайцы начали нападать на российских солдат и железнодорожников вдоль Дальневосточной железной дороги в Маньчжурии. В том же месяце айгунский губернатор призвал китайских мужчин от восемнадцати до сорока лет, проживавших на территории России, на военную службу. Многие немедленно отправились, с имуществом и семьями. Кризис достиг кульминации в небольшом городке Благовещенске. Хотя он располагался далеко к западу от Айгуня, там проживало множество китайских торговцев и рабочих; кроме того, Благовещенск служил базой многим китайским золотоискателям. В течение нескольких недель войска восставших собирались вдоль Амура и вокруг города. Встревоженные российские чиновники докладывали об усилении пропаганды среди китайского населения на российских территориях и, несмотря на публичные заявления, что правительство защитит права китайцев – иностранных подданных, втайне начали размышлять об их интернировании, высылке и других мерах. По мере того как напряжение нарастало, некоторые китайцы стали добровольно уезжать в Китай. 1 июля 1900 года китайские бунтовщики дали несколько залпов по городу, и через два дня военный губернатор Амурской области Константин Николаевич Грибский отдал приказ о массовой депортации всего китайского населения. Более 3000 китайцев были стремительно согнаны войсками и полицией, после чего оказались вынуждены покинуть город и в период между 4 и 8 июля были загнаны в Амур. Согласно донесениям, лишь несколькими сотням удалось добраться на другой берег живыми^[128].

В ходе этих событий, в период с 5 по 10 июля 1900 года, практически все китайское население бассейна Зеи покинуло Российскую империю. Особая комиссия, изучавшая места бывшего проживания китайцев в сентябре 1900 года, заключила, что семьдесят шесть их поселений было сожжено дотла и лишь десять – сохранилось. Это означало, что опустело 114 500 десятин (124 800 гектаров) земли. Освободившиеся земли были спешно переданы казакам, а казна – перераспределена. Таким было в высшей степени быстрое и решительное завершение эксперимента с введением экстратерриториальности для китайского населения на российском Дальнем Востоке^[129].

Присоединение китайской территории в 1858–1860 годах на действительно далеком и малонаселенном Дальнем Востоке стало исключительным событием. То была единственная крупная аннексия, во время которой населению присоединенных территорий не был тут же присвоен статус российских подданных – вместо этого начался беспрецедентный эксперимент с введением экстратерриториальности. Эксперимент окончился сокрушительной неудачей. Российские власти не могли принять китайские притязания на налоги, службу и верность проживавшего на аннексированных территориях китайского населения. Во время кризиса, случившегося через сорок лет после аннексии, власти выдворили китайское население из страны. Такое решение было принято в рамках широкой административной и общественной кампании за ограничение азиатской иммиграции на Дальнем Востоке (эта кампания описана в третьей главе настоящей книги). В конце концов данный инцидент стал исключением, подтверждающим правила, в соответствии с которыми Россия присоединяла новые территории и присваивала их жителям российское подданство.

Карсская область и округа Батум и Ардаган

Второй случай касается трех провинций, аннексированных в 1878 году (Карсская область, округа Батум и Ардаган), в конце войны с Османской империей. Это также был пример разрыва с российской традицией присвоения подданства после аннексии, но разрыва, оформленного совершенно иначе: была введена формальная процедура, позволявшая отдельным лицам, проживающим на аннексированных территориях, выбирать подданство самостоятельно. Население этих трех регионов отличалось пестротой, и тем не менее здесь выделялись две крупные группы. Во-первых, преимущественно исповедовавшие ислам аджарцы и лазы (оба народа лингвистически

близки к основным грузинским языковым группам) – они проживали во всех трех провинциях, но больше всего их было в Батуме^[130]. Во-вторых, армяне, которых больше всего было в Карсской области и округе Ардаган и которые составляли значительную часть городского населения этой территории.

Принято считать, что во время войны произошел приток армян на Кавказ с территории Османской империи, а также переселение нескольких тысяч исламских курдов с российской территории в Анатолию, вслед за отступающими войсками. Однако сообщения о передвижениях лазов и аджарцев противоречат друг другу. В авторитетных грузинских и аджарских источниках подчеркивается враждебность населения османскому владычеству и упоминается Аджарское восстание 1875 года как ответ на попытку османских властей принудить аджарцев к службе в армии на Балканах. Мераб Вачнадзе и Аслан Абашидзе утверждают, что отступающая османская армия высылала аджарских крестьян в Османскую империю, тогда как несколько исследователей сообщают о теплом приеме, оказанном грузинской интеллигенцией аджарцам, переселившимся в Грузию и Российскую империю^[131]. Джастин Маккарти и другие ученые, напротив, заявляют, что российский гнет вынудил аджарцев и лазов к переселению в течение трех лет. Британские дипломатические источники сообщают о крайнем недовольстве, демонстрируемом аджарцами и лазами в отношении российского правления – в немалой степени из-за широко распространившихся слухов о возможном насильственном обращении мусульман в христианство и из-за депортации главного муллы Аджарии в Сибирь^[132]. Правда находится, скорее всего, где-то посередине между картинами счастливого воссоединения грузин под скипетром дома Романовых, с одной стороны, и тем завоеванием лазов и аджарцев, исповедовавших ислам, которое встретило их отчаянное сопротивление и привело к добровольной массовой эмиграции обоих народов, – с другой.

В любом случае предстояло решить вопрос подданства населения присоединенных территорий трех провинций. Согласно донесениям, когда российская армия и чиновники в августе 1878 года вступили в только что завоеванные области, генерал Дмитрий Иванович Святополк-Мирский собрал беков и старейшин бывшего Лазского санджака в Чурук-Су и просто объявил, «что их страна перешла под власть России и что они, переставая быть подданными Султана, должны быть верными только новому своему отечеству; что во всех нуждах они должны обращаться к своим вновь поставленным русским властям». Он закончил советом «по возвращении домой немедленно приняться за мирную работу»^[133]. Однако обычного для аннексий принесения присяги на подданство за этим не последовало. Седьмая статья Константинопольского мирного договора 1879 года окончательно проясняет ситуацию. Она устанавливает шестимесячный срок, в который жители присоединенных территорий могли свободно выбрать страну и подданство; но, выбрав Османскую империю, они должны были продать имущество, отказаться от российского подданства и покинуть отошедшие к России земли. Любой, кто оставался на этих землях в день истечения указанного шестимесячного срока, автоматически считался натурализованным российским подданным (вне зависимости от того, приносил он присягу или нет)^[134].

Почему в мирный договор был внесен этот уникальный пункт? Хотя он, несомненно, способствовал отъезду мусульман из региона, его мотивом вовсе не обязательно было дальнейшее разделение мусульман и христиан. Скорее, прослеживается любопытная связь с абстрактными теоретическими спорами, которые в 1860-х годах активно вели российские эксперты в области международного права. Согласно Владимиру Грабарю, влиятельная группа ученых утверждала, что «население – не просто бесправное приложение к территории. Теоретически желательно, чтобы оно выражало свое мнение, согласие или несогласие со сменой власти путем всеобщего голосования или референдума»^[135]. Такие перемены в мышлении происходили по всей Европе, где «влияние возраставшей веры в самоопределение и референдум как в условие передачи территории» оказалось важным во время развернувшегося в 1860-х годах спора между

Пруссией и Австрией за контроль над провинцией Шлезвиг-Гольштейн^[136]. Точно так же практика дарования населению, проживающему на присоединенных территориях, возможности вернуть прежнее гражданство и в установленный срок покинуть земли, перешедшие под власть другого государства, была применена к жителям Эльзас-Лотарингии (2-я статья подписанного в 1871 году Франкфуртского договора; подобные статьи становились естественной частью договоров, регламентировавших аннексию)^[137]. Короче говоря, ко времени присоединения Карсской области и округов Батум и Ардаган природа суверенитета в международном праве и практике начала меняться.

Седьмая статья вошла в историю российских процессуальных норм, создав прецедент: появился действующий легальный способ ранее небывалого выражения индивидуальной воли и права выбора в определении подданства населения присоединенных территорий, и один и тот же выбор был предложен как мусульманам, так и христианам, как аджарцам, так и курдам. Равным образом в 1878 году российское Министерство иностранных дел свободно предложило турецким военнопленным натурализоваться – вне зависимости от того, были ли они мусульманами или христианами^[138].

Еще один важный для властей момент заключался в том, чтобы избежать ситуации распространения двойного гражданства. Сама 7-я статья привела к длительным дипломатическим переговорам как раз по этому вопросу с Османской империей. В последовавшие десятилетия стало ясно, что многие армяне и греки, будучи османскими подданными, совершили краткие поездки в аннексированные провинции в конце шестимесячного срока, установленного для оптации, получили во время всеобщей натурализации на основании принципа почвы документы, подтверждающие статус российских подданных, и вернулись в Анатолию уже как иностранцы^[139]. В последующие десятилетия они пользовались экстратерриториальными правами, дарованными российским подданным капитулировавшим режимом, злоупотребляли ими и часто обращались в российские консульства за дипломатической защитой. Россия последовательно оказывала такую дипломатическую поддержку, но, что интересно, возражения российских либеральных экспертов в области международного права против такого нарушения основных принципов международного закона о гражданстве возымели действие, что привело к расследованиям и денатурализации этих лиц.

Самой серьезной проверке искренность намерений тех жителей трех провинций, которые приняли российское гражданство, подверглась через тридцать шесть лет после присоединения – когда в октябре 1914 года Турция объявила войну России. В течение нескольких недель в конце указанного года турецкие войска частично оккупировали эти три провинции, вновь уступив их России в январе 1915-го^[140].

После краткой турецкой оккупации исповедовавшие христианство местные жители и пресса обвинили мусульман в измене. Наместник Илларион Иванович Воронцов-Дашков в январе 1915 года отозвался на это депортацией примерно 6000 российских подданных – мусульман на необитаемый остров Наргин в Каспийском море близ Баку: их обвинили в том, что во время оккупации они сотрудничали с турецкими войсками^[141]. В том же месяце Н. Л. Петерсон, советник Воронцова-Дашкова по гражданским вопросам, направил в Совет министров предложение о депортации всего мусульманского населения Карсской области и округа Батум во внутренние районы России и о постоянном лишении этих людей российского гражданства, с тем чтобы в конце войны навсегда изгнать их с территории империи (если не удастся сделать это заранее)^[142]. Предложение было решительно поддержано Советом министров, но в конце концов оказалось отклонено. Грузинские депутаты российской Государственной думы быстро мобилизовали оппозицию. Протестующие заявляли, что множество мусульман уже было депортировано и в большинстве своем те, против кого было направлено предложение Петерсона, являлись не турками или курдами, а скорее аджарцами и потому – «грузинами, несмотря на их мусульманскую веру, а значит,

верными русским»^[143]. В результате этих протестов великий князь Сергей Георгиевич возглавил расследование, приведшее к выводу, что «общих враждебных отношений к войскам или администрации со стороны мусульман-аджарцев безусловно не было»^[144]. Министр иностранных дел и министр юстиции также настаивали, что международное право не допускает ни подобной односторонней массовой денатурализации, ни депортации граждан из их собственной страны. Такая позиция определялась одновременно и строгими установлениями международного права, и практическими соображениями, поскольку подобные действия могли подтолкнуть Османскую империю к ответу в конце войны массовой высылкой армян и представителей других народов^[145].

Любопытно, однако, что этот случай на Кавказе имел гораздо более благополучный исход, чем ситуация на Дальнем Востоке. На Кавказе процедура оптации эффективно отфильтровала население. Натурализация 1879 года была признана и российским, и международным правом. Это резко контрастирует с произошедшим на Дальнем Востоке. В обоих случаях формальный статус гражданина значил очень много. Турецких подданных трех провинций арестовали и интернировали, тогда как большинство натурализованных мусульман региона, перешедших в российское подданство, было оставлено в покое. Несложно понять, что, если бы всеобщая натурализация не являлась частью этого решения, последовали бы массовое интернирование или массовая насильственная высылка.

Представленные в этой главе примеры показывают значение принципа «Привлекай и удерживай» и стратегии заключения «сепаратных сделок» для формирования политики натурализации, проводившейся на вновь присоединяемых территориях. Хотя обычно на всех этих территориях действовал принцип почвы, существовали и исключения. С присоединения в XVII веке Украины до аннексии в XVIII веке Прибалтики и приобретения в XIX веке земель Финляндии и Средней Азии власти, как правило, применяли автоматическую и всеобщую натурализацию ко всем лицам, находящимся или проживающим на территории в момент присоединения. Эта инклюзивная практика хорошо сочетается с принципом «Привлекай и удерживай», позволяющим максимально увеличить численность царских подданных. Чтобы было легче придерживаться такого подхода, власти были готовы к применению варианта модели сепаратных сделок, позволяя вновь натурализованным гражданам сохранить прежние привилегии, освобождая их от ключевых повинностей, несомых российскими подданными (например, от военной службы или уплаты налогов), и в некоторых случаях даже допуская сохранение прежнего подданства. Вариантов набора прав и обязанностей, связанных со статусом подданного, было почти столько же, сколько и присоединенных территорий. Каждый регион и каждая социальная или религиозная группа жителей каждого региона заключали свою собственную сепаратную сделку, закрепляющую эти права и обязанности. То была определяющая черта подданства при царском режиме и один из самых эффективных инструментов в арсенале строителей Российской империи.

Но в конечном счете парадигма заключения сепаратных сделок в каждом случае оказывалась под давлением, возникшим из-за стремления унифицировать управление на территории империи. Автономность украинского гетманства шаг за шагом расплывалась и наконец была отменена – почти через столетие после воссоединения. То же самое, в большей или меньшей степени, происходило и на остальных присоединенных территориях. Аномальная, исключительная ситуация, которая сложилась для китайского населения аннексированных территорий бассейна реки Зеи, оказалась неустойчивой. Важно подчеркнуть, что целью была не просто административная унификация, но и введение принципов современного гражданства. В основании Великих реформ лежала идея о стремлении к равенству прав и обязанностей всех граждан. Эта идея обеспечивала поддержку со стороны либерально и умеренно настроенных лиц – как чиновников, так и широкой российской публики – поддержку ими отмены старых сепаратных сделок в присоединенных областях. Равным образом последняя значительная аннексия 1878 года показала, что власти начали уделять беспрецедентное внимание выбору, совершаемому отдельными лицами. Кажется, что к

1878 году статус гражданина стал слишком важным, чтобы просто присваивать его всему населению.

Глава III

Иммиграция и натурализация

В противоположность ситуации, существовавшей на большей части территории Европы, самым важным ресурсом для России на протяжении преобладающего периода ее истории было население, а не земля. В XV–XVIII веках, много времени спустя после отказа Европы от крепостного права, Россия ввела его и ужесточила – в основном для того, чтобы прикрепить крестьян к земле и использовать остальных для создания армии и осуществления некоторых других предприятий, начатых российским государством в эпоху Нового времени^[146]. Во всяком случае, быстрая экспансия России на юге и востоке в этот период и стремление включить в свой состав огромные евразийские степи с их плодородными почвами лишь усиливали всепоглощающее желание властей привлекать людей в страну и удерживать их в ней. На протяжении столетий люди перебирались из скудных и лесистых районов Нечерноземья на богатые степные черноземы, и начиная с XVIII века государство энергично привлекало европейских фермеров к заселению степи. Для Екатерины Великой и экономических мыслителей ее эпохи население было источником богатства, и любого человека, будь то мусульманин, протестант, меннонит или еврей, следовало удерживать, чтобы его труды способствовали процветанию империи. Бóльшая плотность населения также шла на пользу безопасности. В XVIII веке империя предпринимала отчаянные усилия, чтобы заселить и распахать обширные, по большей части пустующие южные степи, – дабы навсегда избавиться от притязаний на них со стороны Османской империи и кочевников, перемещавшихся по этим территориям вслед за своими стадами, торговавших и время от времени совершавших набеги или шедших войной на общины земледельцев и их российских попечителей. Правители России верили также в то, что степь следует захватить, чтобы удержать на месте население внутренних регионов страны. Большие и продолжавшие расти поселения казаков в степи не только обирали российских купцов и российские поселения, но и служили убежищем для беглых крепостных. Позднее, в XIX веке, обеспокоенность надежностью российской позиции на Дальнем Востоке станет постоянным стимулом к тому, чтобы селить там побольше людей^[147].

Самый яркий пример этой демографической политики – знаменитый манифест Екатерины Великой, изданный 4 декабря 1762 года. Он приглашал иностранцев приехать в Россию и заселить целинные земли, предлагая взамен щедрое поощрение и постоянное освобождение от основных повинностей, например от военной службы:

По вступлении Нашем на Всероссийский Императорский Престол главным правилом Мы себе постановили, чтоб навсегда иметь Наше Матернее попечение и труд о тишине и благоденствии всей Нам вверенной от Бога пространной Империи и о умножении в оной обитателей. А как Нам многие иностранные, равным образом и отлучившиеся из России Наши подданные, бьют челом, чтоб Мы им позволили в Империи Нашей поселиться: то Мы Всемилостивейше сим объявляем, что не только иностранных разных наций, кроме Жидов, благосклонно с Нашею обыкновенною Императорскою милостию на поселение в Россию приемлем и наиторжественнейшим образом утверждаем, что всем приходящим к поселению в Россию Наша Монаршая милость и благоволение оказывана будет... надеясь, что они, возчувствовав к ним сии Наши оказываемыя Матерния щедроты, потщатца, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества^[148].

Иностранцы могли приобрести незаселенные земли, и власти с середины XVIII до начала XIX века действительно много делали для того, чтобы привлечь иностранцев к покупке земли и заселению свободных территорий обширных российских степей^[149].

Хотя потребность в увеличении населения в долгосрочной перспективе российской истории была настоящей и неизменной, существовало множество важных ограничений, определявших, какого *тип* люди считались желательными и приемлемыми. Например, власти всегда с большим подозрением относились к иностранному духовенству. Все иммиграционные законы, по меньшей мере со времен Соборного уложения 1649 года, запрещали въезд на территорию России любому члену ордена иезуитов^[150]. Равным образом практически накануне польских восстаний 1830 и 1863 годов был установлен жесткий контроль над католическим духовенством. Иностранным нищенствующим монахам не так строго воспрещалось въезжать на территорию империи, но им не позволялась натурализация^[151]. Въезд даже православных иностранных священников и монахов из Османской империи, Молдавии или других стран строго регулировался^[152]. Различные законы и административные постановления запрещали выдачу виз иностранным цыганам. Местным властям было позволено депортировать их из страны или высылать во внутренние ее районы как бродяг^[153].

Самые важные ограничения – с точки зрения их строгости и числа затрагиваемых лиц – налагались на евреев. Но эти ограничения не были столь древними и не налагались автоматически, как часто утверждается в популярной и научной литературе. Например, в первые десятилетия после присоединения в 1772–1795 годах Речи Посполитой (а именно в ней проживало большинство российских евреев) не существовало определенных особых ограничений на иммиграцию евреев из других государств. Положение 1804 года даже прямо гарантировало, что к поселяющимся в России или посещающим ее с коммерческими целями еврейским подданным иностранных держав применяются те же законы, что и ко всем прочим российским подданным^[154]. Однако в 1820-х годах положение изменилось. В 1824-м Комитет министров запретил всем иностранным евреям навечно селиться в пределах империи. В 1828 году запрет был распространен на евреев – российских подданных из Царства Польского^[155]. Эти ограничения изменялись вместе с ростом всего того комплекса ограничений на проживание, который вытеснил большинство российскоподданных евреев в местечки, города и поселки на западных границах Российской империи (грубо говоря, это область на западной границе империи до первого раздела Польши в 1772 году, широко известная как черта оседлости). Чтобы помешать евреям из других государств обойти эти правила, указом 1833 года было введено требование ко всем иммигрантам предоставлять документальное подтверждение того, что и сами они, и их семьи являются христианами^[156].

Несмотря на серьезное давление из-за рубежа, в конце XIX века власти ввели дальнейшие ограничения. Иностранцам евреям позволялось селиться в России лишь в исключительных случаях, требовавших одобрения со стороны Министерства иностранных дел, и только если они попадали в одну из следующих категорий^[157]: 1) раввины, присутствие которых правительство сочло необходимым; 2) армейские и флотские врачи; 3) лица, намеревающиеся основать фабрику (но не винокурню) и привезшие с собой не менее 15 000 рублей в качестве инвестиций (построив фабрику за три года, они могли претендовать на натурализацию – в противном случае их следовало выслать из страны); 4) ремесленники и мастера^[158].

Для еврейских иммигрантов натурализация была исключительно сложным делом. Согласно определению 1896 года единственными категориями иностранных евреев, которые могли стать российскими подданными, оказались те, кто строил фабрики, те, кто был ремесленником или мастером, а также евреи из Средней Азии, желавшие вступить в одну из гильдий в Оренбургской губернии^[159]. Архивы Департамента полиции содержат описания многих случаев обнаружения и депортации лиц, которые получили в паспорт визу, не уведомив власти о том, что они евреи, или тех, кто приехал в Россию с фальшивым паспортом на имя христианина. Обнаружив такого человека, полиция в административном порядке депортировала его из страны^[160].

Власти беспокоились также о том, как помешать въехать в страну иностранным атеистам. На деле каждый иностранец должен был указать свое вероисповедание – при подаче прошения о визе в российское консульство за рубежом и при регистрации местными властями по прибытии в Россию. Таким образом, вероисповедание было указано на каждой конкретной визе. Несколько частных случаев привели к укреплению политики, согласно которой атеизм или даже агностицизм (утверждение «вероисповедание отсутствует») не допускался^[161].

Эти примеры демонстрируют наличие некоторых серьезных ограничений общего принципа «Привлекай и удерживай». Власти прилагали много усилий, чтобы привлечь желательных иммигрантов, но в то же время настаивали на отсеивании тех, кто таковым не являлся. В численном отношении с 1750-х по 1850-е годы внушительное большинство иммигрантов составляли фермеры, которых интересовали свободные земли, освобождение от налогов и воинской службы. К середине XIX века свободные пахотные земли закончились и приоритеты правительства изменились: теперь оно привлекало не фермеров, а людей, которые могли поспособствовать индустриализации.

Веками государство пыталось привлечь купцов, предпринимателей, искусных рабочих, профессионалов и тому подобных иностранцев в русские города. Но, в сравнении со вполне широкомасштабной иммиграцией на свободные земли русских степей, размах иммиграции в российские города и промышленные районы ограничивался несколькими важными факторами. Первый и наиболее очевидный заключался в скромных масштабах российской промышленности и невысоких темпах роста городов. Второй – в том, что при царском режиме права иностранцев серьезно ограничивались по политическим причинам. Одним из лейтмотивов правления Николая I была защита России от проникающих из-за границы либеральных, революционных идей, и его полиция принимала множество мер, позволявших контролировать и ограничивать зарубежные поездки жителей империи и деятельность иностранцев внутри нее, особенно в городах. Системы контроля чаще всего рассматривались как одна из причин сравнительной экономической отсталости России к концу правления этого царя. В-третьих, как раз те иммигранты, которые были бы особенно полезны, – коммерсанты из числа представителей еврейской диаспоры, армяне и религиозные меньшинства – казались полиции наиболее подозрительными.

Забывтые Великие реформы

Все переменялось после унижительного поражения в Крымской войне. Царь Александр II начал серию реформ, кульминацией которых стал закон от 10 февраля 1864 года, «открывающий вообще в истории русского законодательства о подданстве новую эпоху»^[162]. Эти законы, воистину попавшие в число наиболее незамеченных из Великих реформ, имели важные теоретические и практические последствия. Очевидно, что инициаторы реформ планировали решительно порвать с прошлым, чтобы открыть страну для тех иностранцев, которые поспособствовали бы индустриализации и модернизации. В определенной мере то был новый вариант демографической политики XVIII века, направленной на привлечение иностранцев. В то время как в XVIII веке эта политика имела своей целью привлечь фермеров и заселить нераспаханные степные земли, реформы 1860-х годов, определившие новый порядок натурализации и получения подданства, были ориентированы прежде всего на привлечение инвесторов, инженеров, купцов и искусных рабочих.

Реформы начались с ряда решений, принятых в конце 1850-х годов и призванных сделать менее строгими драконовские, политически ориентированные ограничения на въезд иностранцев в страну, наложенные в ответ на польское восстание 1831 года, революционные события 1848 года и из общей подозрительности к «вредным замыслам» иностранцев, преобладавшей в администрации Николая I^[163]. Вскоре после восшествия Александра II на престол правительство объявило, что полностью порывает с подходом предыдущего царя, заявив, что «ограничения с целью защиты российских

купцов коммерческих прав иностранцев, проживающих здесь постоянно или временно, лишь вредят российскому экспорту и конкурентоспособности за границей»^[164]. В 1857 году, побуждаемое к действиям требованиями со стороны французов, правительство отменило двойной налог, которым облагались французские граждане, проживавшие в городских домах, а также некоторые иные ограничения^[165]. Другие страны обратились с просьбами о таких же послаблениях для своих граждан, проживающих в России, – на основании принципа наибольшего благоприятствования. Шаг за шагом российское Министерство иностранных дел стало играть очень активную роль, иницируя и проводя переговоры о ряде новых торговых договоров с отдельными странами, что вело к резкому расширению прав большинства иностранцев в России. Каждый договор заключался на принципах взаимности и влек за собой улучшение юридического статуса российских подданных за рубежом^[166]. Каждый раз в качестве причины государственной поддержки этих соглашений чаще всего упоминалось то, что они могли облегчить международную торговлю и экономическое развитие^[167]. Хотя положение, сложившееся внутри страны, с которым имел дело новый царь-реформатор, и объясняет, почему эти важные реформы произошли именно в то время, следует учитывать и их более широкий, глобальный контекст. Первопроходцем стала Франция, в период с 1760-х годов и в течение революционной эпохи отменившая на своей территории юридические ограничения, налагавшиеся на иностранцев (завершив дело отменой в 1819 году особого «налога на иностранцев», известного как *droit d'aubaine*). Австрия в 1790-х уравнила гражданские права иностранцев и уроженцев страны, и общая европейская тенденция в последующие десятилетия заключалась в достижении все большего правового равенства подданных и иностранцев^[168]. Затем, согласно Джону Торпи, 1860-е годы стали свидетелями возникновения широкого европейского консенсуса по вопросу о том, что «экономический либерализм является самым надежным рецептом процветания»^[169]. Говоря словами Эрика Хобсбаума, «оставшиеся институциональные препятствия свободному движению факторов производства, свободному предпринимательству и все, что могло бы оказаться потенциально опасным для его рентабельности, пали под натиском, охватившим весь мир»^[170].

Другой закон 1857 года обеспечил бóльшую юридическую защищенность финансовым инвестициям иностранцев, облегчив правила наследования и уменьшив обременительные налоги, которые те должны были платить, чтобы ликвидировать свою собственность в России и отбыть на родину^[171]. Эти налоги составляли от 10 до 20 %, в зависимости от продолжительности проживания в стране. Так же как и в случае двойного налогообложения иностранцев, серия двусторонних соглашений быстро отменила подобные налоги на наследство и экспатриацию. Декрет от 16 мая 1866 года просто признавал результаты волны двусторонних соглашений, официально отменяя все эти налоги для иностранцев^[172].

Министерство внутренних дел утверждало, что упрощение документации и сокращение на постоянной основе полицейских требований к иностранцам должно подождать, пока не будут разработаны новое постановление о паспортах и другие тесно связанные с реформами законы, требовавшиеся для освобождения крепостных. Однако Александр II не желал ждать так долго. Он подгонял осуществлявших данный план чиновников, издав 7 июня 1860 года важный закон, существенно облегчивший требования к паспортам и полицейский надзор и даровавший ряд новых прав иностранцам, в особенности зарубежным купцам, проживающим в России^[173]. Этим законом прямо отменялся декрет от 1 января 1807 года, введший ряд ограничений на въезд иностранцев и новые требования к регистрации и осуществлению полицейского надзора над иностранными резидентами^[174]. Закон 1860 года провозгласил принцип, согласно которому «пребывающим в России иностранцам по торговле, земледелию и промышленности дарованы такие же права, какими пользуются русские подданные»^[175]. Одним из важнейших принципов, установленных новым декретом, стала возможность для иностранцев приобретать земельную собственность^[176]. Сам язык декрета от 7 июня 1860 года ясно свидетельствует о мотивах, лежавших в основании этих реформ:

Манифестом 1 января 1807 года (№ 22418) поставлены некоторые ограничения в правах по торговле иностранцев, постоянно или временно в России пребывающих. Ныне, при постепенном усовершенствовании способов сообщения и при быстром развитии международных торговых сношений, сии ограничения не соответствуют уже потребностям времени. С другой стороны, в главнейших европейских государствах дозволяется подданным нашим, как и всем вообще иностранцам, заниматься коммерческими делами в одинаковых с природными жителями правах. Принимая в уважение то полезное влияние, которое может иметь на все отрасли народного богатства доставление более удобства пользоваться в предприятиях всякого рода и иностранными капиталами, и желая явить новый знак нашей особенной заботливости о преуспевании торговли, земледелия и промышленности вообще в империи, а также оказать иностранным державам справедливое взаимство, мы признали за благо даровать пребывающим в России иностранцам такие же в сем отношении права, какими пользуются уже наши подданные в главнейших европейских государствах^[177]. Новое отношение к иммиграции быстро проникло во все ветви власти. Даже подготовленный в 1861 году ежегодный доклад службы, ответственной за пограничный контроль и надзор за иностранцами, демонстрировал разрыв с традиционно негативным отношением к иммиграции. На основании опыта этого года, принесшего новый наплыв иностранцев, в докладе сообщалось, что «не видно, чтобы проживающие в России иностранцы обнаруживали неприязненные чувства к избранному ими второму отечеству. Напротив того, бóльшая их часть весьма довольна дарованными им разными облегчениями и льготами и благодарна за попечение правительства»^[178]. Опасались главным образом прибытия поляков и либералов, но, согласно отчету, они в основном были людьми без определенных занятий и потому их несложно было отличить от полезного большинства^[179].

Ряд других мер делал для иностранцев более доступными и удобными путешествия и торговлю на территории России. Например, в 1861 году новые правила разрешили торговым судам входить в порты Архангельска и Онеги, причем свободный вход позволялся без требуемой ранее проверки паспортов. Введенные в 1860 году временные правила о паспортах иностранцев позволили последним дважды въезжать в империю по визе, выданной российским консулом за рубежом (тем самым все российские визы стали двойными). Царский декрет 1861 года не только упразднил старые запреты на въезд иностранцев в империю на Дальнем Востоке, но также создал для них на тихоокеанском побережье городá с беспошлинной торговлей^[180].

Вместе с тем прежнее отношение представителей бюрократии к иностранцам не изменилось в одночасье, о чем свидетельствует особый циркуляр полицейского департамента «О недопущении медленности по делам иностранцев». В циркуляре отмечалось, что иностранные апелляции по делам о наследстве и другим делам часто «продолжаются несколько лет от медленности распоряжений низших присутственных мест» и что в свете новой политики, направленной на привлечение иностранцев к участию в российской экономике, такие задержки более неприемлемы^[181].

Местные крестьяне и чиновники встречали иностранцев без всякого энтузиазма, а иногда даже проявляли прямую враждебность. Например, жители Воронежа связывали участившиеся пожары с недавним прибытием в губернию 160 наемных сельскохозяйственных рабочих, большинство из которых не нашли постоянной работы. Отзываясь на сопротивление местных жителей, Министерство иностранных дел согласилось депортировать этих иностранцев из страны – но только если депортации не нарушат международных правил и соглашений со странами, куда следовало депортировать приехавших^[182]. Создается впечатление, что в конце концов бóльшая часть приказов о депортации была отменена. На ранних стадиях новая открытость являлась политикой, навязываемой сверху.

Освобождение крестьян также оказало прямое влияние на положение иностранцев. До 1861 года одним из ключевых ограничений прав и экономической деятельности

иностранцев в России был запрет не только на владение сельскохозяйственными и домашними крепостными работниками и ремесленниками, но и на аренду или наем таких лиц. После 1861 года иностранные аристократы и торговцы смогли нанимать рабочих, являвшихся российскими подданными, вследствие чего конкурентоспособность иностранцев в России – в сравнении с положением российских торговцев, фабрикантов и знати – внезапно повысилась. Более того, решение, объявленное одновременно с декретом об освобождении, то есть 19 февраля 1861 года, открыло для землевладельцев возможность сдавать землю иностранцам на тридцатилетний срок. В последующие десятилетия это стало важным стимулом для иммиграции^[183]. Подобные меры как поощряли иммиграцию, так и создавали для ненатурализованных иностранцев возможность войти в российскую экономическую элиту и благоденствовать.

Новые законы также создали благоприятные условия для важного непривычного явления в истории российской иммиграции: наплыва заграничных сельскохозяйственных рабочих. Согласно ежегодному докладу Третьего отделения Императорской канцелярии за 1862 год, многие землевладельцы быстро воспользовались преимуществами новых законов, «ввозя иностранных рабочих из-за границы, как для того, чтобы распахать побольше земли, так и для того, чтобы создать у наших крестьян положительное впечатление, давая им хороший пример труда, нравов и улучшая земли разумными сельскохозяйственными методами»^[184]. В эпоху крепостничества сельскохозяйственные мигранты составляли одно из немногих исключений из правила, запрещавшего иностранцам продавать и покупать землю и записываться в сословие «колонистов». После освобождения крестьян некоторые землевладельцы почувствовали, что им не хватает низкооплачиваемых работников для возделывания земли, полученной по процедуре освобождения, и обратились к заграничным сельскохозяйственным рабочим. Чтобы облегчить их приток, закон 1864 года позволил иностранным рабочим ходатайствовать о получении российского подданства немедленно по прибытии в Россию – по ускоренной процедуре, обходившей требование пятилетнего проживания в стране^[185].

Для большинства других иностранцев закон 1864 года сохранил двухлетнее освобождение от налогов (податей). На практике, поскольку требование о вхождении в податное общество было в тот период не таким уж строгим, иностранцы часто могли де-факто не платить налоги в течение неопределенно долгого срока по истечении этих двух лет^[186].

Важное двустороннее соглашение с Бельгией, подписанное в 1865 году, распространило гарантии равных (с гражданско-правовой точки зрения) прав для индивидов на акционерные общества, торговые и промышленные товарищества и финансовые институты. Оно провозглашало, что такие компании, созданные в Бельгии, «могут пользоваться в России всеми их правами, и в том числе правами судебной защиты, сообразуясь с русскими законами, если подобные общества и товарищества, законно учрежденные в Российской империи, будут пользоваться одинаковыми правами в Бельгии»^[187]. В то же время царь наделил (и поощрил) Министерство иностранных дел полномочиями заключать аналогичные соглашения с другими странами при поддержке Министерства финансов – что и было вскоре сделано.

Одной из основных целей этих реформ стало облегчить иммиграцию для заграничных купцов, предпринимателей, технических специалистов и управляющих. На основании анализа деталей важных новых коммерческих законов, принятых 1 января 1863 и 9 февраля 1865 года, И. В. Поткина заключает, что произошел существенный концептуальный сдвиг в юридическом положении иностранцев в Российской империи: от колониальных, заключаемых в индивидуальном порядке «сепаратных сделок» – к нормативным принципам, которые открыли общественные институты для иностранцев и уравнивали их права с правами российских подданных. До принятия этих законов иностранцу следовало либо натурализоваться и получить разрешение вступить в

российское купеческое сословие, либо быть приписанным к социальной категории «иностранцев». Для последних условия экономической деятельности основывались на подробных индивидуальных контрактах, подписываемых в каждом конкретном случае царем. По аналогии с принципом условного права собственности эпохи Московского царства, воплощенным в институте поместий, «права» владения и экономической деятельности не были законными правами, если считать, что законы должны иметь универсальное нормативное содержание. Напротив, они были более сходны с теми индивидуальными «сепаратными сделками» царя с избранными иностранцами, условия которых в любой момент могли быть пересмотрены. Более того, все иностранцы из категории «иностранцев» мирились с большим числом ограничений, которые при столкновении интересов склоняли чашу весов в пользу местных жителей^[188]. Сходным образом в XIX веке известные иностранные инвесторы, предприниматели, ученые и художники могли получить звание «почетного гражданина», даровавшее им права, практически равные правам подданного, за тем важным исключением, что они не получали права завещать свою собственность потомкам на тех же условиях, что и российские подданные. Не натурализовавшиеся и не получившие особого статуса иностранцы могли в течение десяти лет инвестировать в фабрики и предприятия в России, а в конце этого срока должны были либо натурализоваться, либо распродать свою собственность^[189].

Новые законы позволили иностранцам напрямую, без обязательной предшествующей натурализации, вступать в российские купеческие гильдии (цеха), что явилось способом привлечь иностранные инвестиции и, освободив иностранцев от особого юридического статуса, поощрить их к участию в городской экономической жизни^[190]. Иностранцам теперь даровался не статус натурализованного иностранца, получаемый благодаря особым, привилегированным званиям (причем каждый случай их присвоения рассматривался в отдельности), а скорее широкие, юридически определенные права, которыми наделялись все иностранцы. Очень быстро оказалось, что реформа успешно реализовала эту свою задачу – к большому негодованию ее российских противников, все громче заявлявших о себе.

Реформы в области натурализации

До 1860 года существовали значительные и важные различия в юридическом статусе, правах и обязанностях между подданными императора и иностранцами. Однако на деле приобретение статуса подданного значило для иностранца гораздо меньше, чем принятие в одно из привилегированных российских сословий. Вся правовая система основывалась на идее разных наборов юридических прав и обязанностей – своих для каждого отдельного сословия. Знать заключала один договор, купцы – другой. Поэтому ключевым моментом процесса натурализации было не приобретение общих прав и обязанностей российского подданного (поскольку таких общих прав и обязанностей было очень немного), а скорее допуск индивида в *состояние* (группу с особым правовым статусом, профессиональное объединение или сообщество с особым образом жизни). Фактически существовало много причин, по которым люди, вступившие в состояние, могли захотеть сохранить подданство другого государства. Это не только означало освобождение от некоторых важнейших обязанностей (самой важной из них была воинская повинность), но и позволяло иностранцу рассчитывать на дипломатическую защиту. Последнее могло быть очень важным фактором в стране, где личные права и право частной собственности были не такими всеобъемлющими и не так хорошо обеспечивались, как на родине иностранца^[191]. Задумываясь о натурализации, такой иностранец вполне мог решить, что дипломатические каналы подачи прошений и двусторонние соглашения между Российской империей и его родной страной могли бы лучше защитить его самого и его собственность, чем если бы он стал российским подданным (после натурализации в России сохранить прежнее подданство было невозможно). Реформы 1860-х годов дали иностранцам практически все права

подданных, не обременив их обязанностями^[192]. Если единственное, что могла принести натурализация, – это новые обязательства, то был ли в ней смысл?

На деле многие иностранцы так и не натурализовались. Уже в XVII веке был введен принцип, согласно которому иностранец мог служить царю (даже в армии) без всякой натурализации. Существовали отдельные и не связанные между собой присяги для иностранцев, вступающих на российскую службу, и эта дистинкция сохранялась в российском праве до конца имперского периода^[193]. Единственной присягой, необходимой для вступления на службу, была «присяга на верность службы»^[194]. Другую, особую присягу приносил тот, кто становился царским подданным («присяга на подданство»). В военных архивах хранятся сведения о многочисленных иностранцах (от кавказских ханов до немецких колонистов из числа служащих низкого ранга и до высокопоставленных иностранных аристократов), десятилетиями служивших царю без натурализации и принесших присягу лишь на верность службы, а не на подданство^[195].

Однако к середине XIX века уровень натурализации в Российской империи был на самом деле пусть и не намного, но выше, чем в Великобритании, Соединенных Штатах, Канаде, Франции, Германской империи и Габсбургской монархии. Согласно официальной статистике 1839–1863 годов, число официальных натурализаций обычно составляло 5–10 % от чистой иммиграции. В сравнении с другими странами это весьма внушительное количество (см. таблицу 5 в приложении I). Существует несколько возможных объяснений такого, относительно высокого уровня натурализации в Российской империи до 1860-х годов. Во-первых, главным интересом многих европейских стран (в особенности немецких государств как до, так и после 1870 года) было сохранить стоимость социального обеспечения как можно более низкой. Его преимуществами могли пользоваться лишь подданные, так что эти страны постоянно имели сильный стимул препятствовать натурализации, ограничивать ее и терпеть присутствие в стране большого количества ненатурализованных иностранцев^[196]. Поскольку в России практически не было финансируемых государством услуг для подданных, то такие серьезные побудительные причины для ограничительной политики натурализации отсутствовали. Во-вторых, до реформ 1860-х годов иностранные купцы и другие иноземцы сталкивались в Российской империи со значительными юридическими и социальными ограничениями своих прав, включая отсутствие права наследования собственности. Иностранные купцы вынуждены были уплачивать двойной налог, который мог быть весьма обременителен; кроме того, иностранцы не имели доступа к судебной системе, что делало их потенциально более уязвимыми для судебных исков. Они сталкивались с ограничениями на участие в розничной торговле, заключение сделок с другими иностранцами и ведение экспортных операций. Они не могли обойти эти ограничения, вступив в российскую гильдию, прежде не натурализовавшись. До реформ 1860-х годов иностранцы, как правило, могли инвестировать в фабрики и предприятия в течение десяти лет, по истечении которых, как я уже говорил, им следовало либо натурализоваться, либо распродать свое имущество^[197]. В-третьих, в особенности во время консервативного правления Николая I (1825–1855) власти налагали значительные новые взыскания на иностранцев, не желавших натурализоваться, что включало возможность наследования дворянского звания, титулов и некоторых прав собственности лишь при условии натурализации^[198].

Можно было бы ожидать, что реформы и либерализация 1860-х годов сделают статус российского подданного более привлекательным для иностранцев. Однако, как ни удивительно, перемены возымели обратный эффект. После того как эпохальные законы 1864 года полностью уравнивали иностранцев и подданных в их правах с точки зрения гражданского права, а также отменили двойной налог на купцов, особых причин для натурализации не осталось. С другой стороны, в эпоху, когда было сложно принадлежать к двум нациям, натурализация означала бы отказ от значительного преимущества, обеспечиваемого дипломатической юридической поддержкой, которую Германия, Британия и другие страны решительно предоставляли в каждом конкретном

случае. В результате официальная статистика свидетельствует, что количество натурализаций быстро упало до малой доли предшествующего уровня^[199].

Общее для всех национальное гражданство

Декрет 1864 года стал воплощением перехода к формированию единого, универсального, общего гражданства, которое должно было заменить другие, промежуточные его типы. Первой из этих перемен был отказ от юридического разграничения «временного» и «постоянного» гражданства. Первый статус обычно получали те, кто приносил особую присягу на верность службы; он не влек за собой приобретения каких-либо политических прав, но давал набор прав договорных, позволяющих вести дела, владеть домами, фабриками либо арендовать их и т. п. В первую очередь этот статус присваивался студентам, купцам и другим лицам, планировавшим жить и работать или учиться в России в течение определенного времени, но желавшим сохранить возможность уехать из страны. (Российские подданные не имели гарантированного права эмигрировать.) Россия вовсе не была исключением и не особенно припозднилась в переходе к фундаментальному принципу гражданства в международном праве, согласно которому натурализация приносит с собой полную правоспособность в новой стране и полный отказ от претензий со стороны старой. Британское гражданство сохраняло понятие лояльности (то есть непризнание утраты британского гражданства в результате натурализации за рубежом) до 1870 года^[200].

Более серьезные юридические различия связывались со статусом натурализованного иностранца, принесшего присягу на вечное подданство. В XVIII и XIX веках серия правил определяла права и обязанности натурализованных иностранцев не так, как права уроженцев страны. Натурализованные иностранцы (*denizens*) чаще всего продолжали подчиняться общим ограничениям, налагавшимся на иностранцев, хотя в некоторых случаях могли пользоваться правами большими, чем те, которыми располагали уроженцы страны^[201]. Закон 1864 года упразднил этот промежуточный статус, и как натурализованные подданные, так и уроженцы страны стали равны перед законом^[202]. То был серьезный шаг по пути отмены всех промежуточных статусов между статусами подданного и иностранца. Закон 1864 года также и на практике, и теоретически рецентрализовал выдачу окончательного одобрения натурализации, сделав последнюю скорее актом присоединения к подданным государства, чем логическим следствием принятия в какое-нибудь из местных сословий^[203].

В эпоху реформ произошло, кроме того, укрепление давно существовавшей в российском законодательстве и процессуальных нормах тенденции к применению принципа почвы и увеличению количества царских подданных. Это можно увидеть в некоторых подробно прописанных условиях закона о натурализации, например в пункте, дающем губернаторам право натурализовать детей иностранцев в год их, этих детей, восемнадцатилетия. Сходным образом, родившиеся на российской земле иностранцы могли в срочном порядке натурализоваться, всего лишь устроившись на работу и принеся присягу на службу в России^[204].

Владимир Гессен, единственный исследователь, проанализировавший Великие реформы в области подданства и натурализации, также подчеркивает другой концептуальный переход: от «коллективного» членства – к «индивидуальному»^[205]. Он приводит исторический довод, согласно которому натурализация в XVIII веке (в России и Европе) происходила в первую очередь благодаря политике увеличения количества населения страны. Поскольку в это время многие международные миграции предполагали переселение целых общин, натурализация часто становилась предметом переговоров во время общего процесса иммиграции. Целые сообщества мигрантов натурализовались в соответствии с особыми постановлениями и условиями. Зачастую такого рода натурализацию лучше описывает термин «установленная в порядке договоренности привилегия» – привилегия, даруемая сообществу и предполагающая

освобождение от ограничений, налагаемых на иностранцев, и от обязанностей, которые должны выполнять граждане государства^[206]. В таком виде натурализация все еще очень хорошо согласуется с парадигмой сепаратных сделок, заключаемых с различными группами мигрантов и поселенцев, перебивавшихся на территорию Российской империи. Гессен утверждает, что только после реформы 1864 года натурализация начала демонстрировать интерес к «индивидуальным свойствам натурализуемого иностранца»^[207].

Однако существовало несколько важных исключений, выходящих за рамки параллельной универсализации норм и индивидуализации их применения, имевшей место в законах о гражданстве после 1864 года. Во-первых, были сохранены весьма широкие особые правила для Царства Польского и Великого княжества Финляндского^[208]. Финляндии, например, даровалось право выдавать загранпаспорта как российским подданным, так и иностранцам, проживавшим в княжестве^[209]. В некоторых случаях Собрание законов Российской империи сохраняет отдельные разделы, регулирующие приобретение и утрату принадлежности к Российскому государству в двух этих юрисдикциях. Согласно административному постановлению 1865 года, жители Царства Польского для пересечения границы с другими регионами Российской империи нуждались в особом «паспорте подданного империи». Таким образом, порядок въезда на территорию страны для финнов и поляков мало отличался от процесса получения визы для пересечения международной границы^[210]. Закон 1867 года даровал ряд денежных и юридических привилегий российским подданным из других областей империи при поступлении на службу в польских провинциях. В сочетании с новыми ограничениями возможности для поляков приобретать и наследовать землю в регионе, эти привилегии работали против общей тенденции, получившей развитие в эпоху реформ и направленной на создание единого статуса гражданина империи^[211]. В Польше, Финляндии и – в меньшей степени – в некоторых других частях империи (в Бухарском и Хивинском ханствах, Бессарабии, на Дону и в Прибалтике) подобные правила сохраняли по крайней мере какое-то местное разнообразие в гражданских правах.

Во-вторых, как до, так и после 1864 года некоторые группы иностранцев сталкивались с большим количеством юридических ограничений, чем другие. Несмотря на заметное международное давление, евреям-иностранцам позволялось селиться в России лишь в отдельных, исключительных случаях, требовавших одобрения со стороны Министерства внутренних дел^[212]. Те иностранные евреи, которые вошли в число таких исключений и получили разрешение на въезд в страну, не пользовались такими же правами, какими пользовались другие иностранцы, а сталкивались с множеством ограничений в отношении места проживания и экономической деятельности, с которыми мирились и евреи, находившиеся в российском подданстве. Из-за международных дипломатических дискуссий на данную тему это не было четко оговорено в законе – в особенности из-за дискуссий с Соединенными Штатами, настаивавшими на том, что все натурализованные американские граждане, в том числе и евреи, должны защищаться российскими законами так же, как и другие иностранцы^[213]. В результате российским консулам было велено не указывать при выдаче виз евреям-иностранцам, что поселение возможно лишь в пределах еврейской черты оседлости. По дипломатическим соображениям власти предпочитали накладывать на таких людей ограничения не посредством формальных законов, а внутренними циркулярами, регламентировавшими административную практику^[214]. И напротив, в то время как евреям, иезуитам, дервишам, китайцам и представителям других групп натурализация была запрещена, некоторые иные категории людей рассматривались в качестве желательных и получали преимущества при натурализации. Например, секретный царский циркуляр дал Министерству иностранных дел право не требовать обязательного пятилетнего проживания на территории империи при натурализации славян, оказавшихся в турецком подданстве^[215].

В-третьих, хотя новые правила 1864 года и создали в теории единую национальную процедуру натурализации, на практике они не уничтожили огромных различий в этом процессе для разных социальных групп – по большей части потому, что включали требование, чтобы проходящие натурализацию люди «избирали свой род жизни» и были приписаны или причислены к российскому сословию или состоянию^[216]. Для иностранных купцов вступление в российское торговое общество или купеческую гильдию, вероятно, все еще оставалось с точки зрения прав и юридического статуса более важным, чем формальное обретение гражданства^[217]. Тем более верно это было для иностранной знати. И для тех, и для других момент получения реального доступа к правам и привилегиям – подлинная «натурализация» – оставался моментом вхождения в российское сословие или обретения определенного положения. Более того, иностранные купцы и другие иноземцы, проживающие в городе, должны были испрашивать у городской думы и полиции дозволения войти в число городских обывателей, перед тем как губернатору могло быть позволено провести церемонию натурализации.

Наконец, на практике Великие реформы никак не отменяли особого юридического статуса иностранцев. По иронии судьбы в последовавшие за реформами десятилетия было много жалоб на то, что, уравнив юридическое положение иностранцев и российских подданных перед законом, реформы уничтожили многие стимулы, побуждавшие иностранцев к натурализации. Иностранцы – которые были полностью равны россиянам с точки зрения гражданского права, пользовались дипломатической защитой и не подлежали воинской повинности – имели больше привилегий и меньше обязанностей, чем российские подданные^[218]. Виктор Деннингхаус в своем описании разнообразных иностранных клубов и обществ Москвы приводит поразительные свидетельства того, как хорошо было известно о таком привилегированном положении иностранцев, в особенности в случае развернутой российскими подданными в 1870-х годах затянувшейся кампании за получение доступа в Немецкий клуб – влиятельную и престижную коммерческую, а также общественную организацию, в которую принимались лишь иностранцы^[219].

Нативизм и контрреформы

Российские журналисты и политики быстро выступили против дарованных иностранцам новых привилегий и последовавшего за этим стремительного притока иностранных иммигрантов, купцов, инвесторов и т. п. Ни сравнительно важная роль иностранцев в российской экономике, ни сопротивление данному обстоятельству со стороны прессы и российских купцов не были новым явлением. На самом деле важная роль иностранцев в коммерческой жизни Петербурга, Москвы и других городов хорошо описана в документах и воспринималась российским купечеством как проблема задолго до Великих реформ^[220]. Одним из первых мест, где возмущение влиянием иностранного купечества достигло высшей точки, стала Одесса. В 1817 году она получила статус порто-франко – то был один из этапов внушительной серии экспериментов, проведенных в новороссийских провинциях с целью поощрить иммиграцию и международную торговлю. В результате иностранцы быстро стали доминировать в коммерческой жизни Одессы и взяли под контроль большую часть черноморской торговли^[221]. Одесса является особенно интересным случаем, поскольку там иностранным купцам были, по сути дела, дарованы привилегии, дававшие преимущество перед российскими купцами. Отчасти это произошло из-за попытки поспособствовать образованию торговых связей с христианами Османской империи, которые пользовались у себя на родине привилегированным положением.

Одесса была лишь одним из многих примеров того, как при развитии торговли в приграничных областях официальные власти придерживались сравнительно открытой и гостеприимной политики в отношении иностранцев и нероссийских местных диаспор, занимавшихся коммерцией. Например, армяне на Кавказе, в Астрахани и Средней Азии

получили широкие налоговые и торговые привилегии. Царь поддерживал политику свободной торговли и часто вмешивался в происходящее, чтобы защитить иностранных купцов от посягательств местных российских властей. Согласно Альфреду Риберу, в 1847 году иностранцы контролировали, что поразительно, 90 % российского импорта и 97 % – экспорта!^[222]

Существовала давняя традиция тщетных жалоб российских купцов на весьма реальное доминирование иностранных подданных в области международной торговли и коммерции в первой половине XIX века. Российские купцы снова и снова заявляли, что следует принуждать иностранцев к натурализации или лишать их привилегий^[223]. Эра Великих реформ была отмечена превращением спорадических и достаточно локализованных случаев протеста против роли иностранцев, которую они играли в экономике, в более последовательную, единую национальную кампанию. Несколько изданий 1850-х годов, возникших в ответ на дарованную Александром II новую свободу печати, сфокусировали свое внимание на вопросах экономического национализма и поддержке интересов российского купечества в борьбе против иностранцев. Федор Чижов, редактор «Вестника промышленности» и выдающийся поборник идей экономического национализма, разработал всеобъемлющую экономическую программу, нацеленную на уменьшение роли иностранцев в экономике империи. Уже в 1857 году он решительно выступил против снижения тарифов и против ранней либерализации иммиграции и натурализации. Чижов и другие деятели – как те, кто принадлежал к литературному славянофильскому направлению, так и те, кто писал для российского купеческого сообщества, – были настроены в отношении либеральных реформ в области получения гражданства, проведенных в 1860-х годах, очень критически^[224].

Однако, хотя посредством газетных статей и подобного лоббирования и в самом деле удалось предотвратить некоторые меры либерализации^[225], чаще всего правительство просто игнорировало критику. До периода контрреформ 1880-х годов власти проводили в целом доброжелательную и открытую иммиграционную политику. При этом следует, однако, отметить, что международное взаимодействие никоим образом не было единственной причиной, подтолкнувшей Россию к либерализации и открытию границ, – даже в 1860-х, в период экономического бума и международного либерализма. Хотя ряд двусторонних соглашений весьма расширил права и защиту иностранцев, различные статьи в тех же самых договорах и соглашениях создали гораздо более строгую систему контроля над международной миграцией дезертиров, бродяг, евреев, иезуитов, цыган, революционеров, преступников и политических радикалов. Просматривая толстые папки с повседневной дипломатической перепиской между представителями России, Австрии и Османской империи, быстро замечаешь, как тесно взаимодействовали эти страны, когда речь шла о контроле передвижений людей, входивших в указанные категории. В этом смысле «долгий мир» XIX века упростил не только международную миграцию и «смешение народов», но и тесное сотрудничество соседних государств в деле ограничения частоты случаев пересечения их общих границ нежелательными группами и индивидами^[226].

Нативисты реагировали на весьма реальный и значительный рост числа иммигрирующих в Российскую империю иностранцев, который, в свою очередь, был частью существенного роста международной миграции и количества путешествий по всему миру. Как правило, отклик нативистов на иммиграцию фокусировался на земельном вопросе. Приглашение иностранцев приехать и заселить обширные и свободные степные земли, последовавшее в конце XVIII века, в XIX веке исчерпало себя – прежде всего потому, что в пореформенные десятилетия быстрый рост населения привел к серьезной нехватке пахотных земель во многих областях империи. То, что земельный вопрос стал основным для внутривнутриполитической повестки дня, изменило положение иностранных поселенцев в глазах как общественности, так и государства. Иностранные фермеры – «колониисты» приняли на себя основной удар со стороны нативистов^[227].

В то же время государство начало отменять некоторые привилегии, дарованные ранее колонистам как раз с целью побудить их к иммиграции в Россию. Свойственная эпохе Великих реформ идеология гражданства в сочетании с этими факторами породила мощный довод, согласно которому колонисты должны были быть уравнены с другими подданными в правах и обязанностях перед законом. Это привело к принятию закона 1871 года, отменившего особый юридический и общественный статус «колонист» и подведшего натурализованных колонистов под общероссийские законы^[228]. Когда в 1874 году Великая реформа ввела принцип всеобщей воинской повинности, колонисты потеряли и освобождение от нее – свою самую важную привилегию. Результатом стала широкомасштабная эмиграция колонистов-поселян, как немцев, так и представителей других национальностей^[229]. Данный закон чаще всего описывают в контексте имперской политики «русификации». Однако его можно рассматривать и как элемент характерного для эпохи Великих реформ отказа от старой парадигмы сепаратных сделок в пользу идеи гражданства. Государство требовало от колонистов, чтобы они стали российскими гражданами со всеми соответствующими правами и обязанностями. С точки зрения данного исследования одним из важных результатов этих действий стал внезапный рост значения статуса гражданина. Колонисты – иностранные подданные сохраняли освобождение от военной службы, но натурализованные колонисты несли воинскую повинность.

Законы и практики, регулирующие присвоение статуса гражданина, всегда предполагают напряженность между, с одной стороны, универсализмом, а с другой – тенденцией по-разному подходить к происходящему на разных границах страны и к различным народам. Во многих отношениях российскую политику гражданства можно представлять лишь как набор сепаратных сделок с отдельными народами и группами, еще в большей степени дифференцированных в зависимости от того, о каких приграничных территориях шла речь. Возьмем, например, случай миграции евреев: Российская империя продолжала свою давнюю практику составления особых юридических статей, регулирующих передвижения евреев из различных приграничных областей. Законы были гораздо более благосклонны к международной миграции среднеазиатских и караимских евреев на южных и восточных границах империи, чем к передвижению евреев через границы с европейскими государствами^[230].

Однако новый дух законности и универсальности юридических и административных норм, характерный для эпохи Великих реформ, ставил под вопрос подход, предполагавший заключение дифференцированных сепаратных сделок. Во внутренней переписке российских чиновников есть немало примеров отклонения предложений применить дифференцированный подход, который рассматривался как несовместимый с внутригосударственными и международными юридическими нормами. Российские юристы и чиновники, как правило, придерживались часто повторяемого принципа, согласно которому законы должны применяться повсеместно, в то время как административная практика допускает некоторую вариабельность^[231]. Более того, административные практики, применявшиеся в одном регионе, часто влияли на таковые в других регионах. Различия и сходства российских процессуальных норм можно увидеть на примере двух важных, но очень разных приграничных областей: немецкой и дальневосточной.

Германо-российская граница гражданства

Немецкая граница была важнейшей из границ России, и те процессуальные нормы, которые здесь применялись, имели величайшее влияние на политику гражданства в целом. Ощутимая необходимость удерживать российских подданных внутри страны и не допускать въезда поляков на ее территорию во время польского восстания 1831 года и после него привела к сооружению стен, двойных рвов и введению пограничных патрулей с российской стороны и к сопоставимым мерам со стороны Пруссии, что в конце концов сделало российско-прусскую границу наиболее тщательно обозначенной и

охраняемой границей в России и, возможно, во всей Европе^[232]. В глазах пограничных властей граница с Германией стала самой современной российской границей, обустроенной по всем правилам науки, – образцом для развития имперской миграционной политики и политики гражданства в других приграничных регионах^[233]. Упрочение этой границы было поначалу не результатом напряженности между государствами, а скорее главой в долгой истории сотрудничества империй Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов в вопросах пограничных территорий. С конца наполеоновских войн и до 1880-х годов эти государства соединенными усилиями поддерживали границы, подписывая и проводя в жизнь ряд соглашений, сформировавших ясные и весьма эффективные способы проведения прямых административных переговоров о возвращении дезертиров, бродяг и лиц, подозреваемых в политических и уголовных преступлениях. Хотя российские власти и относились с особым вниманием к этим категориям лиц, большинство немецкоговорящих переселенцев ценились как полезные фермеры, промышленники, инвесторы и ремесленники. Десятилетия сравнительного мира и союзничества Российской империи, Империи Габсбургов и немецких государств чрезвычайно способствовали доброжелательному отношению к немецким иммигрантам и успешному разрешению разногласий в вопросах гражданства и натурализации.

Полиция и местные власти были уполномочены напрямую обращаться к своим заграничным коллегам для организации индивидуальных депортаций, избегая обременительного и длительного процесса рассмотрения каждого такого случая как дипломатического инцидента. Эта система была выстроена на прочном основании совместной заинтересованности полицейских по обе стороны границы в содействии закону и порядку, предотвращении уклонения от уплаты налогов и воинской повинности и особенно в сотрудничестве в деле контролирования польских революционеров. В случаях, когда соглашения временно переставали действовать, быстро становились очевидными издержки борьбы с дезертирами, лицами, уклоняющимися от службы в армии, бродягами, политическими и националистическими радикалами и преступниками – борьбы посредством интернирования и внутренней ссылки. Система международного сотрудничества была выгодна всем сторонам^[234].

Таким образом, неудивительно, что насильственная депортация из Германии в Российскую империю примерно 32 000 российских подданных, предпринятая канцлером Отто фон Бисмарком в 1883–1886 годах, стала для многих российских чиновников и внешних наблюдателей неожиданным потрясением. Это событие давно признано важным эпизодом в истории немецкого гражданства – в особенности благодаря тому, какую роль оно сыграло в появлении немецкой системы гастарбайтеров. Бисмарк начал высылки в рамках своей популистской тактики завоевания народной поддержки посредством нагнетания враждебности против внутренних врагов империи (Reichsfeinde), проживающих в стране и сделанных козлами отпущения. В 1870-х годах мишенью его тактики «негативной интеграции» стали социалисты и католики. В 1880-х, столкнувшись с неблагоприятными результатами выборов, он удобрил семена нативизма, посаженные журналистами и правыми политиками, выступавшими против сравнительно быстро растущего польского населения империи, подмешав к этому антисемитскую риторику, уже обретавшую поддержку в массовой печати^[235].

Практически все высланные российские подданные были поляками и евреями, и исследователи подчеркивают важность националистических мотивов этих мер^[236]. Бисмарк, многие немецкие чиновники и представители немецких правых тревожились, что рост польского и еврейского населения может в конце концов привести к исчезновению немецкого большинства на обширных территориях Восточной Пруссии. Высылка иммигрантов могла воспрепятствовать этим электоральным и демографическим трудностям и одновременно послать предупреждение потенциальным будущим иммигрантам^[237].

Внутренние переговоры между Бисмарком и правительственными чиновниками показывают, что его изначальное предложение об изгнании немецких граждан польского и еврейского происхождения было отвергнуто как противоречащее международным юридическим нормам: одним из наиболее твердых принципов международного права был запрет на изгнание граждан государства в соседнюю страну без согласия этой страны. Впрочем, данный принцип был неприменим к иностранным гражданам, и даже многие, по сути дела, либеральные теоретики международного права утверждали, что любое государство имеет право выслать иностранных граждан – предпочтительно с согласия их родной страны, но в крайнем случае и без такового^[238]. В 1883 году, когда немецкая полиция начала избирательную высылку евреев и поляков, документы которых не были в полном порядке, российское Министерство внутренних дел поначалу нашло такие действия не слишком спорными. Российский министр иностранных дел писал, что с точки зрения международного права немецкое правительство имело «несомненное право» высылать таких лиц, а потому Россия не могла воспрепятствовать выполнению этого плана или остановить его воплощение. Надлежало подготовиться к приему депортированных и проведению расследования в целях выявления вероятных преступников^[239]. Российское Министерство иностранных дел, возможно, было готово понять немецких коллег, и не только благодаря десятилетиям сотрудничества по вопросам пограничного контроля, но также потому, что и само было вовлечено в исполнение сходного плана: печально знаменитые «майские законы» 1881 года предписывали ужесточить полицейскую регистрацию и контроль над иностранцами, евреями и политически подозрительными лицами по всей империи. Эти меры время от времени предполагали высылку иностранных евреев и других иностранцев, которые оказывались официально незарегистрированными^[240]. Внутренняя переписка Министерства внутренних дел может создать впечатление, что российские власти даже симпатизировали сходным целям и методам своих немецких коллег. Более того, практически все эмигранты из Российской империи уезжали нелегально, так что в принципе у министерских чиновников было не много причин возражать против высылки этих лиц обратно на родину. Некоторые местные чиновники даже обращались к центральным властям с просьбой поспособствовать насильственному возвращению эмигрантов в их города и провинции, жалуясь, что теряют самых ценных членов общества, молодых людей «во цвете лет»^[241].

Большинство массовых депортаций из Германии пришлось на лето и осень 1885 года. Поначалу в переписке Министерства внутренних дел и дипломатических нотах, которыми обменивались две страны, подчеркивалось, что и в самом деле проводится широкомасштабная операция, соответствующая, однако, традициям немецко-российского сотрудничества^[242]. Петр Николаевич Дурново, глава полицейского департамента, указывал, что поляки, покинувшие империю, дабы избежать преследований после поражения польского восстания 1863 года, были политически неблагонадежны и что находившиеся в российском подданстве евреи, которых отлавливали немецкие власти, являлись по большей части дезертирами и уклонистами, которых надлежало вернуть в империю^[243]. Консервативная российская пресса по-разному реагировала на происходящее, и не всегда с осуждением. На деле в значительной степени шовинистическая, правая популистская газета «Московские новости» заявила, что польская и еврейская пресса преувеличивает значение операции, которую сама газета характеризовала как оправданную по соображениям безопасности^[244]. Российское Министерство иностранных дел указывало три причины, по которым оно не решалось немедленно и более жестко реагировать на высылки. Во-первых, по его мнению, депортация российских подданных не шла вразрез с нормами международного права^[245]. Во-вторых, оно заявило, что в процессе осуществления высылки Германия предприняла специальные усилия, чтобы воспрепятствовать контрабандной торговле и вернуть дезертиров и уклонистов. Министерство иностранных дел видело основания верить, что в дальнейшем сотрудничество в подобных вопросах с целью, по сути дела, создать менее проницаемую границу будет в интересах России. В-третьих, в отчете министерства сообщалось, что

российские законы запрещают иностранным евреям селиться на территории империи, а значит, будет сложно возразить немецким властям, применяющим тот же принцип к находящимся в российском подданстве евреям в Германии^[246].

Тем не менее становилось все более ясно, что Германия проводит демографическую политику массового выселения, а не полицейскую операцию старого образца. Российские власти протестовали против «сваливания» бродяг, цыган и других лиц без документов на пограничных пунктах и обвиняли Германию в попытке изгнать в Российскую империю находящихся в немецком подданстве евреев и поляков вместе с российскими подданными. Губернаторы также жаловались на то, что еврейские подданные Германии и Австрии высылались в Российскую империю без отметки об их еврейском происхождении в паспортах или иных иностранных документах^[247]. В сентябре 1885 года российское посольство в Берлине направило Германии официальную дипломатическую ноту протеста против применения высылки к определенным категориям российских и австро-венгерских подданных^[248].

Более того, российские власти пришли к убеждению, что у депортаций существовал веский экономический мотив. Министерство иностранных дел заявило, что, если бы дело было в первую очередь в политических вопросах, высылали бы прежде всего молодых мужчин. Вместо этого депортации подвергались лица, которые вряд ли могли представлять какую-либо политическую опасность, как то: несовершеннолетние сироты, лица, неспособные работать ввиду болезни или возраста, бедные вдовы и жены российских подданных, разлученные со своими мужьями^[249].

Российские губернаторы сообщали о появлении сотен иммигрантов, изгнанных из Германии, но не проверенных на границе и не имеющих документов. Губернаторы выражали озабоченность тем, что среди этих иммигрантов могут оказаться политические радикалы и участники польского восстания 1863 года, и предлагали собирать изгнанников в одном месте на границе, чтобы можно было проверить их происхождение и связи и организовать более упорядоченный процесс переселения^[250]. В результате этих требований в январе 1886 года было заключено соглашение с Германией в целях организации лучшего надзора и контроля над процессом^[251]. По обеим сторонам границы были учреждены особые комитеты для переговоров и проверки документов и политической благонадежности депортируемых. Но Германия решительно продолжала добиваться настолько полной высылки евреев и поляков иностранного подданства, насколько это было возможно, и особенно стремилась избавиться как раз от тех лиц, которых Россия не желала принимать.

Российские власти обвинили Германию в систематическом подрыве как буквы, так и духа соглашений о сотрудничестве в приграничных областях. Например, немецким, российским и австрийским губернаторам позволялось выдавать паспорта особого типа, разрешавшие купцам и другим лицам в связи с коммерческими или семейными обстоятельствами пересекать границу по упрощенной процедуре. Сначала то была многократная виза с отрывными талонами (до десяти), которые отрывались при пересечении границы. Затем была введена обновляемая карта, по которой границу можно было пересекать неопределенное число раз. Во время высылки российские власти жаловались, что прусские чиновники регулярно нарушают указанную систему, выдавая эти документы высылаемым ими российским гражданам, а также находящимся в немецком подданстве полякам и евреям, проживающим далеко от границы. К октябрю 1886 года российское Министерство иностранных дел перестало принимать эти карточки, разрешающие пересечение границы, – из-за того что Германия вновь и вновь игнорировала его протесты против нарушения системы, чтобы иметь возможность высылать поляков и евреев из своих внутренних провинций^[252].

Заявления немцев, будто вся операция была развернута из-за давних опасений, что дезертиры и политически неблагонадежные поляки и евреи могут представлять опасность, больше не пользовались доверием. Масштаб операции (а также стремление спонсировавшихся государством немецких землевладельцев выкупить оставляемые

поляками земли) сделал очевидным то, что высшие слои прусского общества пытались таким образом проводить более широкую демографическую политику – для изменения демографического баланса в регионе^[253]. В январе 1886 года Бисмарк заявил в нижней палате прусского парламента, что «то была государственная политика, направленная на увеличение числа лояльных прусскому государству граждан... чтобы достичь последней цели, мы не имели иных законных средств, кроме высылки этих поляков, которые не принадлежат стране и не имеют права рассчитывать на нашу терпимость. Мы были убеждены, что нам хватает своих собственных поляков и что следует сократить число польских агитаторов, избавившись от обнаруженных здесь иностранцев»^[254]. Вместе с высылкой Германия, по сути дела, заморозила прием новой волны трудовых мигрантов из Российской империи.

Когда немцы начали рассуждать и действовать так, будто национальная демографическая политика представляет собой игру с нулевой суммой, это немедленно возымело ощутимое влияние на подход политиков с российской стороны границы, подтолкнув их к ужесточению контроля над иммигрантами из Германии, в особенности над лицами польского происхождения. Первая официальная дипломатическая нота протеста была направлена из России в сентябре 1885 года и включала подробное приложение, содержащее статистику, свидетельствующую о росте польского населения и землевладения в западных российских провинциях^[255]. В 1886 году, в ежегодном докладе царю Министерство иностранных дел заявило, что немецкая программа скупки польских поместий в Пруссии вынуждает польских националистов поддерживать идею принимать полученные в результате таких сделок деньги и приобретать землю за границей, в российской Польше. Министерство полагало, что есть все основания серьезно задуматься о дальнейших ограничениях способности иностранцев приобретать землю в России^[256]. Царь Александр III ясно дал понять, что желает принятия ответных мер в отношении иммигрантов – немецких подданных в западных провинциях империи. Когда в 1885 году губернатор Эстляндии сообщил, что землевладельцы хотели бы нанимать немецких подданных для работы на фабриках и в поместьях, царь вынес резолюцию: «Этого положительно не допускать»^[257]. Сходным образом он ответил губернатору Витебска, в том же году сообщившему, что «из 1625 иностранцев, проживающих в Витебской губернии, 767 человек населяют г. Двинск и его уезд и что все они, за весьма малыми исключениями, прусские подданные; что некоторые из них, приобрев поземельную собственность и сохраняя иностранное подданство, не вносят ничего особенно полезного в жизнь местного населения, чуждаются всего русского и не могут считаться в крае людьми, отвечающими Державной воле о водворении в крае русского землевладения»^[258]. То, что царь разделял подобные чувства, привело к созданию межведомственного «комитета по предотвращению наплыва иностранцев в западные провинции». Председателем комитета был назначен сенатор Вячеслав Константинович Плеве^[259].

Германия постепенно уменьшала размах депортаций, но закончила их только 1 июля 1887 года. Затем в течение еще трех лет трудовая миграция из России была приостановлена. Тем временем в Германии нарастал протест против такой политики. Промышленники и прусские землевладельцы не нашли иного источника дешевой рабочей силы и страдали от экономических последствий этой ситуации. Недостаток дешевой рабочей силы вынудил землевладельцев в районе Данцига серьезно рассматривать возможность массового завоза рабочих из Китая^[260]. Местные власти жаловались на бремя расходов, связанных с необходимостью оказывать социальную поддержку семьям депортированных. Наконец, после нескольких лет оживленных споров и закулисного лоббирования, было достигнуто соглашение о компромиссе, но произошло это лишь после того, как в марте 1890 года несгибаемый Бисмарк был вынужден уйти в отставку.

После этого Германия продолжила вводить у себя первую в мире систему ввоза гастарбайтеров, основанную на современном понятии о границе и паспортном контроле. Это был великий компромисс между желанием аграриев и промышленников

пользоваться дешевой рабочей силой, с одной стороны, и стремлением натовистов и националистов к германизации и предотвращению постоянного расселения здесь поляков и евреев – с другой. Такая политика открыла Германию для сезонной сельскохозяйственной трудовой миграции, но создала впечатляющий набор «предохранителей», не дававших этим рабочим навечно поселиться в Германии или натурализоваться. Участвовать в такой системе могли лишь неженатые рабочие и на протяжении не более чем трех лет. Они могли работать и оставаться в стране лишь с 1 апреля по 15 ноября. Практически все сезонные работники были неженатыми мужчинами. В соответствии с международной практикой женщине, в случае ее брака с гражданином другого государства, автоматически приписывалось гражданство мужа. Таким образом, женитьба на гражданке Германии не решала проблемы. На практике же местные власти и наниматели использовали еще более драконовские меры контроля – например, забирали у работников паспорта и документы, чтобы не дать им перейти к другим нанимателям, предлагавшим более высокую оплату и лучшие условия труда.

Распространение этой новой строгой системы ввоза гастарбайтеров замедлилось из-за великой европейской эпидемии холеры в 1891–1892 годах, приведшей к еще более жесткому запрету как на российскую трудовую миграцию, так и на трансокеанскую миграцию через немецкие порты. В 1892 году Германия даже временно наложила категорический запрет на въезд на ее территорию евреев российского подданства. Этот запрет не распространялся на эмигрантов из России, имевших нееврейское происхождение, и был снят лишь после введения нового режима медицинского досмотра на границе и обустройства в Бремене карантинной зоны^[261]. Когда эпидемия закончилась, а депрессия конца 1880-х годов сменилась периодом быстрого роста промышленности в Германии и за рубежом, немецкие власти позволили объемам сезонной трудовой миграции из-за рубежа в рамках новой системы контроля быстро вырасти: с 25 000 человек в 1894 году до 454 000 – в 1905-м и 901 000 – в 1914-м^[262]. Новые законы привели к массовому росту числа сезонных мигрантов из России в Германию: с 17 000 человек в 1890 году до 138 000 – в 1910-м^[263]. Хотя большинство этих рабочих были вынуждены уезжать к 15 ноября, каждый год существенное их количество (10–15 %) находили законные и незаконные способы остаться в Германии. В сочетании со строгим контролем процесса натурализации это вело к постоянному росту числа проживавших в Германии российских подданных. В 1907 году число рабочих иностранного происхождения, приехавших в Германию из Российской империи, достигло 212 326 человек (156 847 было занято в сельском хозяйстве, 454 439 – в промышленности, а 10 040 – в торговле и на транспорте)^[264]. Короче говоря, после поначалу суровой демографической политики депортации и ограничений Германия значительно расширила систему надзора, требования к документам и полицейский контроль, сделав возможным создание новой системы, позволившей импортировать дешевую рабочую силу, ограничивая при этом демографические последствия для этнического состава населения. Россия учла этот опыт – как учел его, впрочем, и весь мир.

Ответные меры, ставшие реакцией на депортацию из Германии российских подданных, поначалу приняли форму усиленного внимания к неукоснительному исполнению уже существовавших правил. Например, в 1886 году российские власти совместными усилиями попытались принять меры против тех, кто обходил запрет на иммиграцию иностранных евреев. Однако подобная реакция вряд ли могла обернуться симметричными действиями в отношении проживавших в России немецких подданных – хотя бы из-за того, что роль иностранцев в этой стране была иной. Здесь было очень немного аграрных и индустриальных низкооплачиваемых работников из числа немецких подданных и притом имелось значительное число их соотечественников, занятых в российской промышленности в роли квалифицированных рабочих или управляющих, которые играли в экономике империи важную роль. Обсуждая возможные действия, комитет Плеве быстро сделал первым пунктом своей

повестки основную стратегию в отношении западных приграничных территорий, и резюмировать ее можно одним словом: земля^[265].

После польского восстания 1863 года краеугольным камнем земельной политики стал указ от 10 декабря 1865 года, запретивший лицам «польского происхождения» приобретать землю за пределами городов каким-либо иным путем, кроме наследования^[266]. На протяжении десятилетий принятия административных решений постепенно определилось, что именно понимается под «лицами польского происхождения». Определение это опиралось не на католичество и не на место рождения, но скорее на субъективную оценку того, принадлежит ли данный индивид к польской культуре. Чтобы предотвратить неискренние обращения в православие, имевшие целью обойти правила, было решено, что одного только обращения еще недостаточно для снятия с польского католика указанных ограничений. В то же время правительство начало энергичную программу субсидирования «русских» покупателей польских земель, в период с 1866 по 1891 год выдав более 22 миллионов рублей в качестве дисконтных займов^[267].

Каково было место иностранных подданных в этой системе ограничительных мер? По иронии истории российский Сенат постановил, что Великие реформы 1860-х годов защищали иностранных подданных от ограничительных законов! Так, одним нечаянным последствием сочетания Великих реформ с кампанией против польского землевладения стал приток иностранных иммигрантов в западные провинции, прежде всего на Волынь. Число иммигрантов быстро росло: с 90 000 человек, владевших 350 000 десятин (380 000 гектар) земли и арендовавших 87 000 десятин (95 000 гектаров), в начале 1880-х годов до более чем 200 000 человек к 1890 году. По большей части они приезжали из Германии, но также из Австро-Венгрии и российской Польши. В 1890 году примерно 72 % проживавших в Российской империи иностранных подданных были немцами, 13 % – чехами, 9 % – поляками, а 5 % – украинцами^[268]. Тревога по поводу стратегических и социальных последствий быстрого роста этих иммигрантских аграрных сообществ обострялась из-за все большего недостатка земли во всей империи и непропорционально резкого увеличения количества земель, скупленных немецкими колонистами у славян Западной Украины. Комитет Плеве оправдывал особую политику в отношении этого региона, сопоставляя особенности прусской границы с условиями на остальных границах России: по мнению комитета, то, что в Центральной России или на протяженных и еще не заселенных восточных территориях было бы абсолютно безопасно и позволительно, оказывалось «существенно вредно на нашей западной окраине, на границе с единоплеменными с нашими поселенцами, сильными, первоклассными иностранными государствами»^[269].

Российская реакция на немецкие депортации 1884–1886 годов была обусловлена этим историческим контекстом. Декрет от 1 ноября 1886 года (изданный в разгар немецких выселок) позволял губернаторам западных провинций в каждом конкретном случае самостоятельно решать, следует ли разрешить покупку земли в этом регионе. Губернаторы получали возможность отказать полякам-иностранцам (или полякам – российским подданным, прибывшим из Германии) в праве покупать землю. Затем указ от 14 марта 1887 года запретил иностранным подданным покупать, арендовать или каким-то образом получать земельную собственность в Киеве, Подолье и на Волыни; единственным исключением явилось наследование земли^[270]. Хотя эти меры были в значительной степени направлены против немецких колонистов, важно помнить и о более широком контексте. Закон этот не являлся просто антинемецким, как его часто изображают. Будь так, сходные ограничения были бы наложены на провинции Южной Украины, где немецкое землевладение представляло еще большую проблему, чем в Киеве, Подолье и на Волыни. То была не только специфически антинемецкая, но общая, нативистская по своей природе мера против иммигрантов, что подтверждается отказом исключить чехов – в остальных случаях пользовавшихся поддержкой – из числа иностранных подданных^[271]. Кроме того, это была мера, направленная именно на решение земельного вопроса. Хотя военные и чиновники Министерства внутренних дел

несколько раз предлагали ограничить приток иностранцев в города, Министерство финансов эффективно препятствовало такому расширению ограничительных мер – из-за экономического краха, который вызвали бы подобные действия^[272]. В то время Министерство финансов было способно проводить собственную политику, предполагавшую селективное обложение импортируемых товаров тарифами при продолжающемся поощрении широкого использования высококвалифицированных иностранных рабочих и управляющих^[273].

Принятый закон существенно замедлил иммиграцию иностранных подданных в вышеперечисленные провинции. Он также спровоцировал рост числа натурализаций, поскольку иммигранты торопились получить гражданство, чтобы избавиться от наложенных на них ограничений (к 1895 году 166 000 из 199 000 «колонистов» на Волыни были российскими подданными)^[274]. Волынский губернатор с удивлением обнаружил, что иммиграция в его провинцию продолжается, но теперь туда приезжают не иностранцы, а натурализованные иммигранты из Царства Польского. Все более напряженные отношения с Германией на международной арене и в военной области только прибавляли убедительности доводам военных министров и министров иностранных дел, призывавших к ограничению иммиграции. Результатом стал мартовский указ 1892 года, запретивший «всем иностранным выходцам, в том числе и принявшим русское подданство», селиться в сельской местности на Волыни, близ Киева и в Подолье, а также покупать или арендовать там землю.

Эти указы и правила были встречены повсеместным сопротивлением и изобретением новых способов уклонения от предписаний. Многие поляки и иммигранты находили подставных лиц, не подпадавших под ограничения, и платили им за то, что те становились формальными владельцами земли. Натурализованные родственники подписывали документы на право собственности за свою иностранную родню. Чиновникам было известно это, однако подтвердить применение подобных уловок и положить им конец было очень сложно^[275]. Но еще более важно, что российские землевладельцы не желали терять надежных арендаторов, и губернатор Волыни начал осознавать, что, если настаивать на выполнении указа 1892 года, это может привести к экономическому краху. Поэтому в 1895 году власти пошли на попятный, освободив от выполнения указа всех российских подданных, уже проживавших в провинции на момент его принятия. Запрет на приобретение новых земель и иммиграцию был сохранен для иностранцев и жителей Царства Польского. Однако Совет министров отклонил просьбу губернатора Волыни о депортации 26 000 еще не натурализовавшихся иммигрантов в случае, если они не сделают этого в назначенный срок^[276]. В конце концов попытки сдержать «наплыв иностранцев» в западные области привели к серьезному ограничению немецкой иммиграции на сельскохозяйственные земли близ Киева, на Волыни и в Подолье, причем достигнуто это было скорее посредством ограничения прав иммигрантов на покупку земли, чем ужесточением пограничного контроля и визового режима.

И все же никакие ограничения не позволяли остановить нелегальную иммиграцию: те, кто был готов рискнуть, могли пересечь границу. Немецкие чиновники часто облегчали нелегальную иммиграцию в Российскую империю, нарушая существовавшие правила. Самым заметным из этих нарушений оставалась система выдачи жителям приграничных территорий многократных виз или пограничных удостоверений. В 1889 году генерал-губернатор Варшавы пожаловался, что прусские власти продолжают выдавать такие документы (предположительно предназначенные для людей, проживающих в пределах трех километров от границы) жителям внутренних областей и что ограничения на продолжительность проживания на территории России по таким документам (восемь дней для жителей Пруссии, четыре недели для австрийцев) не соблюдаются^[277]. Его попытки проводить периодическую проверку документов на фабриках с целью поиска нелегальных иммигрантов встретили сопротивление российских фабрикантов и Министерства финансов и, по-видимому, не возымели особого действия^[278].

Итак, указ от 14 марта 1887 года стал важной контрреформой и событием в истории российского гражданства, чему было несколько причин. Во-первых, после двух десятилетий движения к созданию единообразного разделения статусов гражданина страны и иностранца указ вернул в практику понятие «натурализованный иностранец», отобрав у натурализовавшихся поляков и немцев западных приграничных областей права на владение землей. Во-вторых, после почти столетия поощрения иммиграции из Западной Европы указ 1887 года знаменовал резкий поворот к политике ее ограничения. В-третьих, перестала действовать издавна существовавшая политика сотрудничества с Германией и Австрией в вопросах пограничного контроля. С заключением в 1894 году формального союза с Францией российско-немецкая и российско-австрийская границы быстро стали местом проведения демографической политики «с нулевой суммой», поскольку обе стороны пытались ограничить приток поляков, евреев и представителей других «ненадежных» групп населения на свою территорию^[279].

Однако, несмотря на все эти перемены, иммиграция в города оставалась простой и даже поощрялась. Для достижения данной цели в интересах властей было поддерживать международные соглашения, подписанные Россией и другими странами в 1860-х годах и прямо защищавшие права иностранцев на владение имуществом «в городах и портах» и его использование^[280]. Здесь важнее всего было то, что Россия продолжала считать приоритетом ввоз из-за границы квалифицированной рабочей силы и капитала ради проведения индустриализации.

Попытки распространить нативистскую политику, проводившуюся на немецкой границе, на другие части империи провалились, поскольку приоритетом властей в 1890-х годах в еще большей степени стала быстрая модернизация. Одним из примеров может быть обсуждение в 1898 году Комитетом министров предложения кавказского главноначальствующего распространить ограничения на приобретение земли иностранцами, введенные в 1887 году в трех западных провинциях, и на приграничные кавказские территории. Главноначальствующий желал ограничить приобретение земли иммигрировавшими подданными Османской империи (прежде всего армянами и греками). Министр финансов Сергей Юльевич Витте ответил на это, что подобные меры могут повредить его попыткам привлечь на Кавказ заграничные инвестиции, и вышеуказанное предложение стало одной из многих нативистских инициатив, отмеченных в 1890-х годах во имя быстрой модернизации, проводимой при широком иностранном участии^[281]. В предшествовавшие Первой мировой войне десятилетия сравнительного мира рабочие, работодатели, рантье и сторонники быстрого экономического развития выиграли битву с нативистами больше, чем проиграли.

Дальний Восток

То, насколько сложно делать какие-либо обобщения в отношении единой политики гражданства в Российской империи, становится ясно, если оставить модернизированную границу между Россией и Германией и обратиться к границам российского Дальнего Востока, которые были малонаселенными, неохраняемыми и нередко даже никак не обозначались. Эти две территории и их проблемы разделяло не только десять часовых поясов: во многих других отношениях они существовали будто бы в разных мирах. Однако фундаментальное противоречие между национальной демографической политикой и целями экономического развития было характерно для обеих приграничных территорий, и имперские власти переносили на Дальний Восток некоторые процедуры и стратегии, использовавшиеся в Германии.

В десятилетия, последовавшие за присоединением в 1858 году Дальнего Востока, власти, отчаянно стремившиеся всеми возможными способами заселить этот регион, переселили на территории вдоль дальневосточной границы казаков из Западной Сибири и продолжали селить там осужденных и привлекать религиозных диссидентов, а также иные группы населения, щедро раздавая землю, даруя налоговый иммунитет и

освобождение от иных обязанностей перед государством. Поначалу эта всепоглощающая потребность в людях в сочетании с, как правило, открытой политикой эпохи Великих реформ привела к довольно высокому уровню терпимости в отношении китайских и корейских иммигрантов. Закон от 26 марта 1861 года позволил как иностранцам, так и россиянам бесплатно получать на Дальнем Востоке казенные земли, а также даровал освобождение от налогов на двадцать лет^[282]. В 1862 году генерал-губернатор Корсаков даже позволил предоставить китайским рабочим, которым разрешался въезд в страну, «средства к жизни семейной» ради упрочения и усиления «этого трудолюбивого и развитого класса населения»^[283]. В 1860-х годах администраторы, последовательно отстаивая политику открытых дверей и свободную торговлю, наложили вето на несколько попыток российских купцов и промышленников ограничить иммиграцию китайцев, проведение ими горных работ и их коммерческую деятельность^[284].

Однако некоторые обстоятельства убедили власти Дальнего Востока в том, что иммиграцию следует ограничить. Во-первых, стремительный рост китайского и корейского населения в сочетании с разочаровывающе медленным прогрессом в деле убеждения русских и украинцев переселиться на Дальний Восток вызывал беспокойство за настоящее и будущее демографическое равновесие в регионе^[285]. Во-вторых, поразительные успехи китайцев в коммерции и торговле на этой территории вынудили некоторых их конкурентов и купцов призывать к ограничению предпринимаемой китайцами деятельности и все чаще рассматривались как препятствие на пути к превращению региона в неотъемлемую часть Российской империи и ее экономики^[286]. Китайское население Дальнего Востока включало, с одной стороны, низкооплачиваемых сезонных рабочих, а с другой – успешных коммерсантов, многочисленные представители которых присутствовали на всех уровнях экономической жизни – от не слишком много выручавшей мелкой торговли до состоятельного предпринимательства. Китайцы были столь многочисленны и успешны в коммерции, что местные газеты и бюрократы часто говорили о «желтом засилье» в коммерческом секторе, подобно тому как в других регионах говорилось о «немецком, еврейском и иностранном засилье»^[287]. И это нельзя назвать лишь фантазией, поскольку китайское присутствие в коммерческом секторе действительно было значительным и постепенно возрастало. Например, в 1912 году во Владивостоке было больше китайских предприятий, чем российских и европейских, вместе взятых^[288]. В-третьих, расизм российских властей в сочетании со снисходительным и полным преувеличенными страхов отношением к азиатским иммигрантам, которых считали людьми нечистыми, разносчиками болезней, привели к формулировке весомого набора аргументов в пользу установления более строгих границ и ограничения иммиграции^[289]. Великая эпидемия холеры 1891–1892 годов стала основанием для введения новых методов проверки документов и контроля в портах и при пересечении границ по всему миру, а вспышки этой болезни на Дальнем Востоке, происходившие в те же и другие годы, дали важный импульс к утверждению ограничений^[290]. В-четвертых, власти и чиновники на Дальнем Востоке все больше раздражала невозможность контролировать деятельность китайских иммигрантов. Примеры проявлений такой нежелательной деятельности включали: большой объем незаконного импорта дешевого, низкокачественного спиртного (*ханьщина*), вызывавшего многочисленные проблемы в области здравоохранения; частые случаи нарушения прав местного населения; активную сеть владельцев джонок, которые, уклоняясь от уплаты таможенных пошлин, осуществляли импортные и экспортные операции на тихоокеанском побережье и реках; обширные опиумные плантации с вооруженной охраной; незаконную вырубку ценного строевого леса для экспорта древесины; сведение дубовых лесов в результате вырубки деревьев и засевания срубленных стволов спорами грибов шиитаке^[291]. В-пятых, военные власти тревожились, что торговые структуры дают китайской и японской разведке готовые сети осведомителей для подготовки к войне. Эти опасения стали более существенными по мере возрастания военно-стратегического значения региона во время Русско-японской и Первой мировой войн. И наконец, но не в последнюю очередь, свою роль играла

международная обстановка. Страна иммигрантов, Соединенные Штаты Америки, запретила Законом о высылке 1882 года любую иммиграцию из Китая^[292]. Хотя доказать наличие прямой взаимосвязи сложно, тем не менее российские власти часто ссылались на пример США и другие международные меры для обоснования своих предложений. Так, в конце 1890-х годов Министерство юстиции возразило на предложение обложить китайцев более высокими налогами и пошлинами, чем представителей других групп населения, – на том основании, что это противоречило бы общепринятым принципам международного права. И все же генерал-губернатор Приамурья выиграл этот спор, указав, что Соединенные Штаты и европейские колониальные державы сделали то же самое и пошли гораздо дальше, но никто не считал их нарушителями норм международного права^[293].

Любопытно, что, хотя доступной земли все еще было очень много, а больше всего недовольства вызывала в местной печати роль китайцев в коммерческой жизни региона, первые ограничительные меры были направлены против иностранного землевладения. Одним из вероятных объяснений такого усиленного внимания к земле является влияние политики, проводившейся на другом краю империи, где земельный вопрос был самым важным. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1882 году, когда новые административные правила потребовали, чтобы иностранные подданные испрашивали у генерал-губернатора особое разрешение на покупку земли на Дальнем Востоке. В 1885 году, после шквала докладных записок и проектов перехода к более масштабным мерам, наступил решающий момент, когда царь Александр III обозначил свою поддержку ограничения иностранного землевладения в регионе. В результате постановлением от 22 июня 1886 года Комитет министров запретил иммигрантам с территории Китая и Кореи селиться в приграничных областях^[294].

В 1888 году была запрещена любая иммиграция из Кореи, право на которую не было подтверждено особым, подкрепленным документами разрешением. Учитывая, что правительством Кореи эмиграция из нее была строго запрещена, нетрудно понять, что указанное выше правило вынудило корейцев иммигрировать нелегально^[295]. 18 июня 1892 года (опять примерно тогда же, когда аналогичный закон ограничил права иностранцев в западных провинциях страны) Комитет министров запретил лицам, не имеющим российского подданства, приобретение земли на всей территории Дальнего Востока (в бассейне Амура и Приморье)^[296]. Одновременно российские власти объявили, что китайцам и корейцам запрещено селиться в ряде пограничных зон^[297].

На практике же добиться соблюдения этих ограничений оказалось сложно. В конце 1890-х годов комитет Министерства внутренних дел обсуждал идею дополнения закона 1892 года, запрещающего приобретение земли, запретом для китайцев и корейцев брать землю на Дальнем Востоке в аренду^[298]. Однако комитет пришел к выводу, что это будет иметь ужасные последствия для дальневосточного сельского хозяйства. В конце концов предложение было не только отклонено, но и заменено принятием мер, сделавших такого рода аренду более доступной^[299]. В 1908 году генерал-губернатор Приамурья запретил отдавать государственные земли в аренду китайцам и корейцам. Поначалу запрет касался только иностранных подданных, но декрет от 25 июля 1909 года распространил его действие также на китайцев и корейцев, находившихся в российском подданстве.

Закон от 18 июня 1892 года в принципе стал для китайских подданных мощным стимулом к натурализации. Однако – возможно, в основном из-за бюрократических препон на местах – складывается впечатление, что натурализация китайцев оставалась очень редким явлением. Массовая депортация населения бассейна Зеи в 1900 году, разумеется, не означала окончания китайского присутствия в регионе. На деле оно стремительно росло в последующие два десятилетия, по мере того как строительство железной дороги, золотые прииски и общее экономическое развитие порождали неутолимую потребность в дешевой рабочей силе. Однако никто из китайцев, остававшихся, возвращавшихся или недавно прибывших в регион, не находился под

защитой Айгунского договора. По-видимому, в последующие годы местные власти на Дальнем Востоке чувствовали себя в силах налагать весьма далеко идущие новые ограничения на иностранцев из Азии. Например, 26 июля 1902 года военный губернатор издал декрет, запрещающий всем китайцам и корейцам проживать в Хабаровске за границами китайского квартала^[300].

Боксерское восстание оказалось первым из серии тех драматических событий в истории иммиграции и гражданства на Дальнем Востоке, которые имели отношение к вопросам войны и безопасности. Второе такое событие произошло в 1904–1905 годах, когда большинство японских подданных в дальневосточных областях империи было собрано для высылки из страны. Операция началась в феврале 1904 года, при дипломатической и финансовой поддержке со стороны правительства США, сохранявшего нейтралитет. Затронув только тысячу японских подданных, эта операция, однако, создала важный прецедент, став в российской истории первой последовательно проведенной облавой и депортацией гражданских подданных противника во время войны^[301]. По окончании военных действий японским подданным было позволено вернуться в Россию.

Но озабоченность военных и полиции тем, что присутствие иностранцев ставило под угрозу безопасность, вряд ли ослабела. Запрет цензуры и введение выборов в результате революции 1905 года сделали публичное нативистское обсуждение «желтой угрозы» лишь более многоголосым и громким. В то же время возобновились стремительный рост экономики и развитие Дальнего Востока, что создало самую настоятельную потребность в рабочей силе. В изменчивой ситуации все более мощные противодействующие силы направляли свое влияние друг против друга.

Одна из наиболее значимых связанных с гражданством проблем в этот период касалась юридических и политических последствий формальной аннексии Кореи Японией в августе 1910 года. На протяжении нескольких месяцев российские чиновники составляли огромное множество бумаг, пытаясь разобраться, что делать в создавшейся ситуации. По сути дела, дилемма возникла потому, что Япония внезапно обрела право требовать для десятков тысяч корейских подданных, проживавших в Российской империи, всех прав и обязанностей японских подданных. Для России это стало проблемой по нескольким причинам. Во-первых, Корея, в отличие от Японии, не была для России страной, пользовавшейся режимом наибольшего благоприятствования. Поэтому все административные и юридические ограничения, налагаемые на корейских подданных (например, введенный генерал-губернатором Приамурья запрет на использование корейцев для работы на золотых приисках), вступали теперь в противоречие с обязательствами по международному договору. В принципе с этого момента к корейцам можно было применять лишь ограничения, налагаемые на всех иностранцев.

Обсуждая ситуацию, российские власти пришли к очень прагматичному решению. Ввиду появления большой группы населения, оказавшейся под защитой японских консулов (и потенциально подлежащей в будущем японской воинской повинности), чиновники рассматривали различные варианты действий. Обмениваясь мнениями, почти все сановники доброжелательно отзывались о корейцах как об аккуратных, эффективных, трудолюбивых и прежде всего послушных работниках, без жалоб соглашающихся на значительно более низкую заработную плату. Возможно, потому, что в области коммерции было занято гораздо больше китайцев, чем корейцев, и последние были не так заметны, не было дискуссии и об их «доминировании» в каком-либо секторе дальневосточной экономики. В конце концов корейцев сочли слишком полезными для дальневосточной экономики, а их крайняя враждебность к Японии позволила не считать их присутствие представляющим существенную опасность для государства. Хотя власти продолжали применять к корейцам особые ограничения – такие, как особый паспортный режим и более высокие пошлины (которые применялись также к китайским подданным), – не было введено никаких новых ограничений натурализации или иммиграции. Таким образом, аннексия Кореи Японией имела лишь

незначительные последствия для уровня натурализации и иммиграции: он продолжал заметно расти в ответ на потребность в рабочей силе на российском Дальнем Востоке, а также в ответ на японские репрессии и колонизацию Кореи^[302].

Этот случай показывает, что влияние политических событий на неизменный рост азиатского присутствия на дальневосточном рынке рабочей силы было сравнительно незначительным (см. таблицу 2 в приложении 1). На Дальнем Востоке Россия столкнулась со сложной проблемой. Администрация желала до предела увеличить число славянских поселенцев, минимизировав число выходцев из Азии. Это считалось вопросом национальной безопасности и – как показали события 1900 года – вопросом установления твердого контроля над регионом и границей. Российские журналисты сетовали по поводу «желтой угрозы» и необходимости более заметного этнического присутствия русских в регионе. Были предприняты практически все возможные шаги для увеличения соотношения «белого» и «желтого» населения на Дальнем Востоке^[303].

Добиваясь достижения этой важнейшей цели, администрация использовала политику присвоения гражданства. Во-первых, с 1886–1888 годов барон Корф под влиянием спора с немцами, разворачивавшегося на другом краю континента, ввел новую систему гастарбайтерских паспортов для рабочих из Китая и Кореи. Он установил для них особые паспортные пошлины – более высокие, чем выплачивавшиеся другими иностранцами, – и требовал оформления визы, которую следовало каждый месяц обновлять с уплатой пошлины в 30 копеек. Кроме того, рабочие-иммигранты из Азии должны были платить специальный добавочный налог в 1 рубль 20 копеек в год и пошлину в полтора рубля за особое разрешение на работу. Корф надеялся, что такая система поможет получить большую административную власть над иностранными рабочими, замедлит рост этих групп и уменьшит их экономическое влияние^[304]. На практике осуществление указанных мероприятий было доверено владельцам приисков и фабрик, на которых возложили ответственность за обеспечение гастарбайтеров паспортами и за сбор пошлин. С китайской стороны рекрутеры добавляли новые пошлины и периодически попадались на подделке паспортов^[305]. Несмотря на коррупцию, система выполняла задачу всех систем по приему гастарбайтеров: обеспечивала дешевую рабочую силу и не давала иностранцам навсегда поселиться в стране пребывания. То, до какой степени использование китайской рабочей силы ограничивалось наймом этих людей в качестве сезонных рабочих, показывает поразительный гендерный дисбаланс, о котором сообщалось в 1901 году: среди 29 284 китайцев в Приамурье было лишь 453 женщины^[306].

Для привлечения на Дальний Восток переселенцев-славян правительство старалось обеспечить им бесплатный проезд по железной дороге, налоговый иммунитет на пять лет, освобождение от военной службы также на пять лет, бесплатную землю, более высокие зарплаты и использовать другие стимулы. Министерство внутренних дел определяло области с высокой безработицей на европейской территории России и посылало туда агентов, вербовавших трудовых мигрантов для переезда на Дальний Восток. Особые правила позволяли потомкам староверов и религиозных сектантов, эмигрировавших в Болгарию и другие страны, селиться на Дальнем Востоке и натурализоваться, не соблюдая обычного условия о предварительном проживании в стране в течение пяти лет. Хотя эти меры и привлекли какое-то количество рабочих-славян и некоторые из них остались жить в регионе, их никогда и близко не доставало для удовлетворения огромной потребности в рабочей силе на золотых приисках, железных дорогах и даже на строительстве оборонительных сооружений^[307].

Генерал-губернатор Николай Львович Гондатти, лоббировавший в правительстве и общественной печати введение дополнительных ограничений на наем рабочих из Азии, приводил в высшей степени расистские доводы. Между тем, например, золотодобыча особенно сильно зависела от китайских наемных рабочих: невозможно было привлечь славян для работы в опасных шахтах за столь же низкую заработную плату, на какую соглашались китайские и корейские рабочие. Частные предприятия были способны

противостоять давлению, вынуждавшему их отказаться от дешевой рабочей силы. Однако 21 июня 1910 года Совет министров поддался уговорам и принял закон, предписывавший государственным учреждениям нанимать русских работников. Немедленно последовал поток петиций от железнодорожной администрации, различных военных учреждений, ответственных за строительство, и других административных организаций – с просьбами о введении исключений. Некоторые из этих просьб были удовлетворены, некоторые – отклонены, но в целом попытка переключиться на использование русской рабочей силы не возымела успеха. В 1911 году 46 % из 31 566 работников на государственных предприятиях в Приамурье были выходцами из Азии (преимущественно китайцами). Многочисленные послабления, дарованные государственным и военным организациям, помешали осуществлению закона от 21 июня, очевидным образом показав, что быстрое экономическое развитие было в глазах властей важнее, чем изменение этнического баланса населения^[308].

С началом Первой мировой войны чаша весов ненадолго, но весьма резко склонилась в пользу ограничения присутствия выходцев из Азии в стране и в пользу их депортации. Не располагая серьезными доказательствами, верховное военное командование объявило, что Германия использует свое влияние в Маньчжурии для вербовки китайских шпионов. В качестве профилактической меры штаб армии отдал приказ об интернировании и депортации китайских торговцев со всех территорий, где действовало военное право^[309]. Министерство внутренних дел инструктировало губернаторов по всей стране, призывая их установить строгий контроль над проживающими в их регионах китайцами, поскольку японцы используют тех как шпионов, и приказывая депортировать любого китайца, вызывающего хотя бы малейшие подозрения^[310]. В августе 1914 года губернаторы ответили тем, что выслали из своих областей всех китайских торговцев^[311]. Однако Китай официально сохранял нейтралитет и в нотках протеста, направленных в Министерство иностранных дел, настаивал, чтобы губернаторы ограничились депортацией лишь тех, кто «подозревался в шпионаже». Тем не менее тысячи китайских подданных по всей империи были депортированы. В октябре 1914 года правительство Российской империи категорически запретило китайцам въезжать на ее территорию. Хотя позднее в том же месяце Китай вступил в войну на стороне России, этот запрет сохранялся до 1916 года^[312].

Несмотря на то что среди представителей военных и полицейских властей убеждение, будто китайцы были склонны к шпионажу, не ослабевало, к 1916 году экономика вновь получила приоритет. Мобилизация и необходимость удовлетворять потребности оборонной промышленности привели к сильнейшей нехватке рабочей силы на производстве оружия, железнодорожном строительстве и в сельском хозяйстве. В Министерство внутренних дел хлынули петиции, требовавшие разрешения на ввоз рабочих из Азии. Уже в августе 1915 года некоторому количеству китайцев и корейцев было разрешено въехать в Россию для работы на строительстве железных дорог.

Как только в марте 1916 года было принято решение вновь позволить китайским и корейским подданным въезд в империю, их начали ввозить в огромных количествах. Министерство транспорта затребовало более 100 000 китайских рабочих для строительства железных дорог, включая 22 000 – для жизненно необходимой Мурманской железной дороги. Министерство сельского хозяйства предложило масштабную программу ввоза 200 000 китайцев и корейцев для проведения сельскохозяйственных работ в центральной части России. Основным ограничительным фактором для притока рабочих из Азии быстро стал объем перевозок, которые можно было осуществлять по Сибирской железной дороге (приблизительно 15 000 человек в месяц)^[313].

Полицейские и армейские чиновники все еще подозревали китайцев в шпионаже^[314]. В 1916 году доводы этих чиновников по большей части отменялись, но к осени 1917-го экономические условия начали серьезнейшим образом меняться. Нехватка рабочей силы перестала быть такой острой. В некоторых областях мигранты из Азии остались

без работы, например в Петрограде, откуда сообщалось о 6000 безработных китайцев^[315]. В сентябре 1917 года Министерство труда запретило дальнейший ввоз рабочих из Азии^[316].

Эта резкая перемена политического курса прекрасно иллюстрирует противоречие между двумя целями: быстрым экономическим развитием и национальной безопасностью. Система ввоза рабочих-мигрантов, созданная в 1880-е годы, сделала дешевую рабочую силу доступной без постоянной иммиграции и натурализации. В качестве предварительного условия для массового ввоза рабочих из Азии в 1916 году правительство ужесточило систему, введя более строгий контроль над документами и надзор. Полицейские чиновники играли в этом процессе гораздо более заметную, чем прежде, роль. Они приставлялись к каждой группе въезжавших в страну рабочих и продолжали наблюдение после их прибытия.

Немецкая политика в отношении российских гастарбайтеров и российская – в отношении выходцев из Азии на российском Дальнем Востоке были зеркальным отражением друг друга. Немецкое правительство, чтобы разрешить противоречие между этнонациональными целями и потребностью в дешевой рабочей силе, использовало политику гражданства, создав новую систему ввоза гастарбайтеров. Россия не ввела те же меры в отношении немецких рабочих, занятых в российской промышленности на западе страны, но выстроила удивительно похожую систему для китайцев на Дальнем Востоке. Как и в случае Германии, российские власти на Дальнем Востоке были слишком озабочены демографическим балансом в регионе, где русское население оставалось сравнительно небольшим, а число выходцев из Азии, напротив, стремительно росло. Потребность юнкеров и промышленников в дешевой рабочей силе привела в Германии к учреждению новых методов контроля над документами и строгого надзора за сезонными работниками. Точно так же на российском Дальнем Востоке потребность горнодобывающих компаний и военного и транспортного министерств в дешевой рабочей силе помогла сдвинуть чашу весов и перейти от недвусмысленного запрета на иммиграцию к программе паспортного контроля и строгого надзора за передвижениями сезонных работников, сопоставимой с немецкой системой. Хотя мне не удалось обнаружить таких заявлений российских чиновников, которые прямо доказывали бы, что они позаимствовали свою стратегию непосредственно у Германии, нет сомнений: им было известно о возникшем в Германии конфликте, и барон Корф отнюдь не случайно ввел базовые правила выдачи паспортов китайским наемным работникам именно в 1885–1886 годах – в то же время, когда Германия ввела новые правила для российских подданных^[317].

Итак, Россия наложила драконовские ограничения на возможность для рабочих из Азии натурализоваться и навсегда поселиться в Российской империи, а также ограничила права иностранцев и натурализованных иностранцев приобретать землю у западных рубежей страны, однако важно помнить, что эта ограничительная политика не остановила растущего в геометрической прогрессии числа пересечений границы. Количество иностранцев в Российской империи продолжало расти, и ограничения на натурализацию и возможность покупать землю во многих отношениях представляли собой попытку властей облегчить дальнейшую иммиграцию, ограничив ее демографические последствия для постоянно проживающих в стране граждан. Система ввоза гастарбайтеров оказалась удобным компромиссом и способом обеспечить наличие дешевой рабочей силы, нейтрализовав угрозу того, что азиатское население возобладает над славянским.

Равным образом, налагая ограничения на использование и приобретение земли иностранцами и натурализовавшимися иностранцами, власти продолжали поощрять иммиграцию в города. Несмотря на новые опасения по поводу демографического состава населения и в целом подозрительное отношение к иностранцам в 1880-х годах, модернизация оставалась первоочередной задачей, и Министерство финансов пользовалось значительным влиянием, которое часто употребляло для того, чтобы

помешать попыткам Министерства внутренних дел ограничить иммиграцию в города. Россия продолжала стремиться к импорту квалифицированной рабочей силы и капитала для проведения индустриализации. Своего рода международная конкуренция за дешевую рабочую силу в промышленности, а также за квалифицированных рабочих и управляющих подталкивала Россию к проведению двойственной иммиграционной политики. С одной стороны, эта политика препятствовала мигрантам, надевшимся получить землю, а с другой – поощряла тех, кто искал работу в промышленном секторе или надеялся заняться предпринимательской деятельностью в городе. Такая же двойственность была характерна для Германии – да и для всего мира. И опять-таки невозможно объяснить проводившуюся Россией политику лишь внутривластными факторами.

На протяжении большей части российской истории власти поощряли иммиграцию и натурализацию и были решительно в них заинтересованы, но масштабы этих процессов оставались сравнительно небольшими. Когда же объем иммиграции на Дальнем Востоке возрос, власти резко ограничили натурализацию, чтобы иметь возможность и дальше ввозить в страну дешевую рабочую силу. В целом традиционный принцип «Привлекай и удерживай» во многих отношениях продолжал характеризовать российскую политику, даже несмотря на введенные в конце XIX века ограничения.

В эпоху Великих реформ Россия изменила положение иностранцев, даровав им многие новые права и защиту – в надежде привлечь их к участию в российской модернизации и индустриализации. Эти реформы накрепко связали иммиграционную политику со стратегиями российской модернизации и индустриализации. Такая тесная связь обычно провоцировала внутри страны противодействие иммигрантам и иностранцам. Попытки *привлечь* иностранцев оказались в какой-то мере успешными. В целом же эмиграционная политика была направлена на *удержание* населения в стране, но летопись ее успехов в этом отношении оказалась гораздо менее безоблачной.

Глава IV

Эмиграция и денатурализация

Мало найдется стран, где традиция противодействия эмиграции и денатурализации имела бы столь глубокие корни, как в России. Нехватка людей оставалась фундаментальной проблемой на протяжении большей части российской истории. Основные административные институты в стране формировались ради выполнения важнейшей задачи: удерживать крепостных, солдат, служилых людей и купцов в рабстве или на царской службе. Крепостное право развилось как способ удержания на месте рабочей силы, которую служилая знать могла бы эксплуатировать. До освобождения крестьян для большинства крепостного населения эмиграция была чем-то невообразимым. Цари строго контролировали служилое дворянство. Сложная система коллективной ответственности, заложенничества, денежных штрафов и наград была разработана, чтобы помешать дворянам бежать в другие страны. Отъезд из империи без разрешения царя строго запрещался, и исключения были редки. Иностранцы на иностранных судах, заходивших в российские порты, проводили большую часть торговых операций. Даже тем иностранцам, которые приехали в Россию ради поступления на царскую службу, подчас не дозволялось уехать.

Разумеется, официальная политика не могла полностью положить конец эмиграции. Во-первых, крестьяне постоянно бежали в степь, к казакам, а дворяне в XVII веке нередко переходили на службу к правителям соседних стран. И беглые крестьяне, и эти служилые дворяне официально считались не эмигрантами, а преступниками, виновными в серьезном правонарушении – побеге. Отправной точкой для них являлась не граница, а разрыв уз, связывавших их с помещиком или царем. Между Россией и близлежащими странами были заключены договоры о выдаче беглецов, спасавшихся от воинской повинности или крепостной зависимости. И хотя соседи иногда радушно

принимали лиц, бежавших из Российской империи, цари, безусловно, не расценивали это перемещение как эмиграцию и продолжали считать таких лиц российскими подданными. Наказание для дворян, без разрешения отбывших за границу, могло включать конфискацию земельных владений и собственности. Для представителей низших слоев общества кары варьировались: от телесного наказания и возвращения к хозяину – до ссылки в Сибирь. Даже после освобождения крестьян отсутствие в стране более пяти лет без специального разрешения рассматривалось как преступление, эквивалентное побегу и влекущее за собой уголовное наказание или – для представителей среднего и высшего класса – утрату социального статуса^[318].

Вторым важным способом покинуть страну был массовый, групповой побег. Многие из таких массовых миграций случались после присоединения Россией новых территорий, хотя некоторые происходили спустя десятилетия после этого или даже позже. Самыми важными и широкомасштабными случаями были массовые эмиграции татар, ногайцев, адыгов (черкесов) и некоторых других этнических групп Кавказа в Османскую империю, как вскоре после аннексии в XVIII веке, так и в 1860–1861 годах. Массовые переселения после аннексий могут быть похожи на решение об эмиграции, но также их можно рассматривать как часть процесса добровольного и вынужденного разделения подданных, происходящего вследствие территориальных изменений. Короче говоря, «эмиграция», «оптация после аннексии», «обмен жителями», «насильственная высылка» и «депортация» не являются взаимоисключающими понятиями или практиками. Каждое последовавшее за присоединением новых территорий массовое переселение включало несколько из названных элементов.

Эмигрировать официально и законно было чрезвычайно сложно: в большинстве случаев требовалось одобрение царя и всегда – очень высокопоставленных сановников. Для того чтобы по закону покинуть страну – на краткий срок или навсегда, – нужен был «иностраный паспорт» (загранпаспорт), документ, впервые упомянутый в Уложении 1649 года^[319]. Те, кто рискнул пробраться через чащобу предписаний в надежде получить загранпаспорт и право путешествовать за границу, должны были заплатить пошлины, добыть разрешения от чиновников нескольких уровней и опубликовать в печати три извещения о запланированном отъезде (чтобы поставить в известность кредиторов и дать им шанс воспрепятствовать отъезду). Паспорт обычно извещал иностранные правительства о том, что его владелец пользуется дипломатической поддержкой и защитой со стороны правительства родной страны. Напротив, в России загранпаспорт был документом, служившим для осуществления полицейского контроля и необходимым лицу, намеревавшемуся покинуть страну. Загранпаспорт не представлял собой постоянного документа, но – как и виза – действовал только на время одного путешествия и по возвращении своего обладателя в страну навсегда изымался чиновниками на границе. У него был определенный срок действия (в 1890 году – три месяца), а затем нужно было получать новый паспорт^[320]. Российский внутренний паспорт имел еще меньше общего с тем, что принято понимать под паспортом. То был документ, выдававшийся крестьянам и представителям низших слоев общества и определявший границы области их проживания, которые им запрещалось пересекать^[321]. Ни один из этих документов не служил для упрощения путешествий или удостоверения личности – назначением обоих паспортов скорее было ограничить перемещения^[322].

Составлявшие длинный список, такие категории населения, как поляки, купцы, обитатели западных провинций или Кавказа, большая часть национальных и религиозных меньшинств, паломники и т. п., должны были платить дополнительные пошлины, предъявлять дополнительные печати и листы согласования^[323]. Все эти меры до 1860-х годов делали законную «эмиграцию» (в современном смысле этого слова) практически не существовавшей в качестве повседневного явления (см. таблицы 3 и 4 в приложении I).

С освобождением крестьян в 1861 году ситуация не переменилась в одночасье. Манифест сохранил жесткую систему коллективной ответственности и внутренних паспортов, призванную привязать крестьян к их деревням и заставить погашать долги государству в форме выкупных платежей на протяжении сорока девяти лет. С момента освобождения и до первых лет XX века включительно любой человек, покидавший свой уезд или отъезжавший более чем на пятьдесят верст от места проживания, нуждался во внутреннем паспорте^[324]. И все же во внутренней жизни страны после освобождения началась серия перемен, приведших к внезапному возникновению эмиграции как постоянно присутствовавшего важного явления.

Широкомасштабная эмиграция имела под собой различные основания. Определить и классифицировать причины, объясняющие, почему разные группы населения эмигрировали из Российской империи, – особая задача, систематическим решением которой до сих пор никто не занимался. В каждом случае можно найти важный толчок, ставший стимулом для эмиграции. В случае более чем 200 000 ногайцев и татар, переселившихся в 1860 и 1861 годах из Крыма в Османскую империю, к исходу привели распространившиеся после Крымской войны слухи о грядущих репрессиях со стороны государства, а также движение мусульманского духовенства в пользу переселения в Османскую империю. В случае немецких колонистов, меннонитов и духоборов главным стимулом послужило введение в 1874 году всеобщей воинской повинности. В случае евреев важную роль сыграли погромы 1881 и 1902–1907 годов. Нехватка земли, экономические затруднения и отсутствие доступа к образованию вынуждали мигрировать представителей всех групп населения. Еще одним существенным фактором стал быстрый рост населения в последовавшие за освобождением крестьян десятилетия: он вел к сокращению земельных наделов и к перенаселенности. Идею, что Россия была перенаселена, часто сбрасывают со счетов из-за размеров страны. Но территории с достаточно плодородными почвами составляют лишь небольшую ее часть, и к 1900 году эти области были почти по всем меркам перенаселены. В результате все больше сокращавшиеся размеры земельных наделов и заработной платы стали наиболее значимым источником социально-экономического напряжения в революционную эпоху. Организационные и правовые ограничения, налагаемые на крестьянскую общину (в случае славян), и ограничения на проживание евреев в малых и больших городах черты оседлости лишь усугубляли проблему^[325].

Однако ученые начали пересматривать представления об эмиграции как о явлении, вызываемом прежде всего внутренними стимулами. Вполне возможно, что внешние стимулы были еще важнее. Эмиграция в большей мере была связана с экономическими возможностями в США, Канаде и других странах, чем с волнами погромов и организацией призыва в армию. Как обнаружили исследователи феномена эмиграции по всему миру, на местном уровне ключевым для объяснения закономерностей эмиграции было создание зарубежных сообществ земляков. Например, ученые обнаружили, что гораздо легче судить о числе эмигрировавших, опираясь на историю предшествовавших волн эмиграции, чем на историю погромов. Так, количество эмигрировавших из юго-западных областей, где погромы случались чаще и были более жестокими, уступает числу эмигрировавших со сравнительно более спокойного северо-запада страны, где близость железных дорог, портов и посредников привела к гораздо более раннему формированию практики эмиграции^[326]. Немаловажным был и тот простой факт, что дешевые путешествия по железной дороге и пароходом впервые сделали переезд в незаселенные американские прерии доступным и осуществимым.

Этнические диспропорции в структуре эмиграции

В период с начала эпохи Великих реформ и до революции одним из наиболее бросающихся в глаза аспектов эмиграции было сравнительно малое число этнических русских, участвовавших в ней. Так, в 1861–1914 годах русскими являлись лишь 1–4 % (в зависимости от того, что мы вкладываем в понятие «русский») от всех эмигрантов.

Наибольшее число эмигрировавших этнических русских приняли Соединенные Штаты Америки: в 1910 году их было приблизительно 40 000 из 1 732 000 проживавших в США уроженцев Российской империи (см. таблицы 8 и 9 в приложении I)^[327]. Эмиграция практически без исключений оставалась уделом инородческих меньшинств, покидавших империю. Среди немногочисленных русских эмигрантов многие являлись старообрядцами или членами сект молокан и духоборов – данный факт лишь подчеркивает, что эмиграция была по сути своей чуждым для русских феноменом.

Если подсчитывать количество эмигрантов на душу населения, эта несбалансированность попросту поражает. Вероятность эмиграции евреев была в 184, немцев – в 55, поляков – в 57 раз выше, чем вероятность эмиграции русских. Немецкие, литовские, финские и польские эмигранты были по большей части крестьянами и, как правило, эмигрировали туда, где можно было бесплатно получить землю. Встает вопрос: почему русские, украинцы и белорусы из Российской империи эмигрировали в несопоставимо малых количествах? Для них земельный вопрос стоял, возможно, даже острее, чем для тех, кто решался на эмиграцию.

В значительной степени ответом служит практика наследования земли и владения ею. Русские, украинцы и белорусы почти повсеместно практиковали совместное ведение хозяйства, предполагающее разделение собственности между наследниками. В системах, опиравшихся на право первородства, безземельные младшие сыновья создавали постоянный поток мигрантов, отправлявшихся в города, и эмигрантов, переселявшихся на другие континенты в поисках земли^[328]. В Российской империи, где наследство делилось между сыновьями, младшие братья могли не покидать деревню. Многие решали остаться, даже несмотря на то что земельные наделы стремительно уменьшались в размерах. Многие обеспечивали себя, прибавляя к продуктам, полученным в результате обработки меньшего надела, доходы от сезонной работы в городе или сдельного труда на дому. А вот за границу люди не эмигрировали. Интересно, что, когда – в результате территориальной экспансии в Среднюю Азию и строительства Транссибирской железной дороги – в пределах империи появились новые земли, открытые для заселения, русские и украинские крестьяне стали охотно брать государственные субсидии для переселения туда. Более четырех миллионов российских подданных в 1880–1914 годах перебрались в Сибирь. Однако эти волны переселенцев зачастую составляли не отдельные лица или семьи, а целые общины, сообща переезжавшие в Сибирь. Такая практика поощрялась властями, особенно в консервативное правление Александра III, который даже запретил индивидуальную эмиграцию в Сибирь, хотя и ненадолго^[329]. Впрочем, вне зависимости от официальной политики крестьяне, практиковавшие общинное земледелие и раздел наследства, попросту не эмигрировали поодиночке.

Невозможно представить себе большего отличия от тех обществ, где наследство достается старшему сыну. Яснее всего это иллюстрируется примером российских немцев. Хотя многие немецкие сообщества в Поволжье полностью перенимали общинную систему и практику раздела наследства, большинство продолжали придерживаться иных обычаев. Это особенно касается крупных групп немецкого населения на юге Украины, где возникли эффективные формы земледелия и целая сеть кредитных союзов и обществ взаимной финансовой помощи, не имевшая себе равных в империи. Это помогало семьям и деревням приобретать землю у русских и украинских соседей. В результате общая площадь принадлежащих немцам земель в Причерноморье и Бессарабии стремительно росла. И тем не менее скорость приобретения земель не могла соответствовать высокой рождаемости в немецких семьях, и размеры земельных наделов сокращались. Когда этот процесс шел полным ходом, в Одессе появились агенты железнодорожных компаний и пароходных линий. Они быстро поняли, что завербовать немцев в России намного легче, чем русских или украинцев, что привело к появлению большого количества немецких эмигрантов из этого региона. Не унаследовавшие земли вторые, третьи и четвертые сыновья из немецких общин нередко решались на эмиграцию. Операция оказалась столь успешной, что примерно в

течение десятилетия в 1880-х и 1890-х годах Южная Дакота была населена преимущественно русскими немцами^[330].

Различия в системах владения землей существенно сказались на неравномерности в уровнях эмиграции, но имелись и другие важные факторы. Одним из них была угроза (воображаемая или реальная) того, что в результате военных реформ 1874 года отдельные группы населения потеряют освобождение от воинской повинности и выполнения других обязанностей^[331]. Это особенно беспокоило немцев и других «колонистов». Специфический юридический статус «колонист» был упразднен в 1871 году, и новые поселяне-собственники стали гражданами империи, утратив почти все особые привилегии, которые прежде всего и побудили их и их предков к переселению в Россию. Важнее всего была отмена в 1874 году освобождения от воинской повинности, дарованного в свое время не только меннонитам, но и практически всем «колонистам» в грамотах и постановлениях, описывавших особые условия «сепаратных сделок», которые заключались ими при принятии подданства. По мере того как в 1870-х годах по империи распространялись слухи о грядущей отмене этой привилегии, люди все чаще начинали говорить и о массовой эмиграции. Если по сообщению одного человека, ставшего свидетелем раннего рекрутского призыва в болгарской колонии, и можно о чем-то судить, то, по-видимому, среди крестьян никто не проявлял особого энтузиазма в отношении понятия гражданства как равенства прав и обязанностей. Старейшина деревни сообщал, что в колонию приехал чиновник, прочитал документ и потребовал выдать рекрутов. Тогда колонисты заговорили о возвращении в Болгарию. Свидетель, оставивший описание происходившего, сказал старейшине, что это делают чиновники, а царь ничего не знает^[332]. В том, что касается эмиграции, исход событий в данном случае был не столь драматичным, как в случае пацифистов-меннонитов, которые в 1873 году, еще до реформ 1874 года, отправили делегацию из двенадцати человек в Соединенные Штаты и Канаду, чтобы договориться о массовой эмиграции. Когда Канада, в отличие от Соединенных Штатов, гарантировала им освобождение от призыва в случае войны (в США не было практики призыва в армию в мирное время), лидеры меннонитов избрали Канаду основным направлением для эмиграции^[333].

Реформа 1874 года привела к быстрому росту числа сообщений о молодых мужчинах, нелегально эмигрировавших с целью избежать призыва. Например, за два года после введения в 1874 году всеобщей воинской повинности один-единственный уезд Ломжинской губернии, граничивший с Пруссией, не досчитался 282 молодых людей, подлежащих призыву в армию и нелегально эмигрировавших (никого из них не поймали и не возвратили из Пруссии)^[334]. Впоследствии Австрия и Пруссия при поддержке России ввели ряд полицейских инициатив и документов, оказавшихся полезными в деле поимки уклонистов и депортации их назад в Россию^[335]. Россия руководствовалась тем принципом, что эмиграция и денатурализация не должны быть для молодых людей способом избежать воинской и иных повинностей. Соседи России были с этим согласны и полностью поддерживали ее в проведении такой политики.

Однако, по-видимому, многим людям удавалось ускользнуть через границу и продолжить путешествие, став частью набирающего мощь потока нелегальных эмигрантов, лишенных документов. Сходным образом многие группы мусульман на Кавказе столкнулись с новыми формами давления, появившимися вследствие военных реформ. Например, адыги обнаружили, что у них больше нет традиционной возможности откупиться от призыва, когда в 1872 году правительство подняло пошлину до 800 рублей, – лишь очень состоятельный человек мог надеяться выплатить такую сумму^[336]. Сделав воинскую повинность всеобщей и одинаковой для всех подданных, реформа 1874 года стала ключевым моментом в истории создания современного российского представления о гражданстве. Однако столетия успешного строительства империи и проведения иммиграционной политики стали возможны лишь благодаря прямо противоположному подходу – идее сепаратных сделок, – и многие группы населения ничего не ценили выше освобождения от призыва в армию. Короче говоря, понятие гражданства поставило под вопрос саму суть политики строительства империи.

Официальная эмиграционная политика

Официальная реакция на рост количества эмигрантов была по большей части негативной. Общая политическая традиция «Привлекай и удерживай», по-видимому, сохраняла влияние – даже когда рост населения привел к малоземелью и безработице, а эмиграция могла ослабить социальную и экономическую напряженность. Устойчивое отрицательное отношение к эмиграции значительно отличает Россию от других стран. Хотя в XVIII веке идея меркантилистов, что население является источником богатства, приводила многие страны к запрету эмиграции или делала ее очень непростой и дорогостоящей, в XIX столетии многие государства изменили свой подход. Согласно Андреасу Фармайру, «право эмигрировать занимает одно из первых мест в списке фундаментальных свобод» и «повсеместно признается одним из основных прав уже в XIX веке» в немецких государствах и на большей части территории Европы^[337]. То была влиятельная идея, постепенно вошедшая в конституции и законодательные акты по всему миру. Этот принцип вошел в сводные законы об эмиграции сначала в Англии – в 1803, затем в Голландии – в 1837, Бельгии – в 1843, Италии – в 1888, Германии – в 1897 и Венгрии – в 1909 году^[338]. Хотя австрийская часть монархии Габсбургов и не смогла провести билль о всеобщей реформе эмиграционного права, в конституции 1867 года эмиграция была объявлена одним из основных прав (ограниченным лишь требованием, чтобы сначала молодые люди отслужили в армии)^[339]. Это позволило агентам и компаниям, оказывавшим эмигрантам посреднические услуги, в 1897 году совершенно легально работать и основать организации, соблюдавшие и защищавшие интересы эмигрантов за пределами страны^[340]. Такая политика могла иметь значительный эффект. Например, из габсбургской Галиции эмигрировало во много раз больше украинцев, чем из Российской империи. В 1893 году даже Китай отказался от вековой традиции запрета эмиграции, отменив законы, наказывавшие за добровольную эмиграцию или возвращение^[341].

Вероятно, легализация эмиграции произошла скорее по прагматическим соображениям, чем благодаря все более повсеместному признанию нового права человека. Если в XVIII веке ключом к богатству и могуществу был рост населения, то к середине XIX века перенаселенность в сельской местности привела к нарастанию социальной напряженности и мешала сельской экономике увеличивать доход на душу населения. Становление в Европе XIX столетия государства всеобщего благосостояния сделало для некоторых стран приоритетной легализацию как эмиграции, так и денатурализации, позволявшей избежать возвращения нуждающихся эмигрантов, которые на основании своего статуса граждан могли потребовать от государства поддержки. Напротив, деньги, присылаемые успешными эмигрантами (покинувшими страну на время или навсегда), оказались существенным источником дохода. В особенности в Германии индустрия корабельных перевозок эмигрантов образовала весьма доходное и влиятельное политическое лобби в пользу полной легализации эмиграции^[342].

Хотя в Российской империи действовали те же самые факторы, ее эмиграционная политика резко отличалась от той, что проводилась другими странами. Легальная эмиграция оставалась весьма непростым и дорогостоящим предприятием. Почему? Это загадка. Впрочем, на деле сохранявшиеся суровые ограничения эмиграции отчасти были связаны с попыткой фильтровать эмигрантов для достижения более общих целей демографической политики. Внимательный взгляд на российские политические принципы и административную практику показывает, что власти проводили весьма агрессивную дифференцированную демографическую политику, целью которой было удержание в пределах страны определенных групп населения и одновременное поощрение представителей других групп к отъезду – с последующим препятствованием их возвращению или запретом на него.

Одной из наиболее драматичных (по крайней мере, на бумаге) стратегий была административная процедура, допускавшая эмиграцию лишь при условии, что

эмигранту будет навечно запрещено возвращение в Российскую империю. Здесь самым знаменитым примером является разрешение массовой эмиграции крымских татар в правление Екатерины Великой и в десятилетие, последовавшее за Крымской войной 1855 года, при условии их отказа от российского подданства и дачи письменного обязательства никогда не возвращаться в империю. В результате этой процедуры имена эмигрантов были внесены в список лиц, которым было запрещено въезжать на территорию России^[343]. От немецких колонистов тоже требовалось, покидая страну, отказываться от российского гражданства; в принципе, им запрещалось возвращаться, хотя на практике в ряде случаев они получали на это специальное дозволение^[344]. За рубежом подобная практика была довольно редким делом, но в Российской империи она продолжалась в отношении отдельных групп несколько десятилетий после Великих реформ^[345]. Нет оснований сомневаться в том, что одним из мотивов осуществления подобной политики было регулирование демографических показателей: она применялась лишь к мусульманам, евреям и иногда – к немецким колонистам, но никогда не затрагивала славян или иные привилегированные группы населения.

Политика разрешения эмиграции при условии запрета на возвращение в страну использовалась еще несколько раз. Например, накануне Польского восстания 1863 года сотни эмигрантов были заочно приговорены за то, что без разрешения «покинули отечество». Хотя им и не было строго запрещено возвращаться, но наказания, ожидавшие их по возвращении, включали достаточно жесткие меры (такие, как лишение прав состояния или права на проживание в Королевстве Польском), чтобы практически все эти эмигранты и не помышляли об обратном пути^[346].

Как оказалось, принудить людей подчиняться вечному запрету на возвращение очень нелегко. Министерство внутренних дел попыталось создать систему, которая могла бы составить всеобъемлющий список таких лиц для российских консульств по всему миру, чтобы можно было отказывать им в выдаче виз^[347]. В 1892 году Министерство внутренних дел постаралось усовершенствовать систему, объявив амнистию, распространявшуюся на всех, изгнанных таким образом из страны до 1881 года, введя новую систему записи данных и потребовав проставления особой отметки в загранпаспортах лиц, отбывающих из страны и подлежащих этому запрету^[348]. Сложно определить, широко ли применялись данные правила и были ли они эффективны. Джеймс Мейер полагает, что способов обойти их было предостаточно. Он также нашел множество примеров того, как решение о подобном «вечном изгнании» применительно к мусульманским эмигрантам в Османскую империю отменялось^[349].

Более того, учитывая, что большинство эмигрантов из Российской империи покидали страну нелегально, с бумагами, не отвечающими официальным требованиям, логично заключить, что подавляющее большинство эмигрантов не имели документов с отметкой о «вечном запрете» на возвращение. Я не нашел свидетельств о какой-либо переписке российских чиновников, в ходе которой делалась бы попытка составить список нелегальных эмигрантов, лишенных документов, и добавить их имена к списку лиц, которым было «навечно запрещено» возвращаться в империю. В ежегодном докладе царю от 1891 года Министерство иностранных дел отмечало, что, поскольку большинство эмигрантов покидают страну, не имея надлежащего загранпаспорта, власти на деле просто неспособны определить подданство тех, кто возвращается^[350].

Поэтому можно сделать вывод, что политика наложения вечного запрета на возвращение применялась лишь к небольшому меньшинству мусульман, колонистов и других эмигрантов^[351]. Однако ничто из сказанного выше не означает, что эта политика была бессмысленна. Реэмиграция является существенным фактором в миграционной истории практически всех стран. Официальное неодобрение реэмиграции в Российской империи сделало ее почти по любым меркам гораздо более трудоемким и сложным предприятием^[352]. Даже те эмигранты, кто, чтобы покинуть страну, заполнил все бумаги и заплатил все пошлины, могли по возвращении столкнуться с необходимостью заплатить штраф. Обычно эмигрантам приходилось каждые полгода уплачивать

15-рублевую пошлину за продление загранпаспорта. По окончании срока действия многократной визы пошлина возрасла до 60 рублей – суммы, уплатить которую могли лишь немногие^[353].

Дифференцированное наложение запретов на возвращение показывает, как власти пытались направить эмиграцию в определенное русло таким образом, чтобы проводить демографическую политику в соответствии со своими этнонациональными и конфессиональными приоритетами. основополагающий принцип этой стратегии заключался в том, что покидать страну должны были практически исключительно лица некоренного населения. Решали ли они уехать нелегально или договорившись с властями, их отъезд рассматривался как деяние, близкое к измене, и им не позволялось возвращаться. Отсюда следует, что с точки зрения властей судьба эмигрантов не входила в сферу государственных интересов.

Это отсутствие интереса было отмечено Министерством иностранных дел в докладе от 1887 года, включавшем краткое изложение первого большого обзора эмиграционной политики, составленного министерством^[354]. В докладе откровенно описывались результаты такой политики. Заграничные консульства и посольства даже не считали, что удовлетворение потребностей и интересов эмигрантов – российских подданных за рубежом входит в круг их обязанностей. Когда министр иностранных дел обратился к сотрудникам этих учреждений с просьбой предоставить список российских подданных, находящихся в их юрисдикции, и сообщить о том, какие шаги предпринимаются для поддержки этих людей, во многих случаях сотрудники не могли даже примерно оценить количество таких подданных, не говоря уже об их потребностях. Министерство иностранных дел призывало изменить избранную консульствами стратегию подхода к проблеме, но, поскольку Министерство внутренних дел продолжало решительно возражать против предоставления помощи людям, нелегально покинувшим страну, прогресс в этой области был медленным^[355].

Весьма характерно, что лишь после первой масштабной эмиграции этнических русских и украинцев – в Бразилию и Аргентину в 1890–1893 годах – оба министерства начали демонстрировать серьезную озабоченность судьбой эмигрантов после пересечения ими границы^[356]. Как последовательно показывает переписка обоих министерств, эта волна эмиграции отличалась от предыдущих, поскольку включала многих русских и других представителей «коренного крестьянского населения». Несколько тысяч украинских, литовских, польских и русских крестьян отправились в Южную Америку, привлеченные обещанием бесплатной раздачи земли и государственной субсидии на переезд. Неразборчивые в средствах транспортные компании убеждали их отдать загранпаспорта, а затем бросали в странах назначения, где обещанная земля оказалась совершенно непригодной для обработки. Большинство потерпели неудачу в занятиях сельским хозяйством в субтропиках, испытывали нехватку денег для того, чтобы сделать необходимые вложения, и стали жертвой заболеваний и иных невзгод. Обнищавшие эмигранты обратились в российские консульства Южной Америки с просьбой о финансовой помощи для возвращения в Россию. Это спровоцировало ожесточенную дискуссию внутри российского правительства. Министр внутренних дел решительно возражал против предоставления какой бы то ни было помощи, заявляя, что подавляющее большинство этих эмигрантов покинули страну нелегально и их следует арестовать как преступников, а не снабжать деньгами на обратный путь. Тем не менее, учитывая масштаб трагедии и тот факт, что в данной ситуации страдали также и русские, Министерство внутренних дел уступило, запретив, впрочем, предоставлять помощь евреям^[357]. Решение оплатить возвращение славян, однако отказать в такой же помощи евреям – лишь один небольшой пример того, что представляется последовательной общей эмиграционной политикой поощрения славян к возвращению в империю, но препятствования возвращению других эмигрантов или даже запрета на него. Министерство внутренних дел запретило также принимать назад немецких колонистов, утверждая, что им было позволено денатурализоваться и покинуть страну лишь при условии вечного запрета на возвращение в Российскую империю.

Такая политика сделала легальную эмиграцию крайне дорогим, трудоемким и сложным с точки зрения логистики предприятием, что давало мощный стимул к развитию системы поддержки нелегальной эмиграции – системы, возникшей, чтобы удовлетворить спрос на подобные услуги. К середине XIX века приобретение загранпаспорта стало весьма дорогим удовольствием. В 1840 году Николай I поднял пошлину за выдачу загранпаспорта с номинальных 25 копеек до 10 рублей 50 копеек. Затем, когда после европейских революций 1848 года правительство приняло решительные меры против путешественников за границу, он поднял пошлину до 250 рублей – такие траты могли себе позволить лишь представители состоятельных, высших слоев населения^[358]. В эпоху Великих реформ пошлину снизили до 5 рублей, но в последующие десятилетия ее увеличивали, и к 1910 году она составила 17 рублей 25 копеек (9 долларов)^[359]. Эта сумма примерно равнялась среднему месячному доходу российского сельскохозяйственного рабочего^[360]. Требование, чтобы заявитель получил документ от местного жандармского управления, где отмечалось бы «отсутствие возражений против поездки за границу», и еще один – удостоверявший, что у него нет значительных долгов или невыплаченных налогов, делало процесс получения загранпаспорта более длительным и дорогостоящим: весь процесс зачастую занимал до трех месяцев и обходился в 30–40 рублей^[361]. Кроме того, если потенциальный эмигрант желал официально денатурализоваться (или по российским законам обязан был это сделать), его ожидали значительные дополнительные расходы и бюрократические препоны, так что стоимость предприятия могла возрасти и до 100 рублей^[362]. К концу века такое положение вещей стало, по сравнению с практикой других стран, весьма необычным. В Англии заграничный паспорт стоил 1 рубль на российские деньги, в Германии – 3 рубля 25 копеек, а в Испании был бесплатным. Нигде процесс его получения не занимал столько времени, как в России. В Италии документ выдавался в двадцать четыре часа, а в Испании – в течение трех дней^[363].

Кроме того, Департамент полиции периодически начинал кампании против нелегальной эмиграции. Временами арестовывали представителей пароходных компаний и агентов, которых те нанимали для поиска потенциальных эмигрантов. Таким агентам приходилось действовать вне закона, и, когда их ловили – по крайней мере, теоретически, – наказанием для иностранных подданных была депортация без права возвращения^[364]. Если же агентами и вербовщиками эмигрантов оказывались российские подданные, то на них обычно налагали штраф и высылали с приграничных территорий во внутренние губернии.

Помимо проведения арестов и депортаций, губернаторы пытались распространять информацию о лживости заявлений вербовщиков относительно условий эмиграции. Особенно много усилий к этому прилагали в периоды, когда из-за границы поступала информация о нарушениях прав эмигрантов, как в случае с Бразилией в 1890 году. Тогда генерал-губернатор Варшавы приказал принять строгие дополнительные меры, в числе которых были временный запрет на продажу собственности с аукциона, конфискация билетов на пароход, если они найдены у лиц, не имеющих загранпаспортов, и усиленное патрулирование границ^[365]. Но и после окончания кризиса отношение полиции к вербовщикам оставалось отрицательным: даже в 1913 году Министерство внутренних дел начало операцию по их поимке и разрушению их сети^[366].

Такого рода политика очевидным образом снижала число легальных эмигрантов. Объем же нелегальной эмиграции стремительно рос. На рубеже веков российские власти полагали, что от 50 до 90 % эмигрантов покидают страну нелегально, без загранпаспорта^[367]. Архивы Департамента полиции полны докладов губернаторов и чиновников приграничных областей о взяточничестве и потворстве местных властей и пограничников незаконным эмигрантам. Перехваченные письма самих эмигрантов друзьям в подробностях описывали сложную, но весьма эффективную систему подпольного перемещения с места на место с проводником-контрабандистом и содействующей уплатой взяток конкретным чиновникам^[368]. В 1906 году в одном из

таких писем даже приводилась скользящая сетка расценок в зависимости от скорости путешествия и уровня комфорта^[369]. С ростом масштабов системы перевод через границу становился все более эффективным, превратившись в привлекательное решение не только для представителей тех категорий населения, которым эмиграция была запрещена (например, молодых мужчин призывного возраста), но и для других лиц. Стоимость этих услуг была сопоставима с расходами на прохождение официальной процедуры, но предоставлялись они быстрее^[370].

Тем не менее нелегальный переход границы был рискованным делом. Некоторые из проводников вели своих подопечных пешком и по ночам. Пограничники же подчас – хоть и нечасто – употребляли власть на то, чтобы остановить нелегальный переход границы. Опасно было и довериться вероломному проводнику, который мошенническим путем вымогал у своих беззащитных подопечных неожиданные дополнительные платежи или даже всучивал им поддельные билеты, зная, что нарушившие закон эмигранты не смогут обратиться в полицию. Более того, порой система нелегальной эмиграции не отсеивала заранее тех, кому из-за болезни, физической неполноценности либо по иным причинам не разрешалось высадиться на острове Эллис или в других портах. Такие люди нередко были вынуждены оплачивать обратное путешествие или – в тех распространенных случаях, когда они не могли его оплатить, – становились обузой, с которой приходилось разбираться российскому правительству^[371].

Доводы в пользу комплексной эмиграционной реформы

Масштаб нарушений и неэффективность ограничений эмиграции были таковы, что в конце XIX века началось серьезное обсуждение ее легализации. Особенно жаркими эти дебаты стали в 1906–1909 годах, когда Министерство торговли и промышленности и Министерство иностранных дел создали межведомственный комитет, совместно с Государственной думой занявшийся составлением предложения о комплексной реформе эмиграционного законодательства^[372]. В дополнение к перечислению уже упоминавшихся проблем сторонники реформы выдвинули еще несколько доводов. Они указывали, что ограничения эмиграции повсеместно игнорируются и открыто презираются. Губернатор Плоцка сообщал в 1890 году Министерству внутренних дел о группе из сотни эмигрантов, перехваченной на границе, которые без всякого смущения заявили, что попытаются еще раз перейти границу на следующий день. В заключение он отмечал, что практически невозможно остановить поток людей или как-то на него повлиять^[373]. Еще одной проблемой была система многократных виз и карточек на пересечение границы, известных как «легитимизационные билеты». Они бесплатно выдавались жителям тридцатикилометровой приграничной зоны и должны были ускорять переход границы для тех, кто по рабочим обстоятельствам был вынужден часто это делать. На деле выдача таких документов жителям внутренних провинций за взятку стала весьма прибыльным занятием местных властей^[374].

На рубеже веков нелегальный перевод эмигрантов через границу все более совершенствовался и совмещался с контрабандными импортными и экспортными операциями. Например, в январе 1904 года полицейское расследование обнаружило большую контрабандистскую организацию, действовавшую в районе Варшавы. Основателем этой организации был пользовавшийся в те годы недоброй славой Давид Темповский, откупавшийся от таможенников и пограничников, а также от местной полиции, чтобы иметь возможность перевозить через границу и людей, и товары^[375]. Несмотря на то что все в округе знали о его делишках, он на протяжении многих лет продолжал их проворачивать, лишь иногда уплачивая штрафы и пени. Еще одним замечательным подтверждением существования коррупционной культуры был случай ротмистра Екимова, армейского капитана из Ломжи. Екимов был широко известен благодаря своим тесным связям с контрабандистской организацией, но его начальники вмешались в ситуацию лишь тогда, когда он зашел слишком далеко: освободил 90

нелегальных эмигрантов, арестованных наивным подчиненным, а затем отправил того в отставку за нарушение субординации. Предпринятое расследование обнаружило, что Екимов ежемесячно получал от контрабандистов 150 рублей^[376]. Генерал-губернатор Украины добавлял, что сложившаяся система затрудняет борьбу с масштабным и продолжающим расти экспортом женщин, осуществляемым преступными организациями сутенеров^[377]. Временами среди шаек организаторов незаконной эмиграции и контрабандистов вспыхивали жестокие криминальные войны^[378]. Короче говоря, дебаты об эмиграции во многих отношениях напоминали обсуждения легализации других предметов – от алкоголя до наркотиков.

Стоимость нового загранпаспорта для каждой зарубежной поездки и проволоочки при его получении не только провоцировали коррупцию, но и, как указывало Министерство финансов, вредили находившимся в российском подданстве купцам в их соперничестве с иностранцами на прусской, китайской и прочих границах^[379]. Министерство иностранных дел также нередко получало просьбы о легализации эмиграции от консулов и заграничных обществ эмигрантов. В Канаде русско-православное духовенство, эмигрантские общества и чиновники консульства зашли так далеко, что даже предложили полностью отменить загранпаспорта и ввести вместо них простые и дешевые разрешения на эмиграцию, которые выдавались бы местными властями в России^[380].

Другой ряд сильных доводов в пользу легализации эмиграции был связан со значительным увеличением числа заграничных поездок из России и в Россию. Чиновники повсеместно получали сердитые жалобы как от российских подданных, направлявшихся в Европу, так и от иноземных путешественников по России. Все жаловались на бюрократизм и стоимость получения виз и паспортов. Российский дворянин в Британии возмущался тем, что «революционеры, евреи и другие нежелательные лица» могут легко проскользнуть в Россию и из России множеством незаконных путей, на которые все смотрят сквозь пальцы, тогда как честные люди терпят проволоочки, несут расходы и подвергаются унижениям. Губернатор Петрокова в 1913 году заявлял, что за год выдает 10 000, если не больше, заграничных паспортов. Он жаловался на то, что выполнение одного из наиболее трудоемких требований – получение в жандармской управе документа об «отсутствии возражений против отъезда» – было тяжелым бременем, а стало – бессмысленной бюрократической препоной: он утверждал, что не припомнит ни одного случая за время своего губернаторства, когда просителю было бы отказано. Среди законопослушных граждан эта мера была крайне непопулярна, поскольку одно ее выполнение занимало минимум две недели. Она также служила значительным стимулом для обращения к незаконным способам при необходимости путешествовать или эмигрировать^[381].

К началу XX века эмиграция и заграничные путешествия стали масштабным коммерческим предприятием, управлявшимся почти исключительно немецкими транспортными компаниями. Идея создания российской транспортной промышленности, способной конкурировать с немцами и передать часть доходной эмиграционной индустрии российским компаниям, пользовалась решительной поддержкой в общественной печати, Государственной думе и некоторых правительственных организациях. Фактически межведомственный комитет под председательством отдела торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности сформулировал наиболее важные предложения по легализации эмиграции^[382].

Согласно имевшейся системе немецкие транспортные компании принимали нелегальных российских эмигрантов без документов и получали доход от немецких железных дорог, гостиниц Гамбурга и Бремена и немецких пароходных компаний. Министерство иностранных дел жаловалось на то, что «сложности с паспортами» и стоимость легальной миграции и возвращения в страну вынуждали большинство российских эмигрантов избегать отечественных транспортных компаний и вместо этого

добираться поездом до границы, а затем обращаться к эффективной немецкой системе организации путешествий: ехать железной дорогой до какого-либо немецкого портового города, останавливаться в гостинице, а после на немецком же пароходе пересекать океан. Помимо траты времени и денег частных лиц, эта система выводила эмиграцию из-под государственного контроля, усиливала влияние нелегальных организаций содействия эмиграции и означала потерю российскими компаниями и государством потенциальных доходов.

Теоретически легализация и упрощение эмиграции могли возратить часть этих доходов российским компаниям, способствовать развитию таких портовых городов, как Либава (Лиепая) на Балтийском море, и снизить расходы российских эмигрантов, сезонных рабочих и путешественников. Более того, в эпоху шумных националистических кампаний Германской военно-морской лиги и в условиях патриотической лихорадки вокруг военно-морского и военного бюджетов в России, создание независимого российского торгового флота и разрушение давней зависимости от немецких и других иностранных транспортных компаний были весьма популярны – как меры по укреплению национальной безопасности.

Другим важным фактором, подталкивавшим к проведению эмиграционной реформы, было повышение объемов сезонной трудовой миграции. Промышленный сектор в России, хотя и быстро рос, не мог использовать всю поступающую из деревни рабочую силу, а тем более – довести заработную плату до уровня, сопоставимого с тем, что предлагался гораздо более зрелыми промышленными экономиками Германии, Соединенных Штатов и других стран. Отъезд рабочих из России начался в 1860-х годах и сперва из польских провинций, а затем – из самых разных областей империи, и объем его стремительно рос. К 1910 году в некоторых польских уездах до 10 % местных жителей ежегодно уезжали за границу, в основном в Германию, но все чаще и чаще – в Соединенные Штаты^[383]. В США большинство рабочих отправлялись в города или в шахты, тогда как в Германии землевладельцы использовали большую часть прибывших в качестве сельскохозяйственных рабочих. Комитет, предлагавший новый закон об эмиграции, сделал вывод, что самым важным фактором тут была сравнительная величина заработной платы. В 1910 году в США средний годовой доход рабочего составлял 468 долларов, а средний размер расходов на эмиграцию, переезд и проживание – 144 доллара, то есть средний рабочий-мигрант мог ежегодно откладывать 324 доллара (более 600 рублей)^[384]. Как обнаружил комитет, это было в несколько раз больше того, на что рабочий мог рассчитывать в России. И ведь такой мигрант не только делал денежные переводы, но также обычно обладал по возвращении на родину уже более высокой трудовой дисциплиной и квалификацией^[385].

Мало того – в конце имперского периода самой серьезной угрозой социальной стабильности в России был, по всей видимости, недостаток земли в черноземной зоне, и власти шли на все, чтобы снизить перенаселенность: выдавали большие субсидии участникам массовой миграции в Сибирь, а также предпринимали – в ходе столыпинских реформ 1906 года – радикальные и рискованные попытки трансформировать владение собственностью в деревне. Тем не менее решить проблему не удалось: хотя в период с 1906 по 1914 год три миллиона крестьян и переселились в Сибирь, в центральных частях страны ежегодный чистый прирост населения составлял приблизительно два миллиона человек. В континентальной Европе проблема повсеместной – от Германии до Ирландии и Галисии – нехватки земли была решена в первую очередь за счет миграции в города и заокеанской эмиграции. На переломе веков эмиграция оказывалась для России логичной политикой. Большинство губернаторов, отвечая в 1909 году на циркуляр Министерства внутренних дел с запросом их мнения по поводу эмиграции из вверенных им провинций, утверждали именно это. Они заявляли, что экономический вред от эмиграции низок, поскольку большинство эмигрантов – люди безземельные, а те, у кого имеется какая-то собственность, обычно отдают ее родственникам или сдают в аренду до своего возвращения. С другой стороны, отъезд

этих людей хоть как-то решает постоянно усугубляющуюся проблему сокращения земельных наделов^[386].

Неспособность легализовать и упорядочить быстро набравший силу ежегодный поток сезонных рабочих и эмигрантов приводила к всевозможным злоупотреблениям и проблемам. Многие эти злоупотребления происходили из-за лживых посулов вербовщиков; поскольку их деятельность была незаконной, препятствий для такого поведения было очень мало. По всему миру российские консульства получали множество жалоб на обман и нарушения прав рабочих, введенных в заблуждение вербовщиками. Например, 10 000 российских рабочих оказались в нищете и без всяких средств к существованию на Гавайях, где работали на плантациях и страдали от тропических болезней^[387]. В 1900 году группа сезонных рабочих в Германии была уволена и депортирована до истечения срока их контракта – из-за жалоб рабочих на размер заработной платы. Другая группа по прибытии в Германию обнаружила, что их наняли в качестве штрейкбрехеров – чтобы заменить бастующих немецких рабочих. У многих рабочих не было документов, что делало их особенно уязвимыми, а у легальных эмигрантов возникало много проблем с паспортами и многократными визами. Например, немецкие чиновники часто забирали у рабочих паспорта и многократные визы и хранили их до конца сезона. Таким образом они лишали рабочих возможности уезжать или, бастуя, требовать повышения заработной платы либо улучшения условий труда^[388].

Министерство иностранных дел указывало также, что отсутствие четкой политики в отношении этой категории временных мигрантов мешало оказанию консульской помощи для решения возникавших у них проблем. Сторонники легализации эмиграции отмечали, что то была не просто человеческая трагедия для многих российских подданных, но преграда на пути к более рациональному и доходному управлению процессом эмиграции и путешествий за границу с целью временных заработков – преграда, которая ставила Российскую империю во все более неудобное положение в стремительно менявшемся мире.

Денатурализация

С описанной выше проблемой были связаны и другие дебаты: об утрате российского подданства (денатурализации, или экспатриации). Запрет денатурализации был глубоко укоренен в российском законодательстве и административной практике. Статья 325 Уложения о наказаниях определяла ее как серьезное преступление: «Кто, отлучась из отечества, войдет в иностранную службу без позволения правительства или вступит в подданство иностранной державы, тот за сие нарушение верноподданнического долга и присяги подвергается: лишению всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию или, в случае самовольного возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение»^[389].

То был несколько более жесткий вариант повсеместно применявшегося в XVIII веке принципа, согласно которому денатурализация могла происходить лишь с дозволения государства, подданным которого человек изначально являлся. Российский вариант этого принципа отличался особой суровостью отчасти потому, что был наследием крепостного общества, в котором каждый человек был связан со своим хозяином и никто не имел права уехать. Присяга на подданство являлась по форме религиозной и часто называлась присягой на *вечноподданство*, что подчеркивало абсолютную нерушимость налагавшихся уз.

Принцип, согласно которому отдельные люди могли свободно отказаться от подданства одного государства, натурализовавшись где-нибудь в другом месте, распространялся по миру медленнее и принимался с большими оговорками, чем принцип свободной эмиграции. Однако в XIX веке обстоятельства начали меняться. Французская революция ввела новое правило: любой гражданин Республики, становясь натурализованным

гражданином иной страны, автоматически терял французское гражданство^[390]. Другие страны двигались в том же направлении гораздо медленнее, чем в случае изменения эмиграционной политики. Британия проявила неожиданное упорство, до конца 1870-х годов придерживаясь юридического принципа «вечной верности» и практики отрицания значимости несанкционированных натурализаций за границей.

Соединенные Штаты, напротив, стали в XIX веке мощным сторонником принципа свободы денатурализации. Со времен революции они отстаивали перед Британией право ее граждан на отказ от британского подданства. Британская практика обращения с американцами как с лицами, обладающими статусом и обязанностями британских подданных, и, помимо прочего, их насильной вербовки на британскую военно-морскую службу стала одной из причин войны 1812 года. Как страна, все более активно участвовавшая в международной торговле, Соединенные Штаты хотели, чтобы их граждане могли свободно путешествовать за границей^[391].

Учитывая эти глобальные изменения и тот важный факт, что эмиграция мало-помалу становилась повседневным явлением в Российской империи, можно было бы ожидать, что в эпоху Великих реформ Россия двинется в том же направлении. Как мы уже видели, либерализация иммиграционного законодательства и политики натурализации со всей определенностью должна была простимулировать международную торговлю и укрепить взаимодействие между Россией и миром. И действительно, великая реформа в области эмиграционной политики и денатурализации представляла собой предмет серьезной дискуссии и чуть было не стала реальностью.

Повод для первого серьезного обсуждения реформирования законов о денатурализации дали Соединенные Штаты Америки. В 1868 году эта страна убрала последние следы понятия вечной верности из своих собственных законов о денатурализации^[392] и начала переписку со многими странами, в том числе и с Россией, требуя заключения двусторонних договоренностей по вопросу о натурализации и денатурализации.

Скоро стало ясно, что невозможно выполнить требования США, не отменив 325-ю статью. В результате в июне 1869 года царь Александр II отдал приказ о создании межведомственного комитета для подготовки реформы законов, касающихся утраты или отказа от российского подданства. С самого начала члены комитета согласились, что «для государства нет никакой выгоды в насильственном удержании в своем подданстве частных лиц, явно предпочитающих принадлежать к другому государству»^[393]. Комитет разработал довольно радикальную реформу, в ходе которой предполагалось заменить старую 325-ю статью ограниченным, но строго определенным набором правил, которые по сути своей означали легализацию денатурализации для всех российских подданных^[394].

Однако Министерство внутренних дел предприняло успешные усилия по блокированию реформы, и периодически возобновлявшиеся в последующие десятилетия попытки ввести новый закон потерпели неудачу^[395]. Провалившаяся реформа закона о денатурализации спровоцировала продолжительный спор о «легализации», совпавший по времени с дебатами о легализации эмиграции в целом, но имевший свою особенную динамику внутри России и за ее пределами.

В самом общем смысле межведомственный комитет 1868 года признал сходство целей проведенной в 1860–1864 годах реформы иммиграционного законодательства и предлагавшейся реформы денатурализации. Целями реформы иммиграционной политики были увеличение российской вовлеченности в мировую экономику и стимулирование инвестиций и инноваций. Драконовские положения 325-й статьи резко ограничивали возможности возвращения эмигрантов в страну и взаимодействия с ними. Реформаторы не могли опереться на современные исследования – демонстрирующие поразительно важную роль эмигрантских диаспор как каналов, по которым в страну происхождения текут идеи, капитал, предприниматели и рабочая сила, – и, по-видимому, осознавали возможность существования таких преимуществ в значительно меньшей степени, чем возможность преимуществ иммиграции.

Впоследствии, когда в 1890-е годы и позднее постоянная миграция за океан и региональная сезонная трудовая миграция стали массовым явлением, наследовавшие комитету 1868 года организации собирали подробную статистику и составляли служебные записки, в которых перечислялись потенциальные экономические выгоды от этого явления для российской экономики.

Указывая на то, что практически все эмигранты были евреями, немцами и представителями других этнических меньшинств, сторонники легализации денатурализации временами утверждали, что в интересах России будет быстро, решительно и законным образом избавиться от уз, связывающих ее с эмигрантами, то есть отменить 325-ю статью. Выдающийся юрист Николай Михайлович Коркунов откровенно заявлял, что большинство российских эмигрантов «слагается из таких элементов, удержание которых в составе русского населения ни в каком отношении не представляется желательным»^[396].

Министерство иностранных дел, доказывая необходимость введения закона о денатурализации, ссылалось в очередном ежегодном докладе царю – от 1890 года – на тот факт, что другие государства регулярно высылают бродяг, преступников и рабочих, имеющих подданство другой страны, из регионов, где временно появляется проблема безработицы. Министерство заявляло, что Германия и другие страны, где есть закон о денатурализации, часто отказывают бывшим гражданам, утратившим подданство в силу постоянного проживания за рубежом на протяжении определенного числа лет, в праве въезда в страну. Поскольку в России не было закона о денатурализации, она не могла ответить тем же. Закон же позволил бы отказывать хотя бы некоторым российским подданным, которых Германия депортировала в Россию, в праве въезда в страну и дал бы дипломатам какие-то основания надавить на Германию и потребовать приостановить депортацию нежелательных элементов (поляков и евреев)^[397].

Противники введения закона о денатурализации часто ссылались на проблему женщин и лиц, состоявших в разводе. Согласно российскому законодательству (которое по большей части соответствовало международной практике) любое изменение подданства мужчины автоматически означало изменение подданства его жены. Либералы считали это совершенно неприемлемым посягательством на право женщины выбирать свою собственную национальность. Почему, спрашивали они, женщину, желающую остаться российской подданной, российское государство против ее воли заставляет становиться иностранкой? Даже далеко не либеральное Министерство юстиции выступило против этой нормы, назвав ее непоследовательной, неэффективной и несправедливой^[398]. Однако обер-прокурор Святейшего синода и серый кардинал при последних двух царях Константин Победоносцев несколько раз вмешивался и препятствовал реформе, утверждая, что в других странах получить развод гораздо проще. Если отменить эту норму, мужчина может выйти из подданства за рубежом и принять другую религию, чтобы развестись со своей женой, которая, таким образом, как российская подданная, обойдет строгий запрет на развод, существовавший в Российской империи^[399].

В новой области международного права существовало несколько проблем, требовавших соблюдения принципа «один человек – одно гражданство». Результатом перехода России и большей части Европы к призывной армии стало, помимо прочего, настоятельное желание избежать ситуации, когда гражданин страны имеет двойное гражданство. В случае войны все страны хотели уберечься от конфликта лояльностей или от сомнений, военнообязанным какой страны человек является. Сходным образом, по мере того как расширялись привилегии, которыми пользовались граждане определенных стран, включая социальное страхование, здравоохранение и образование населения, правительства считали все более важным гарантировать, чтобы на эти привилегии могли претендовать только граждане конкретной страны^[400].

Эти принципы постоянно вступали в конфликт с односторонними постановлениями национальных законов о гражданстве – в особенности там, где шла речь о денатурализации. После провалившейся попытки реформирования в 1868 году,

следующая серьезная попытка была предпринята в 1890-х годах, по инициативе Министерства внутренних дел. Министерство особенно склонялось к идее перенять немецкую политику автоматической денатурализации любого подданного, без перерыва проведенного десять лет за границей. Это немецкое правило в значительной степени имело целью дать государству право запретить возвращение обедневшим эмигрантам, не преуспевшим в новой стране. Через десять лет они должны были быть денатурализованы, и, таким образом, им можно было отказать при пересечении границы^[401]. Это правило также имело отношение к националистическому представлению о том, что эмоциональная привязанность является необходимой частью немецкого подданства. Тот, кто не демонстрировал верность, то есть не оставался на родине, не был достоин и того, чтобы ему позволили сохранять ослабевшую и неубедительную связь с нею. Другие страны денатурализовали своих проживавших за границей граждан еще быстрее. Соединенные Штаты требовали обновления паспорта в консульстве США после двух лет пребывания за рубежом и денатурализовали всех, кто не возвращался домой после трех лет жизни за пределами страны. Российское Министерство внутренних дел считало такую политику заслуживающей одобрения и в 1890-х годах предложило ввести нечто подобное в России. Однако не только специалисты по международному праву, но и чиновники министерств иностранных дел и юстиции находили, что такая политика создаст множество нежелательных прецедентов появления лиц без всякого гражданства^[402]. Министерство внутренних дел, Министерство юстиции и либеральные юристы были согласны, что это было бы в высшей степени нежелательно^[403].

Наконец, защитники как международных, так и российских законодательных норм требовали последовательного и ясного правового определения процедуры денатурализации. Практически все признавали, что старые процедуры, предусматривавшие обсуждение каждого отдельного случая денатурализации Государственным советом (позднее – Комитетом министров), а затем – формальное одобрение царем, были чрезмерно сложными, забюрократизированными и произвольными. Как утверждал Владимир Гессен, существовавшая система, столь громоздкая и далекая от реальности, размывала правовые нормы и многие российские подданные действовали на свое усмотрение и, невзирая ни на что, натурализовались за рубежом. Это часто приводило к нежелательным случаям двойного гражданства. Сходным образом и упреждающая денатурализация при отъезде в сочетании с запретом на возвращение, который власти часто налагали на отдельных лиц и определенные группы, создавали существенную возможность появления многочисленных индивидов без какого бы то ни было гражданства. Согласно Гессену, единственным возможным решением было рассматривать гражданство с точки зрения не российского, а скорее международного права^[404]. Министерство иностранных дел всецело с ним соглашалось, заключая, что «законы о натурализации и экспатриации обуславливаются обыкновенно потребностями международного оборота» и что любой закон о гражданстве должен быть прежде всего направлен на устранение двойного подданства и ситуаций отсутствия гражданства^[405]. Коркунов предлагал простое решение: заменить юридические понятия «натурализация» и «денатурализация» понятием «смена подданства». С его точки зрения, действующим принципом должно было быть разрешение денатурализации лишь в момент натурализации в другой стране^[406].

Отсутствие закона о денатурализации привело к появлению некоторых проблем в отношениях с Османской империей, уже упоминавшихся во второй главе. Согласно договорам о капитуляции российские подданные в Османской империи пользовались значительными экстратерриториальными правами, включая освобождение от исполнения многих местных обязанностей и законов, а также важную возможность обращаться в российские консульства за юридической и дипломатической защитой. Эксперт той эпохи Сергей Тухолка обнаружил, что многие эмигрировавшие с Кавказа российские подданные на протяжении поколений проживали в Османской империи, не возвращаясь в Россию, но претендовали на привилегии, доступные российским

подданным, даже если не имели с Россией ничего общего и хотели лишь получить дипломатическую защиту^[407]. Он сообщал о многочисленных случаях, когда армянские и греческие подданные Османской империи приобретали российское подданство либо с помощью российских консульств в Османской империи (чаще всего за большие взятки), либо ненадолго съездив в Россию и натурализовавшись, с тем чтобы затем вернуться и, проживая в Османской империи, пользоваться всеми правами российских подданных. Хотя закон об иностранных паспортах подразумевал, что через пять лет постоянного проживания за границей подданный должен был уплатить большой штраф, а срок действия паспорта заканчивался, сохранялась неясность, должна ли вслед за этим автоматически происходить денатурализация. Впрочем, на деле российская политика была абсолютно понятна: окончание срока действия паспорта не означало денатурализации, так как последняя требовала официального разрешения со стороны царя. Тухолка с возмущением заявлял, что инструментальное использование российского подданства подданными Османской империи портило репутацию порядочных россиян, проживавших за рубежом, и усложняло для представителей дипломатического корпуса защиту настоящих подданных за пределами империи^[408]. Ряд правовых норм, позволявших рожденным за рубежом детям российских подданных получить российское подданство, усложнял дело. Даже если эти люди проводили всю свою жизнь в другой стране, не выполняя никаких обязанностей подданных (в первую очередь – не неся воинской повинности), они могли наслаждаться всеми преимуществами дипломатической защиты и другими привилегиями, определяемыми договором^[409].

Доводы против легализации эмиграции и денатурализации

Почему же легализация эмиграции и денатурализации (экспатриации) не состоялась – несмотря на все подталкивавшие к ней внутренние и международные факторы? Дело в том, что не все происходившие в конце XIX и начале XX века перемены неизменно вели к либерализации. С момента введения в 1874 году всеобщей воинской повинности Военное министерство было решительным противником какой бы то ни было либерализации закона о денатурализации. В первые годы введения всеобщей повинности поступило несколько донесений о российских подданных, которые путешествовали за рубежом и теперь возвращались с иностранными паспортами, утверждая, что являются иностранными подданными и не подлежат призыву. Военное министерство ответило успешным лоббированием запрета на отъезд из империи или денатурализацию всех лиц мужского пола, достигших пятнадцати лет (то есть начиная с возраста, на два года моложе призывного), пока они не отбудут действительную службу и не покинут число резервистов (то есть обычно до возраста тридцати семи лет). Чтобы это осуществить, к процедуре оформления загранпаспорта добавлялось требование предоставить подписанное представителем вооруженных сил или губернатором заявление об отсутствии возражений против выдачи паспорта – заявление, на получение которого уходило много времени и средств. Это было одно из самых обременительных требований в ряду тех, что подталкивали, должно быть, многих эмигрантов выбирать нелегальные пути эмиграции (или давать взятки для получения необходимых юридических документов). Для некоторых молодых людей желание избежать призыва и в самом деле было мотивом к эмиграции, и Военное министерство и Министерство внутренних дел вводили новые, все более строгие ограничения и надзор, чтобы помешать ей^[410]. В 1877 году Департамент полиции издал циркуляр, запрещающий въезд в Российскую империю любому бывшему российскому подданному в течение пяти лет с даты денатурализации^[411].

Хотя масштабы российской сезонной трудовой миграции были доводом в пользу легализации эмиграции, они также рассматривались правительственными чиновниками как причина, по которой следовало затруднить денатурализацию, – и, возможно, это имело решающее значение. Губернаторы и петербургские чиновники

Министерства внутренних дел часто выражали обеспокоенность тем, что в результате своего рода естественного отбора лучшие работники уезжают и преуспевают за границей, тогда как все менее успешные, обнищавшие, сироты, вдовы, немощные, больные, разоренные возвращаются обратно в Россию. Власти часто жаловались на то, что эмигрируют по большей части молодые мужчины в расцвете сил, тогда как их семьи остаются на родине^[412]. Временами даже выражалось согласие с позицией немецкой полиции, согласно которой российским подданным не следовало разрешать постоянную эмиграцию в Германию или позволять приобретать немецкое подданство. Немецкая система гастарбайтеров вынуждала российских рабочих ежегодно покидать Германию осенью, так что они могли иметь лишь статус лиц, временно проживающих на ее территории. Таким образом, между немецкой исключаяющей демографической политикой и желанием российских властей удерживать подданных на родине сохранялся и даже становился более тесным своего рода симбиоз. В дополнение к этим факторам российские полицейские и военные власти порой заявляли, что было бы лучше не разрешать эмигрантам денатурализацию, поскольку, если нелегальные эмигранты вернутся в империю в качестве иностранных подданных, экстрадировать или наказать их будет труднее. Чиновники ссылались на то, что это важно для борьбы с контрабандой, шпионажем и революционным движением.

Официальная оппозиция легализации также получила некоторую поддержку в консервативной печати. «Новое время», долго бывшее одной из самых распространенных и влиятельных газет империи, задавало консервативной печати тон, постоянно публикуя статьи, осуждавшие эмиграцию и какие бы то ни было попытки ее легализации. «Новое время» выступало против любых видов эмиграции, сравнивая предположение, будто эмиграция может решить проблему перенаселенности России с распространенной в XVII веке верой в целительную силу «кровопускания»^[413]. Согласно заявлениям этой газеты, евреи и сектанты уезжали, чтобы уклониться от исполнения своих обязанностей, и разрешать им отъезд следовало лишь при условии вечного запрета на возвращение.

Издававшиеся в многонациональных западных регионах газеты националистической направленности (например, «Киевлянин») часто указывали, что отъезд евреев, немцев и поляков мог бы помочь улучшить демографическую ситуацию для русского православного населения^[414]. Самое большое беспокойство все эти газеты выражали по поводу возможности начала эмиграции русских православных крестьян. Она разрушила бы надежды на усиление национального и религиозного контроля на многонациональных территориях. Более того, с конца XIX и в начале XX века националистическая печать проявляла живой интерес к попыткам расселения «благонадежного» (желательно русского и православного) населения на Дальнем Востоке. Заграничная миграция изображалась (и небезосновательно) как альтернативный сценарий для таких мигрантов. Хотя сторонники легализации заявляли, что возвращающиеся эмигранты привозят с собой новые знания, привычку к трезвости и высокую трудовую этику, консервативная пресса видела в них носителей идеологии потребления, революционных идей и источник неблагонадежных знакомств – одним словом, то, что в целом разрушало идиллический образ общинного, религиозного сельского мира, не испорченного внешними влияниями. В газетах порицались нарушения, совершаемые иностранными транспортными компаниями и вербовщиками эмигрантов (в особенности вербовщиками-евреями). Иногда такие нарушения и в самом деле имели место, но пресса преувеличивала их масштаб и роль евреев в системе вербовки эмигрантов. Цель антиэмигрантской кампании в прессе была очевидна: любая либерализация законов против эмиграции, против действий вербовщиков или денатурализации представителей коренного населения рассматривалась как серьезная угроза стремлению удержать это население в империи^[415].

Власти тоже, пока эмиграция затрагивала преимущественно евреев, немцев, поляков и другие меньшинства, не видели причины серьезно беспокоиться и даже предпринимали

шаги, облегчавшие эмиграцию для представителей этих групп. Тем не менее в 1881 году, когда она стала массовым явлением, Департамент полиции распространил докладную записку, в которой утверждалось, что, несмотря на все улучшения в положении евреев, произошедшие за последние двадцать лет, они продолжают всевозможными способами «уклоняться от несения тягостей государственной жизни» и что все усилия по облегчению слияния евреев с остальным населением провалились. Записка заканчивалась выводом: причин препятствовать эмиграции этих людей нет, но правительству следовало бы сперва убедиться, что в результате их отъезда не пострадают государственные интересы^[416]. Помимо прочего, в том же году Министерство внутренних дел предложило разрешить евреям эмигрировать лишь целыми семьями – отчасти чтобы избежать ситуации, когда за границу уезжали молодые и способные зарабатывать мужчины, оставляя на родине пожилых и немощных, но также, возможно, и для того, чтобы гарантировать, что отправляющиеся за границу рабочие эмигрируют окончательно, а не с целью временной работы.

Министерство внутренних дел возглавило *фактическую* легализацию эмиграции для определенных групп населения. На первом этапе власти в некоторой степени смирились с требованием немцев разрешить им эмигрировать – возможно, в первую очередь из-за всеобщего убеждения, будто немецкие колонисты получают слишком много земли в ущерб славянскому населению^[417]. Важнейшим шагом к легализации эмиграции для представителей меньшинств стало принятое в мае 1892 года решение позволить Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО) открыть в стране свои отделения, информировать еврейских эмигрантов и помогать им. То была в высшей степени успешная организация, имевшая к 1910 году более четырехсот контор; Общество распространяло новости об эмиграции, помогало в приобретении дорожных билетов, обеспечивало переселенцев дешевым жильем по пути к новому месту проживания и помогало евреям планировать их жизнь в новой стране. Те, кто уезжал с помощью ЕКО, не должны были платить большие паспортные пошлины; организация также заботилась об оформлении документов эмигрантов, что было сложным и трудоемким процессом. Государство даже обеспечивало скидку на железнодорожный билет до границы. Терпимость властей к деятельности ЕКО может свидетельствовать о косвенной поддержке ими еврейской эмиграции^[418]. К 1910 году официальный правительственный комитет пошел даже на то, чтобы предложить освободить евреев от дорогостоящего и трудоемкого оформления загранпаспортов и позволить им покидать страну всего лишь на основании подготовленных ЕКО документов^[419].

Политика, согласно которой уезжающие с помощью ЕКО эмигранты в обязательном порядке подлежали денатурализации и внесению в список тех лиц, кому навсегда запрещался въезд в Российскую империю, означает, что двери для еврейской эмиграции были распахнуты по соображениям демографической политики^[420]. В дополнение к внесению в списки губернаторы добавляли в выдаваемые эмигрантам выходные свидетельства примечание, что эти люди считаются навсегда покинувшими Россию^[421].

Такая же процедура применялась и к другим группам эмигрантов, включая несколько тысяч духоборов, права которых отстаивал Лев Толстой. Почти 8000 человек в 1899 году эмигрировали в Канаду, но их вынудили отказаться от подданства и навечно запретили им возвращаться в империю. Дополнение этой «легальной» эмиграции требованием денатурализации и вечным запретом на возвращение сделало ее похожей на вечное изгнание и ясно показало, что эти действия были направлены на решение демографических задач, стоявших перед Российской империей. То же самое продолжалось и в XX веке. Изданный в 1902 году декрет разрешил крымским татарам беспрепятственно эмигрировать в Османскую империю – при условии что им будет запрещено возвращаться в Россию. Это спровоцировало новую волну эмиграции из Крыма. В мае 1905 года царь отдал приказ, позволивший 3600 мусульманским горцам с Кубани эмигрировать при условии, что они уже не вернутся^[422].

Хотя денатурализация была, таким образом, неизбежной частью процесса эмиграции для многих людей, власти, как правило, не проявляли желания разрешать ее, не сопроводив вечным запретом на возвращение бывшего подданного в империю. Важнейшая причина такой позиции была сформулирована в ходе продолжительного спора с Соединенными Штатами о признании юридической законности натурализации в этой стране. Спор начался в 1860-х годах и на протяжении последующих пятидесяти лет был, вероятно, важнейшей проблемой российско-американских отношений. Кульминацией его стала жесткая отмена в 1913 году торгового договора между двумя странами^[423].

Истоки этого спора прослеживаются в заявлении американского госсекретаря Джеймса Бьюкенена от 1845 года, согласно которому перемена подданства и переезд на другое место жительства являлись «неотъемлемыми правами человека»^[424]. В середине XIX века, когда Соединенные Штаты отказались от концепции вечной верности и восприняли принципы безоговорочной и всеобщей свободы денатурализации, они присоединились к Франции и помогли подтолкнуть некоторые другие страны к принятию той же концепции (по крайней мере в их двусторонних отношениях с США). Вместе с тем не одна Россия настаивала на сохранении контроля над денатурализацией своих граждан^[425]. Первый конфликт с Россией по этому поводу случился в 1864 году: Бернард Бернштейн, натурализованный гражданин США, был арестован в России за уклонение от призыва на воинскую службу и отказ от российского подданства без разрешения. В 1868 году Конгресс США, в основном в ответ на арест англичанами ирландских националистов, бывших натурализованными гражданами США, принял закон, объявлявший право на денатурализацию «естественным и неотъемлемым правом» и провозглашавший, что натурализованные американские граждане за границей должны пользоваться теми же правами, что и граждане, родившиеся на территории США. Но, чтобы принятый закон возымел действие, следовало вести переговоры о заключении соглашения с каждой конкретной страной, не признававшей права на денатурализацию. Это заставило Соединенные Штаты вступить в переговоры по данному вопросу с Россией. Хотя внутренние документы свидетельствуют о том, что Россия близко подошла к разработке нового закона о денатурализации, в конце концов эта попытка провалилась, создав почву для десятилетий противостояния между двумя странами^[426].

Основная проблема была простая. Российские законы не признавали права на денатурализацию, поэтому любой эмигрант, покинувший страну без разрешения, по возвращении считался российским подданным. Он подлежал призыву и должен был нести иные повинности, от которых уклонялся во время своего нелегального отъезда из страны, а кроме того, был обязан уплатить все штрафы и мог понести уголовное наказание. Поскольку значительное число российских эмигрантов покидали страну без разрешения, данные правила распространялись едва ли не на всех. Более того, если евреи уезжали легально и официально получали право на денатурализацию, то практически неизбежно при условии, что им навечно запрещалось возвращение. Если этого было недостаточно, применялось положение, существовавшее в российском законодательстве на протяжении веков: евреи из числа иностранных подданных не имели права иммигрировать в империю; исключение делалось лишь для инвесторов, ремесленников, врачей или раввинов, да и то после продолжительной проверки, во время которой вполне могло обнаружиться, что проситель был некогда российским подданным^[427]. Таким образом, даже в том маловероятном случае, если еврейскому эмигранту удавалось законным образом денатурализоваться, он не мог вернуться, будучи иностранным подданным. Согласно российскому законодательству натурализованному американскому еврею было почти невозможно возвратиться в Российскую империю.

Соединенные Штаты продолжали настаивать на том, что с натурализованными и урожденными гражданами следует обращаться одинаково. В период с 1902 по 1907 год это стало главным вопросом повестки дня, поскольку прокатившаяся по Российской

империи ужасная волна еврейских погромов потрясла Соединенные Штаты. Огорченная своей неспособностью как-то противостоять погромам, общественность еврейских организаций в США начала громкую кампанию, чтобы вынудить правительство аннулировать торговый договор, подписанный с Россией в 1832 году^[428].

Первая статья договора гарантировала, что иностранцы, посещающие обе страны, могут свободно там жить и путешествовать:

Жителям того и другого Государства взаимно будет предоставлено входить во все те гавани, места и реки, каждому из этих Государств принадлежащие, где иностранная торговля дозволена. Им не воспрещено будет останавливаться там и проживать везде в помянутых владениях, где им по делам их будет надобность. Вследствие этого, они ограждены будут той же самой безопасностью и покровительством, каковыми пользуются жители той земли, где они будут иметь пребывание, с тем, однако, что они подчинены будут существующим там законам и учреждениям, а в особенности состоящим в силе торговым постановлениям.

Тем не менее 10-я статья договора ясно давала России право придерживаться существующих ограничений прав евреев: «Но сею статьею никоим образом не отменяется действие законов уже изданных или [тех,] кои впредь даны будут Его Величеством Императором Всероссийским, для предупреждения переселения Его подданных»^[429].

К 1911 году дело зашло куда дальше вопросов правомерности и деталей договора. Для Соединенных Штатов это стало способом выразить свое глубокое неодобрение погромов, для политиков – ответить на чаяния сильной и все более могущественной группы избирателей и, не в последнюю очередь, для страны – способом отстоять принцип, согласно которому она должна была защищать права натурализованных американцев так же, как и права урожденных своих граждан. В декабре 1911 года США отказались от торгового договора, позволив ему истечь 1 января 1913 года, и не заводили речь о новом договоре до тех пор, пока в дело не вмешалась Первая мировая война^[430].

Спор двух держав высвечивает взаимосвязи между принятыми внутри страны понятиями о гражданстве и международными переговорами о политике натурализации и денатурализации. Масштабы еврейской эмиграции в Америку быстро росли – параллельно с великой глобальной экспансией международной торговли в последние десятилетия XIX и начале XX века. В то же время многие евреи, бывшие некогда российскими подданными, возвращались в Россию, планируя предпринимательскую деятельность и везя с собой новые идеи. Но они постоянно сталкивались с тем фактом, что не могут пользоваться правами иностранцев, а остаются российскими подданными и подлежат всем ограничениям, налагаемым в империи на проживающих в ней евреев^[431]. Даже после того как революция 1905 года расширила права и свободы для всех граждан, власти настаивали на сохранении массы ограничений и препятствий к осуществлению прав российских евреев. Это оказалось важной преградой на пути к легализации эмиграции и денатурализации. До тех пор пока российские евреи имели гораздо меньше прав гражданства, чем другие подданные, власти не могли позволить евреям денатурализоваться. Это создало бы для российских евреев исключительно удобную лазейку, которая позволила бы им избегать ограничений. Такого было одно из основных объяснений провала всех попыток легализовать эмиграцию и денатурализацию для всех граждан страны (не только для евреев), пока Февральская революция 1917 года не ввела понятие единого, общего для всех гражданства страны, отметив несметное множество ограничений прав и обязанностей различных групп населения России.

Кроме того, существовало сильное желание поддерживать связи с «русскими» эмигрантами, предположительно принадлежавшими к «коренному» населению империи. Сохранение контроля над денатурализацией было средством поддержания таких связей. Традиционное отсутствие интереса к судьбе российских подданных за рубежом или озабоченности ею ушло в конце XIX века в прошлое – в основном потому,

что власти начали отмечать рост числа эмигрантов, принадлежавших к коренному населению страны^[432].

Специалисты по международному праву и дипломаты прилагали много усилий для устранения случаев двойного гражданства. Лучшим способом достичь этого было ввести правило, делающее потерю подданства автоматическим следствием приобретения подданства другого государства. Франция и Соединенные Штаты в целом придерживались принципа, что натурализация за границей должна автоматически влечь за собой денатурализацию, но некоторые страны восставали против этого правила. Например, Османская империя указывала на случаи, когда ее подданные (чаще всего принадлежавшие к христианским меньшинствам), натурализовавшись в другой стране, затем возвращались, чтобы воспользоваться всеми привилегиями и защитой, гарантированной договорами о капитуляции. В 1869 году она ответила на это законом, запретившим любую денатурализацию без прямого одобрения властей^[433]. Германская империя с момента своего основания придерживалась правила об автоматической утрате гражданства после десяти лет проживания за пределами страны. Однако правительство, подталкиваемое националистами-ирредентистами, в 1913 году ввело новый, противоречивый закон о гражданстве, позволявший эмигрантам сохранять подданство на протяжении десяти лет, а затем продлевать его еще на десять лет, заполнив в немецком консульстве за границей простую форму. Россия, как я уже говорил, была не единственной страной, выступавшей против денатурализации. На самом деле создается впечатление, что российское Министерство внутренних дел поддерживало турецкий подход к проблеме. В 1880-х годах оно разослало губернаторам секретный циркуляр, информируя их, что бывшие подданные Османской империи, натурализовавшиеся в Российской империи, должны быть извещены: если они вернуться в Турцию, им будет отказано в консульских услугах и дипломатической поддержке, поскольку правительство Османской империи не одобрило изменение ими гражданства^[434].

Вместе с политикой, призванной затруднить денатурализацию «титульного» населения и сделать ее редким явлением, власти активно старались вернуть это население в империю, обеспечивая быструю процедуру натурализации. Обычно это происходило в отдельном порядке для каждого конкретного случая. Например, в 1899 году 500 потомкам староверов, эмигрировавших в начале XIX века в Пруссию, было позволено иммигрировать, немедленно натурализоваться и со скидкой приобрести землю в Сибири^[435].

Подобная ускоренная процедура была формализована в апреле 1908 года, когда группа семей староверов, потомков членов общин, эмигрировавших из Российской империи в Румынию в поисках большей свободы вероисповедания, подала прошение о праве поселиться в Российской империи. Эта группа, члены которой некогда преследовались и были выдворены из страны как еретики, была принята с распростертыми объятиями всей администрацией Дальнего Востока и Министерством внутренних дел. Дальневосточные губернаторы и чиновники Министерства сельского хозяйства охотно согласились, что староверы – как раз та этническая группа, которая так нужна в их краю. А поскольку всем иностранным подданным было запрещено приобретать землю в Приамурье и Приморье, правительство издало ряд «временных правил», сделавших возможной быструю натурализацию – без обычного пятилетнего срока проживания, соблюдения которого требовали от всех, подавших прошение о натурализации.

Эти временные правила были затем применены к другим группам и стали частью общей стратегии настойчивого склонения любых «коренных» славянских групп населения, соглашавшихся поселиться на Дальнем Востоке, к переезду туда. Несколько месяцев спустя Совет министров определил, что временные правила, разработанные для староверов, могут быть применены к группе из 600 украинских семей из Румынии, желавших поселиться в Сибири и возвратиться в российское подданство^[436]. Во время дискуссии по данному поводу министр сельского хозяйства Александр Васильевич

Кривошеин заявил, что эти потомки запорожских казаков сохранили за рубежом свою национальность и православную веру. Вместе с другими участниками дискуссии он отметил, что, хотя в российской истории были времена, когда староверы и украинские казаки могли и не считаться всецело желательными элементами населения, «поселенцы-старообрядцы явятся надежнейшим оплотом русской государственности на восточной окраине империи»^[437].

Немецкая практика почти автоматического позволения потомкам денатурализовавшихся подданных вернуть себе немецкое подданство по возвращении в страну – вернуть на основании принципа крови – изображалась как исключительное явление. Однако как вышеупомянутые, так и другие случаи подтверждают, что Российская империя двигалась в начале XX века к сходным практикам. В самом деле, в постановлении от 1908 года Совет министров особо заключил, что такие иммигранты «принимаются не в качестве иностранцев, но [в качестве] лиц, восстанавливающих связь с прежним своим отечеством»^[438].

Итак, российская практика денатурализации, которая на первый взгляд кажется пронизанной противоречиями, на деле демонстрирует внутреннюю логику. Одной из самых важных мер была обязательная денатурализация как часть процесса эмиграции с вечным запретом на возвращение. Она применялась к разным группам эмигрантов и обязательно – к евреям, эмигрировавшим при посредничестве ЕКО. Таким образом было денатурализовано намного больше людей, чем посредством обременительного официального процесса, предназначенного для частных лиц.

Крайне суровая российская эмиграционная политика и законы о денатурализации уходят корнями в глубь российской истории и являются частью популярного принципа «Привлекай и удерживай», которым власти руководствовались на протяжении столетий. Однако в течение пятидесяти лет после 1860 года Россия и весь мир значительно изменились. Освобождение крестьян, дешевые путешествия на дальние расстояния по железнодорожным и пароходным линиям и другие перемены привели к тому, что объемы эмиграции изменились: сначала она была незначительным явлением, а затем сотни тысяч людей начали ежегодно покидать страну. Но, несмотря на все удлинявшийся список причин, побуждавших реформировать законы об эмиграции и денатурализации, политика ограничений оказалась удивительно стойкой. Отчасти это служит иллюстрацией к общему тезису об истории гражданства и миграции: страны вырабатывают свои особые национальные традиции в области законодательства и правоприменительной практики, надолго сохраняющие влияние. Статья 325 и многие ключевые элементы российской традиции были глубоко укоренены в законодательстве и старинных традициях административной практики. Как показывает спор с Соединенными Штатами по поводу денатурализации, если бы статья 325 была отменена, это создало бы лазейку в неисчислимом множестве ограничений, налагавшихся на российских евреев. И даже несмотря на это, в 1890-х годах власти выборочно отказывались от политики ограничений, разрешив евреям эмигрировать при посредничестве отделений ЕКО. Но ограничительная политика в отношении других групп населения сохраняла свои позиции вплоть до 1914 года. Одной общей темой эмиграционной политики и политики денатурализации была сортировка населения: желательные группы населения удерживались, в то время как другим разрешалось уехать. Денатурализованные евреи не могли вернуться – по причине издавна существовавших запретов на въезд иностранных евреев в страну. К ним и другим меньшинствам применялся вечный запрет на возвращение. Сохранение строгих ограничений эмиграции и денатурализации имело целью удержать «коренное» население в стране, а в случае его отъезда – оставить за ним российское подданство в надежде, что однажды эти люди вернуться.

Глава V

Гражданство в период войны и революции

К началу XX века стало казаться, что будущее – за силами, способствовавшими либерализации российской политики подданства. Контрреформы привели к отмене некоторых проведенных в 1860-х годах преобразований, но под руководством министра финансов Сергея Витте, влиятельного защитника интеграции страны в международную экономику и политики открытых дверей для иностранных рабочих, инвестиций и талантов, исторический двигатель индустриализации работал в полную силу. Пароходные и железнодорожные путешествия облегчили процесс беспрецедентной глобализации международной экономической деятельности, в которой Российская империя всецело участвовала. Быстрый рост сезонной рабочей миграции приводил к притоку в страну значительных сумм денег (в виде отсылаемого этими мигрантами заработка), а новые российские пароходные компании, стремясь увеличить свою долю в доходах от эмиграции, были первыми, кто подталкивал правительство к ее легализации. За пределами правительства возникло энергичное либеральное политическое движение, сосредоточенное на разработке современного представления о гражданстве – как об институте, основанном на равенстве прав и обязанностей для всех членов российского общества. В самом правительстве законы 1890-х годов о разрешениях на проживание и еврейской эмиграции эволюционировали в сравнительно либеральном направлении. Даже в Департаменте полиции работали комитеты, подготавливавшие более основательные реформы. Революция 1905 года привела к созданию нового, отчасти конституционного строя.

Как и в случае других либеральных революций, свобода передвижений числилась в те дни в России среди наиболее важных революционных свобод. Помимо прочего, в предлагавшихся оппозицией летом 1905 года проектах новой конституции видное место занимала отмена всех ограничений на передвижение внутри страны, прописанных во внутренних паспортах. Однако ни царский манифест в октябре 1905 года, ни Основные государственные законы 1906 года не включили свободу передвижения в длинный список гражданских прав и свобод^[439]. До тех пор пока правительство рассматривало общинную систему как источник общественного контроля и стабильности, подлинное изменение паспортной системы оказывалось невозможным, поскольку она представлялась очень важным рычагом общественного контроля над крестьянами, покинувшими свою деревню. Политика значительно изменилась, лишь когда Столыпин решил провести радикальную реформу крестьянского землевладения, издав эпохальный закон от 5 октября 1906 года «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний». То был значительный шаг к упразднению особого юридического статуса крестьян и представителей других низших сословий и к дарованию им полных гражданских прав. Закон отменял старый принцип, привязывавший держателя паспорта к месту жительства, но не упразднял и не изменял полностью роль паспорта. Выдаваемая теперь один раз в жизни паспортная книжечка заменила прежний документ, действовавший лишь на протяжении пяти лет. Реформа означала глубокий понятийный сдвиг: из документа, привязывавшего человека к конкретному месту, паспорт стал документом, удостоверяющим личность. Люди бывших податных состояний (и в первую очередь крестьяне) получили право выбирать место постоянного проживания так же, как и представители других состояний. «Место жительства» больше не было местом регистрации человека как относящегося к определенному состоянию, но стало скорее местом работы или проживания. То была реальная перемена, имевшая целью облегчить переход крестьян на работу в города^[440]. Из инструмента контроля паспорт превратился в документ, дающий права и, подчеркнем еще раз, удостоверяющий личность^[441]. Эта трансформация стала возможна благодаря элиминации в 1903 году принципа коллективной ответственности в отношении выплаты налогов и воинской повинности, отмене в ноябре 1905 года оставшихся «выкупных платежей», которые крестьяне должны были выплачивать

государству, и решимости правительства предпринять попытку всеобъемлющей трансформации земельного строя, то есть землевладения и общинной организации. Но процесс продолжался и вовсе не был для крестьян завершен, а несколько значительных групп населения полностью остались за его бортом. Все сложные и обременительные ограничения на проживание евреев в империи и на их передвижение по ней сохранились и продолжали поддерживаться путем использования специальных удостоверений; кроме того, в рамках новой системы инородцы, цыгане и осужденные не имели права на паспорт^[442]. У этих преобразований были те же мотивы, что стали основой перемен в эпоху Великих реформ: либерализация передвижения для облегчения промышленного развития. На этот раз преобразования должны были способствовать столыпинским аграрным реформам и официально установить новый уровень гражданского равенства и свобод, дарованных представителям низших сословий империи, ранее притеснявшимся. Трансформация роли внутренних паспортов отражала ряд глубоких и быстрых изменений, превративших старорежимный мир сепаратных сделок и групповых отношений подданства в новый мир более четко идентифицируемых и зарегистрированных индивидов, которые сталкивались «лицом к лицу с государством» чаще, чем когда бы то ни было прежде^[443]. Эти изменения повысили значение внешних границ вокруг империи. Свобода внутренних передвижений сделала более сложным контроль за перемещением отдельных людей на местном уровне. Более эффективная система удостоверения личности облегчила попытку усиления контроля над внешними границами. Уменьшив количество ограничений на перемещение по территории страны, полиция также проводила в жизнь новые амбициозные проекты, предполагавшие использование преобразованной системы документации для учета каждого индивида и помещения его в новую систему регистрации и надзора^[444].

Печать, только что освобожденная, разразилась потоком статей, призывавших к всеобъемлющей замене старорежимного подданства новым, современным гражданством. Эти публикации были весьма разнообразны – от повсеместно распространявшихся поучительных брошюр, объяснявших, в чем разница между «подданным» и «гражданином», до впечатляющих собраний установлений, которые следовало изменить, чтобы ввести систему равных прав и обязанностей перед лицом закона^[445]. После 1905 года думские либералы настаивали на введении современного закона о гражданстве и изменении текста присяги таким образом, чтобы он отражал их идею гражданства, основанного на общих правах и обязанностях и верности скорее государству, чем лично царю. Разнообразные предложения всерьез рассматривались не только в Думе, но и в Министерстве внутренних дел. Однако оказалось, что всем заинтересованным сторонам сложно прийти к соглашению по таким основополагающим вопросам, как должна ли присяга на гражданство приноситься государству или царю, и поступившим предложениям так и не был дан ход^[446].

Впрочем, сколь бы ни были могущественны силы, подталкивавшие страну к либерализации, все изменила Первая мировая война. Опыт тотальной войны не только помешал проведению либеральных реформ, но также сам по себе стал трансформирующей силой, которая сокрушила все нежные побег либеральной идеи гражданства, основанного на равенстве прав, и изменила курс на вхождение в международное правовое поле, сохранявшийся в предшествующие пятьдесят лет.

Когда разразилась Первая мировая война, Россия более, чем когда-либо, была интегрирована в мировую экономику. Почти половина ее годового валового капиталообразования имела заграничное происхождение, и страна по любым меркам преуспела в привлечении иностранной рабочей силы и экспертных знаний. Со времени Великих реформ и до начала Первой мировой войны существовала чистая иммиграция приблизительно двух миллионов человек из трех держав, ставших затем основными противниками России в этой войне. Множество натурализованных иностранцев жили и процветали в России, пользуясь теми же гражданскими правами, какими располагали российские подданные и каких столь многие были лишены. В начале войны больше

миллиона иностранцев постоянно проживали в России, и примерно 600 000 из них были гражданами враждебных государств; кроме того, имелись еще и приезжие, которые не претендовали на постоянное проживание в Российской империи. Количество этих приезжих было велико и в любой конкретный момент составляло существенную часть иностранного присутствия в России. Например, в 1912 году недолгие поездки в Россию совершили 2,5 миллиона немецких подданных^[447]. Российские рабочие в беспрецедентных количествах ехали за границу, и одновременно поток дешевой сезонной рабочей силы тек в Российскую империю из Азии и с Ближнего Востока. И, хотя все еще сохранялись юридически сомнительные ситуации и препятствия на пути свободного передвижения людей за рубеж и в противоположном направлении, существовало множество законных, полузаконных и нелегальных способов это обойти. Вплоть до 1914 года потоки людей, капитала и товаров набирали силу. Именно такой и была цель Великих реформ 1860-х годов: стремительная модернизация посредством интенсивного взаимодействия с мировой экономикой. Принцип этот вряд ли может считаться необычным. Практически любая современная быстро индустриализирующаяся страна (за исключением Японии) пережила в ходе модернизации более-менее сопоставимую глобализацию.

Вначале, сразу после объявления войны, казалось, что положение вещей может и не измениться. В войнах, которые велись в предыдущие полвека, ни Россия, ни большинство других стран не принимали никаких мер против пребывающих на их территории подданных противника^[448]. Помимо высылки и интернирования приблизительно тысячи подданных Японии во время Русско-японской войны^[449], в российской истории примеры ограничения прав подданных противника, связанные с объявлением войны, были редки^[450].

Когда разразилась война, Министерство внутренних дел разослало всем губернаторам циркуляр, в котором говорилось, что мирные австрийцы и немцы, свободные от любого подозрения, смогут и дальше оставаться на местах их проживания и продолжать пользоваться защитой законов – или покинуть страну^[451]. Министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов объявил, что нормы международного права будут применяться ко всем подданным противника, «ибо никакого умаления их прав произойти не может»^[452]. Однако через несколько месяцев Россия – отчасти в ответ на действия других держав – отказалась от этой политики. В серии принятых с августа по ноябрь 1914 года мер, получивших известность как Закон о торговле с враждебными иностранцами, Великобритания запретила сделки с лицами, проживающими на территории враждебных государств, и назначила инспекторов, имевших право контролировать финансовые операции фирм, находящихся во владении подданных противника, – эти инспекторы должны были следить за тем, чтобы фирмы не производили платежи враждебным государствам. Большинство других держав, включая Россию, последовали примеру Великобритании и ввели сходные ограничения^[453].

Побуждаемая шовинистической прессой, призывавшей к решительным действиям, и несколькими военачальниками, воспользовавшимися поразительно широким спектром чрезвычайных полномочий для преодоления сопротивления гражданских властей, Россия быстро ввела ряд суровых мер, в совокупности означавших изменение того курса политики гражданства, который проводился в предшествующие полвека.

В сентябре 1914 года российское правительство признало недействительными все международные соглашения и конвенции, защищавшие подданных противника, и лишило последних права на судебную защиту во время разбирательств по гражданским делам^[454]. Это поспешное решение отменило один из фундаментальных принципов Великих реформ, который вплоть до 1980-х годов так и не был полностью восстановлен. Теперь, после того как подданным враждебных государств отказали в российской или международной юридической поддержке на территории империи, был открыт путь для принятия против них более общих административных мер.

Запрет на отъезд и денатурализацию

Некоторым немецким и австрийским подданным удалось покинуть страну незадолго до объявления войны или сразу же после ее начала. Но уже через несколько дней Россия запретила подданным противника уезжать из страны и начала контролировать их передвижения по своей территории. 21 сентября 1914 года Министерство внутренних дел запретило местным властям давать любому подданному (подданной) враждебной державы право покидать место его (ее) проживания^[455]. С началом военных действий большинство государственных границ превратилось в передовые позиции войск, через которые невозможно было пробиться^[456].

С этого момента единственным способом покинуть страну, доступным для подданного враждебного государства, стали двусторонние соглашения. 24 августа 1914 года российское Министерство иностранных дел заключило первое такое соглашение с Германией и Австрией. Однако военные, в соответствии с действовавшим во время войны законом о военном положении, взяли под контроль приграничные власти и успешно воспрепятствовали выполнению этого соглашения. Два месяца спустя, 14 октября 1914 года, начальник штаба просто сообщил председателю Совета министров Ивану Логгиновичу Горемыкину, что подданным враждебных государств не будет позволено покинуть страну^[457].

Российское правительство справедливо рассудило, что военные зашли слишком далеко, и опасалось ответных мер, направленных против российских подданных в Германии и Австрии, а также реквизиции крупных финансовых вкладов российских подданных в немецкие банки, биржи и недвижимость. Ватикан, дипломаты из нейтральных государств и Красный крест также настаивали на том, чтобы Россия разрешила подданным противника покинуть страну^[458]. Соединенные Штаты и другие нейтральные посредники способствовали заключению в конце января 1915 года нового соглашения, позволявшего всем гражданам государств, враждебных империи (за исключением военнообязанных мужчин), покинуть Россию^[459].

Однако армия вновь воспрепятствовала выполнению условий соглашения, воздвигнув серьезные бюрократические препоны и позволяя отдельным командующим просто игнорировать соглашение. Например, в январе 1915 года командующий Юго-Западным фронтом Николай Иудович Иванов запретил всем подданным противника на территории всего Юго-Западного региона покидать страну^[460]. Этот приказ все еще действовал, когда глава Киевского военного округа объявил, что все подданные враждебных государств, вне зависимости от возраста и пола, должны под страхом интернирования покинуть империю к 28 февраля 1915 года^[461]. Доступные данные неполны, но кажется, что количество гражданских подданных противника, которые имели возможность согласно достигнутому соглашению с Центральными державами покинуть империю, было не очень велико – вероятно, менее 10 000 человек, причем практически все уехали в течение первых шести месяцев войны^[462]. Это составляло приблизительно лишь 2 % от общего числа подданных противника, проживавших в России перед войной^[463]. На деле после апреля 1915 года отъезд позволялся лишь в рамках двусторонних договоренностей об обмене, в соответствии с той же строгой и тягостной процедурой, которая применялась в случае обмена военнопленными^[464]. Запрет на отъезд подданных противника действовал до конца войны и не был отменен Временным правительством^[465].

В четвертой главе показано, что до 1914 года свобода эмиграции не была установлена для российских подданных в качестве правового принципа. Поэтому и не было необходимости в особых законах или декретах, чтобы запретить им эмиграцию. До войны требовалось специальное разрешение – во время войны оно давалось все реже и реже. До войны большая часть эмигрантов покидала страну неофициально. Война же превратила проницаемые границы в непроходимую передовую. А ведь Великие реформы даровали иностранным гражданам право в любой момент покинуть страну, и

за предшествовавшие войне полвека эта дарованная им свобода уже была освящена традицией. Тем не менее описанные выше меры военного времени лишили большую часть иностранцев, проживавших на территории России, данного права. Советский союз в 1920-х годах так и не восстановил его в полном объеме, а в 1930-х – серьезно ограничил, распространив принцип военного времени на всех иностранцев и применяя его даже в мирное время.

Наконец, во время войны усилилось и так уже глубоко укоренившееся предубеждение против денатурализации. Многогранная «война со шпионами» заставляла власти с еще большей неохотой признавать денатурализацию бывших российских подданных и получение ими гражданства другой страны. Существовало опасение, что они могут использовать свое глубокое знание страны для того, чтобы вернуться в нее шпионами с иностранными паспортами^[466]. Власти также удивительно далеко заходили в своих попытках связаться с российскими подданными мужского пола, находившимися за рубежом, и побудить их к возвращению и службе в армии. Российские консулы по всему миру пытались связаться с такими людьми и призвать их на действительную службу. Однако выявилось множество проблем. Например, российский консул в Питтсбурге, отвечавший за 387 000 российских эмигрантов в Пенсильвании, сообщал, что большинство из них – украинцы и поляки, зараженные националистическими, демократическими и революционными идеями. Он полагал, что больше вреда принесет не решение позволить им остаться в США, а их возвращение. В любом случае лишь немногие из них были зарегистрированы в консульстве, а потому он не мог связаться с ними напрямую. Более того, лишь немногие из иммигрантов, принадлежавших к низшим сословиям, могли позволить себе расходы на возвращение: почти все из того – очень небольшого – процента российских подданных, кто откликнулся на призыв к оружию, попросили о финансовой помощи для оплаты проезда (который был весьма дорог и сложен с точки зрения логистики). Эти доводы, по-видимому, убедили российское правительство не настаивать на возвращении российских эмигрантов из-за границы во время войны^[467].

Депортация и интернирование подданных враждебных держав

В мерах, направленных против подданных противника, армия и Министерство внутренних дел быстро вышли за рамки запретов на отъезд и денатурализацию, предприняв ряд решительных действий, чтобы арестовать и интернировать всех этих людей на значительной части территории империи. 26 июля 1914 года министр внутренних дел отдал приказ об аресте всех подданных противника на территории России, либо завербованных в армию врага, либо пребывающих в ее резерве. В качестве военнопленных они были интернированы в четыре внутренние провинции России^[468]. 29 июля Министерство внутренних дел распространило приказ об интернировании на всех немецких и австрийских мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока лет, способных держать оружие^[469]. Эти группы были названы «депортированными гражданскими» и, таким образом, оказались выведены из-под защиты, которая по договору гарантировалась военнопленным^[470]. Депортация этой категории лиц затронула лишь небольшую часть (приблизительно 50 000 человек) от общего числа тех подданных враждебных держав, что постоянно проживали на территории Российской империи (примерно 600 000 человек)^[471].

Однако уже в сентябре 1914 года армия приступила к руководству депортацией гражданских лиц, имеющих подданство противника и находящихся в прифронтовых областях, – начиная с 7000 подданных враждебных держав из Риги^[472]. 13 декабря 1914 года армейским командованием был отдан приказ о депортации всех австро-венгерских, немецких и турецких подданных (включая женщин и детей) из десяти провинций бывшего Царства Польского^[473]. В течение следующих трех месяцев подобные же распоряжения были отданы в отношении Волыни и некоторых частей Прибалтики^[474].

На чрезвычайном заседании Совета министров в октябре 1914 года военный министр предложил арестовать и интернировать подданных противника не только в прифронтовой зоне, находившейся под властью военных, но и по всей империи. Гражданские министры выступили против, говоря, что это будет означать отказ от плодов десятилетий налаживания экономических взаимоотношений и нанесет как временный, так и постоянный урон экономике, а также спровоцирует такие ответные меры против российских подданных за границей, которые дорого обойдутся государству. В конце концов министры ограничились депортацией и интернированием подданных противника, проживавших на подвластных гражданскому правительству территориях, до уровня ответных мер на конкретные действия Германии и Австрии против российских подданных за рубежом и предложили ввести ряд исключений для славян, лиц, постоянно проживавших в Российской империи в течение двадцати пяти лет и дольше, и тех, чьи родственники находились в рядах российской армии^[475]. Армейское командование было разочаровано нежеланием гражданских властей арестовать и депортировать всех подданных враждебных государств, однако продолжало осуществлять широкомасштабную программу массовых депортаций не только на театре военных действий, но и на значительной части обширной территории, находившейся под властью органов военного управления^[476].

Интернирование Россией подданных враждебных держав не было уникальным явлением, и все же некоторые характерные черты отличали его от аналогичных мер, принятых другими странами. Во-первых, размах и скорость проведения операций значительно превосходили все, что имело место практически во всех прочих странах. Предположительно, от 250 000 до 300 000 подданных противника было интернировано во время войны, что составляет примерно половину всех тех зарегистрированных подданных враждебных государств, которые проживали в России на момент начала войны^[477]. Между тем Франция интернировала приблизительно 32 000 гражданских лиц, имевших подданство враждебных держав, в течение первых недель войны и 60 000 – к 1918 году^[478]. Великобритания не применяла интернирования до июня 1915 года, но в течение войны депортировала и интернировала приблизительно 30 000 гражданских^[479]. Германия приступила к широкомасштабному интернированию в конце 1915 года, к ноябрю 1918-го интернировав приблизительно 112 000 гражданских лиц^[480]. Во-вторых, в отличие от большинства стран (за исключением Османской империи), начав депортации, Россия применила эту политику к сотням тысяч собственных подданных, силой переселив по меньшей мере полмиллиона евреев и четверть миллиона имевших российское подданство немцев с территорий, находившихся под властью органов военного управления, во внутренние провинции^[481]. Эти массовые выселения имели неожиданный результат. Приказы армейских командиров, принуждавших евреев покидать подвластные военным территории, привели к огромному давлению на немногие провинции, находившиеся за пределами этих территорий, но еще в черте оседлости. Отвечая на этот вызов, в августе 1915 года правительство предприняло исторический шаг, отменив множество ограничений на расселение евреев внутри страны. Так по иронии истории одна из наиболее суровых мер, принятых во время войны против группы российских подданных, обернулась их освобождением от одного из наиболее значимых символов лишения полных прав гражданства и в значительной мере уравнила права на свободу передвижения для всех жителей страны^[482]. Наконец, в большинстве стран подданные враждебных государств являлись сравнительно плохо ассимилированными, недавними мигрантами и относились по большей части к рабочему классу. В России же многие из подданных противника были, напротив, сравнительно хорошо интегрированы и долго проживали на территории страны, а кроме того, нередко принадлежали к среднему классу как предприниматели, управляющие и специалисты, работающие в промышленном секторе.

Национализация собственности подданных враждебных государств

Ключевой целью Великих реформ 1860-х годов в области гражданства было создать условия для стремительной модернизации России и ее интеграции в международную экономику. Статистические данные, собранные накануне 1914 года, иллюстрируют великолепный успех этой политики. С 1890-х годов российская индустриализация весьма значительно зависела от иностранных инвестиций и ввоза из-за границы – особенно из Германии – управляющих, предпринимателей и технических специалистов. Иностранные инвестиции составляли примерно половину нового прироста основного капитала промышленных корпораций, и к 1914 году более чем 40 % номинального капитала действовавших в России корпораций принадлежало иностранцам. Последние составляли на рубеже веков треть всех технических специалистов, работавших в российской промышленности, и 10 % административного персонала. То был сознательно достигнутый результат долговременной стратегии индустриализации, стратегии, которую поддерживала целая вереница министров финансов и воплощению которой в жизнь очень способствовала политика гражданства эпохи Великих реформ^[483].

Реформы 1860-х годов даровали иностранным подданным абсолютное равенство с российскими подданными в том, что касалось гражданского права, и, как уже отмечалось, оставили этим все более многочисленным иностранцам мало стимулов добиваться натурализации. Однако после революции 1905 года появляются некоторые свидетельства того, что количество случаев натурализации начинает расти, а фирмы, которыми владеют иностранцы, начинают замещать иностранный технический и административный персонал российскими подданными^[484]. Собранная Томасом Оуэном база данных российских корпораций показывает резкое сравнительное падение доли иностранцев среди корпоративного руководства: с более чем 10 % в 1905 году до менее чем 6 % – в 1914-м^[485]. Большая часть этого «статистического» замещения была результатом натурализации иностранных подданных. В ходе недавнего исследования немецкой общины Санкт-Петербурга (города, насчитывавшего наибольшее количество немецких и иных иностранных предпринимателей и предприятий) установлено, что доля натурализаций, частота владения русским языком и культурная ассимиляция в подобных сообществах были очень высоки^[486]. Короче говоря, складывается впечатление, что мечты, побуждавшие к проведению Великих реформ, воплощались. И даже в годы войны существовали группы населения, решительно поддерживавшие эти идеи. Например, главная организация российских предпринимателей в относительно космополитичном Петроградском регионе – влиятельный Съезд представителей промышленности и торговли – выступала за свободную торговлю и против ограничений экономической деятельности иностранцев во время войны^[487].

С другой стороны, в предшествующие войне десятилетия многие отдельные люди и группы были недовольны важной ролью иностранцев, поддерживали националистические идеи в экономике и выдвижение русских предпринимателей и управленцев, хотя и не слишком, как соглашаются исследователи, в этом преуспели^[488]. Однако война изменила ситуацию. Большинство иностранных подданных, занятых в сфере экономики, приехали из Германии или Австрии. С началом войны такие массово распространявшиеся газеты, как «Новое время» и «Московские ведомости», произвели ворох статей, требовавших решительных действий по ограничению немецкого влияния в экономике. Такие группы, как Московское купеческое собрание, «Общество 1914 года» и другие организации, объявили бойкот предприятиям, которыми владели иностранцы, и натурализованным немцам, а также лоббировали принятие закона, ограничивающего их права^[489]. Подобная мобилизация – в контексте общей для военного времени мобилизации против внешнего, немецкого врага – порой преодолевала классовые границы. Складывается впечатление, что рабочие весьма серьезно восприняли антинемецкую кампанию: одно из их самых масштабных выступлений в военное время приняло форму кровавого трехдневного бунта и забастовки против немецких и вообще иностранных предприятий в Москве в мае 1915 года^[490]. Некоторые бунтовщики несли составленные российской националистической организацией списки с адресами

подданных враждебных государств и тех иммигрантов из Германии и Австрии, которые получили российское гражданство менее трех поколений назад. С точки зрения денежного ущерба этот бунт оказался одним из самых тяжелых в российской истории, да и в целом был самым крупным из когда-либо происходивших в любой из двух столиц империи^[491]. Призыв к действиям население выражало не только в форме погромов: по всей стране рабочие принимали участие в сериях забастовок, протестов и иных акций, направленных в первую очередь против иностранных управляющих, владельцев предприятий и бригадиров^[492].

Поначалу реакция правительства на волну такой народной и армейской мобилизации была сдержанной. Согласно мнению одного из специалистов по российскому законодательству, в XIX столетии не было свидетельств наложения Россией ареста на собственность подданных враждебных государств во время войн, в которых участвовала страна^[493]. Более того, эксперт – современник событий утверждал, что защита права подданных враждебных государств на частную собственность к началу XX века являлась одним из наиболее незыблемых принципов и процессуальных норм международного права^[494]. Совет министров прекрасно понимал, что подданные противника играют ключевую роль во многих областях российской экономики, и остерегался предпринимать потенциально дорогостоящие и разрушительные действия в разгар беспрецедентной мобилизации, связанной с тотальной войной.

Но давление армии и общества вынудило правительство принять ряд мер, которые по мере продолжения военных действий становились все более радикальными и широкомасштабными. 22 сентября 1914 года царь подписал декрет, на время войны запрещавший на всей территории империи приобретение земли или любой иной собственности, которой владели (или которую арендовали) подданные враждебных государств^[495]. Этот декрет означал существенное распространение всех подобных ограничений, до войны применявшихся лишь в отношении нескольких губерний. Затем, в январе 1915 года, вышел другой декрет – принуждавший ликвидировать не только фирмы, чьими владельцами были исключительно подданные враждебных держав, но и те компании, в которых хотя бы один партнер был подданным противника, а также акционерные общества, считавшиеся собственностью «неприятельской нации»^[496]. Удивительно быстро были выявлены 3054 такие фирмы. Примерно половина из них была освобождена от выполнения указа по апелляции – в основном потому, что подданные противника в составе этих предприятий были славянской, французской или итальянской национальности. К 1 июля 1915 года 1839 фирм было ликвидировано. Процесс предполагал продажу подданными враждебных государств их доли собственности с большой скидкой либо российским подданным, либо государству. Полученные деньги не могли отойти непосредственно продавцу, но помещались на особые замороженные счета в Государственном банке, которые предполагалось разморозить по окончании войны.

В декабре 1915 года новый декрет сделал возможной ликвидацию крупных промышленных предприятий. Накануне Февральской революции 1917 года еще один декрет потребовал отстранить подданных враждебных держав от участия в корпорациях, лицензированных в соответствии с российским законодательством. Февральская революция не помешала проведению этого постановления в жизнь, и к ноябрю 1917 года пятьдесят девять крупных промышленных фирм было ликвидировано и еще семьдесят пять находилось в процессе ликвидации. Деятельность «комитетов по ликвидации» привела к устранению доли в российских корпорациях, принадлежавшей подданным враждебных государств, которая составила в денежном выражении 50 миллионов рублей. Эта операция была очень сложной. Сотни чиновников тщательно исследовали внутреннюю структуру фирм, пытаясь разобраться в многочисленных многоуровневых взаимосвязях между российскими и иностранными сотрудниками, владельцами, управляющими и поставщиками^[497].

Параллельно ряд мер проводился в деревне. Декрет от 2 февраля 1915 года объявлял, что в течение года срок любой земельной аренды подданными враждебных государств истекает и те из них, кто проживает в пределах обширной территории – которая приблизительно охватывала современную Украину, Белоруссию, Польшу, Финляндию, Прибалтику и Кавказ, – должны к определенному сроку продать свою собственность или их ожидает экспроприация без компенсации. Эти меры применялись также к находящимся в российском подданстве немецким потомкам иммигрантов из враждебных стран, проживающим в сельских фермерских общинах в десяти польских губерниях и в пределах ста шестидесяти километров от западных и южных границ империи – от Финляндии до Каспийского моря^[498].

Ликвидация предприятий касалась подданных враждебных государств, но законы о земле затрагивали и другие категории населения, а именно членов волостей, сельскохозяйственных поселений или коллективных объединений, созданных: бывшими австрийскими, венгерскими либо немецкими подданными или иммигрантами немецкого происхождения (немцами по этнической принадлежности); лицами, зарегистрированными в поселениях и колониях Холмской губернии или областях, находящихся под управлением генерал-губернатора Варшавы; лицами, присягнувшими на российское подданство после 1 января 1880 года^[499]. По сути дела, это означало восстановление давно к тому времени не существовавшей юридической категории колонистов как натурализовавшихся иностранцев, входящих в число российских подданных, и буквально отменяло включение таких «колонистов» в единый разряд подданных государства, созданный в эпоху Великих реформ. Так что в некоторых важных отношениях мобилизация военного времени подрывала современные представления о российском гражданстве и восстанавливала старинные категории населения, отличавшиеся своим юридическим статусом.

Серия иных важных решений, принятых в ходе осуществления разнообразных мер военного времени, также разрушала границу гражданства, утверждая принцип, в соответствии с которым важнее гражданства могла оказываться национальная принадлежность. В частности, это происходило при принятии решения о том, на какие категории людей санкции распространяются, а на какие – нет. К российским подданным немецкого происхождения был применен ряд мер, изначально направленных лишь против подданных неприятельских государств. И напротив, существовал длинный список «подданных противника», на которых санкции не распространялись и с которыми следовало обращаться как с союзниками.

Чехи, словаки, поляки, сербы, христиане из Османской империи (армяне, греки, болгары) и несколько других небольших групп оказались способны добиться более или менее полного иммунитета от санкций, применявшихся к подданным противника, – начиная от депортации и кончая экспроприацией земли и ликвидацией предприятий. К вражеским солдатам соответствующего происхождения лучше относились в лагерях для военнопленных, где некоторые из этих солдат получили возможность создавать землячества, чтобы сражаться в составе российской армии^[500].

Политика натурализации в военное время

Однако во многих других отношениях война значительно укрепила границу гражданства. Россия существенно продвинулась к установлению более жесткого контроля за гражданством, въездом в страну и выездом из нее^[501]. Массовые депортации и ликвидация собственности сделали первоочередной задачей определение подданства людей и даже предприятий и акций. В различные комитеты шли потоки обращений и ходатайств об упрощенной натурализации или просто об исключении из правил. Первой реакцией властей стало ужесточение требования, в соответствии с которым во время войны иностранцы мужского пола немедленно после натурализации должны были поступать на военную службу^[502]. 14 июня 1915 года, спустя две недели после московского выступления против подданных враждебных государств, царь

председательствовал на проходившем в штабе армии особом заседании, где присутствовали великий князь Николай Николаевич, все командующие армиями и весь Совет министров. То было первое подобное собрание всех основных руководителей страны в военное время, а главным вопросом повестки дня стала судьба гражданских подданных неприятеля и политика натурализации. Собрание разработало ряд правил, которые царь быстро утвердил, и в том числе полный запрет на любую натурализацию тех подданных враждебных и нейтральных государств, которые въехали в страну после объявления войны. С принятием этого решения Россия стала единственной крупной державой, запретившей натурализацию во время войны. Любые исключения дозволялись лишь с одобрения царя. Протокол требовал высылки из Москвы всех подданных враждебных государств (за исключением славян и лиц нескольких других категорий). Правила также наделяли губернаторов и полицейских широкими полномочиями интернировать отдельных иммигрантов, натурализовавшихся после 1 января 1880 года, и поддерживали депортацию любых «нежелательных иностранцев» из страны, если это позволялось международными соглашениями^[503].

Нововведения военного времени, предполагавшие создание более строгой системы выдачи документов, регистрации, идентификации и надзора за иностранцами, применялись не только к подданным противника, но и к выходцам из других стран. Например, в первый год войны значительное число китайских и корейских временных рабочих, находившихся в империи, начали подозреваться военными в шпионаже и предательстве. В результате армия и полиция провели серию массовых депортаций азиатских рабочих из страны. Однако и Китай, и Корея сохраняли во время войны нейтралитет, и ставшая результатом этих действий чудовищная нехватка рабочей силы в области сельского хозяйства и железнодорожного строительства убедила правительство не только отказаться от проведения такой политики, но и увеличить число временных рабочих, ввозимых в страну. Этот эпизод также является иллюстрацией того, какое влияние Первая мировая война оказала на надзор государственных учреждений за иммигрантами и в целом за иностранцами. Условием импорта рабочей силы из Азии в 1916 году стало внедрение целого ряда новых элементов контроля и паспортного режима. Правила военного времени сделали более строгими требования обзавестись паспортами и пройти процедуру регистрации, предъявляемые к временным рабочим как из Азии, так и из других мест, тогда как наниматели должны были подписывать документы, возлагавшие на них ответственность за контроль над местами проживания их рабочих. К каждой группе прибывающих из Азии работников прикреплялся полицейский чиновник. Эти меры были частью общего ужесточения контроля над иностранцами в военное время – важной тенденции, в течение долгого времени сохранявшей актуальность не только в России, но и во всем мире^[504].

Таким образом, к 1917 году имперские власти под влиянием войны стали решительно и поспешно отказываться от завоеваний политики гражданства, складывавшейся перед тем на протяжении полувека. Такие якобы временные мероприятия по обеспечению безопасности, как интернирование подданных враждебных государств в сочетании с политикой ликвидации предприятий и землевладений, принадлежавших подобным лицам, превратились в более радикальные и постоянные меры. Кампания против подданных противника вышла за свои изначальные рамки, сделав целью и натурализованных иммигрантов из враждебных государств. Это, в свою очередь, дало импульс к появлению новых правил и законов, затронувших всех иностранцев. Война привела к резкому разрыву с эпохой интернационализации, принесла с собой запрет на денатурализацию и натурализацию, а также крайне суровое ограничение эмиграции и иммиграции. Короче говоря, после полувека интернационализации Россия сменила курс на изоляционистский. Отчасти она делала это побуждаемая своими международными партнерами и всецело – в рамках международного курса на ужесточение системы выдачи документов и регистрации личности и на серьезное укрепление границ гражданства. Эти изменения стали важной декорацией к

революциям 1917 года. Хотя обычно революции сопровождается период открытости для натурализации тех, кто представляется сторонником нового режима, но то, что обе революции 1917 года в России произошли в разгар военных действий, ограничило в данном отношении их революционный потенциал.

Февральская республика

Тем не менее не вызывает сомнений, что Февральская революция знаменовала революционный переворот в истории российского гражданства. Первое же объявление Временного правительства обещало «немедленно, еще до созыва Учредительного Собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо Родины»^[505]. И действительно, меньше чем две недели спустя оно опубликовало то, что вполне можно считать самым главным революционным декретом, – постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»:

Исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное правительство постановило:

Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются. Постановление определяло девять различных сфер жизни, в которых граждане сталкивались с ограничениями, отныне упраздняемыми этим документом: вопросы водворения, жительства, перемещения внутри страны, приобретения прав собственности, вопросы предпринимательской деятельности, поступления на государственную службу, допуска в учебные заведения, участия в законотворческой деятельности и использования иностранных языков при обучении и ведении дел. Затем – на тот случай, если у кого-нибудь возникнут какие-либо сомнения, – другая статья вновь утверждала всеобщий характер постановления, объясняя, что оно отменяет не только законы и декреты, ограничивающие права граждан, но также любые административные распоряжения, приказы военачальников и юридические интерпретации, противоречащие основополагающему принципу: «Действие всех изданных до обнародования настоящего постановления административных распоряжений как гражданских, так и военных властей, в силу которых ограничивается пользование какими-либо правилами в зависимости от принадлежности к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, прекращается».

Статья 9 расширяла действие постановления, отменяя законы и декреты, дискриминирующие иностранцев на основании их вероисповедания или национальности, за немаловажным исключением, сделанным для граждан или подданных воюющих с Россией держав^[506]. А днем раньше, 19 марта 1917 года, в Петрограде состоялась крупнейшая в российской истории женская демонстрация, которая побудила глав Временного правительства дать женщинам право голоса. Когда 20 июля Временное правительство опубликовало новое положение о выборах, Россия формально стала первой в мире крупной державой, где женщины получили право голосовать и занимать выборные должности^[507].

Реакция общества на постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» последовала незамедлительно. Чуть ли не на следующее утро как в официальных документах, так и в обиходной речи начал использоваться термин «гражданство» вместо привычного «подданства». Газеты – от социалистических левых до консервативных правых – публиковали длинные статьи в поддержку постановления. Для либералов оно означало воплощение в жизнь несбывшихся надежд революции 1905

года: все население страны превратилось в граждан, наделенных равными правами. «Новое время» и другие рупоры консерваторов указывали, что создание единого сообщества граждан – это ключ к новой мобилизации для обороны страны. Все, кроме крайне правых, хвалили правительство за то, что оно положило конец несправедливым ограничениям прав евреев. Постановление сопровождалось декларацией намерения отменить все отличия в юридическом статусе, основанные на принадлежности к различным сословиям. В целом принятие данного документа стало естественным финалом пути к появлению единого «гражданства», определяемого как равенство прав и обязанностей всех причастных к государству лиц перед законом, – пути, важные шаги по которому были сделаны в эпоху Великих реформ и позднее, в 1905–1906 годах. Разумеется, воплощение этого, касавшегося всего общества, постановления требовало отмены значительной части существовавших на тот момент законов и правил.

Обращение с «гражданами враждебных держав» показывает, как повысилась важность границы между гражданами государства и иностранцами с принятием постановления. Общим правилом стала немедленная отмена всех законов, ограничивавших права российских граждан, в то время как многие ограничения прав иностранцев остались без изменений. Так, уже 11 марта 1917 года правительство аннулировало пятнадцать законов военного времени, которые ограничивали права немецких «колонистов», обладавших российским гражданством. Тысячи находившихся в российском подданстве немцев и евреев, высланных по приказу военных властей из прифронтовых зон и других регионов во внутренние провинции страны, начали возвращаться домой^[508]. Военные противодействовали этому и сумели вынудить правительство издать 21 апреля постановление, согласно которому местные чиновники должны были получать у военных властей разрешение на возвращение каждого такого лица в районы, находившиеся под властью органов военного управления^[509]. Однако создается впечатление, что эти указания повсеместно игнорировались – многие тысячи гражданских лиц, находившихся в российском подданстве, возвращались по домам, без сомнения, воодушевленные как заявлениями о конце всякой дискриминации по признаку вероисповедания и национальности, так и неуверенностью в том, каков же их новый статус, которую обнаруживали многие местные чиновники. Для сравнения: власти, по-видимому, с большим успехом удерживали депортированных граждан враждебных государств на местах, куда те были интернированы; для проведения такой политики тоже потребовалось решительное вмешательство военных^[510].

В то же самое время правительство сохранило многие законы военного времени, ограничивавшие права граждан государств-противников^[511]. В области как сельского хозяйства, так и городской экономики Временное правительство продолжало настаивать на выполнении программ ликвидации собственности и финансовых вкладов, принадлежавших подданным таких государств. Масштаб ликвидаций, осуществленных новым правительством в течение недолгого периода его пребывания у власти, был весьма значительным^[512]. Таким образом, в целом проводилась вполне последовательная политика: с гражданами следовало обходиться одинаково, иностранцы продолжали подвергаться ограничениям. Одним словом, важность границы гражданства возросла.

Хотя формально запрет военного времени на натурализацию отменен не был, Министерство внутренних дел одобрило несколько прошений о натурализации, с которыми обратились частные лица и небольшие группы^[513]. Правительство также расширило политику дарования иммунитета славянским подданным враждебных держав. Наиболее значительным в этом отношении оказалось принятое 27 июня 1917 года решение, полностью освободившее польских подданных неприятельских государств от санкций, за которым 1 августа последовало еще одно – даровавшее подобный иммунитет чехам и словакам^[514].

Война стала поворотным пунктом в истории российского гражданства. Блокада и военные действия в сочетании с политическим курсом делали границу такой

непроницаемой, какой она не была на протяжении по меньшей мере полувека. И натурализация, и денатурализация были, по сути дела, запрещены. Власти депортировали, интернировали иностранцев, принадлежавших к враждебным государствам, и национализировали их собственность, тем самым фактически навсегда исключая этих людей из российского общества. Для подданных государств-противников меры военного времени означали отмену ключевого принципа эпохи Великих реформ, согласно которому иностранцы были перед лицом закона равны в правах с российскими подданными. Эти меры также привели к появлению категорий гражданского населения, лишенных самых основных прав. Как показало время, подобные политические лейтмотивы и тенденции имели гораздо больше общего с политикой большевиков, чем с беспрецедентными, но недолговечными революционными декларациями Временного правительства.

Глава VI

Советское гражданство

По словам Сергея Кишкина, специалиста в области закона о гражданстве ранней советской эпохи, «Октябрьская революция вместе со всеми другими реквизитами Российской империи отправила в музей древностей и „подданство“ ... Подданство „Российской империи“ и подданство буржуазной республики Временного правительства сменилось советским гражданством»^[515]. Однако в действительности, хотя в большевистской политике гражданства и в самом деле присутствовали революционные элементы (в том числе ее классовая основа и подход к решению женского вопроса), в других отношениях новая власть вернулась к дореформенным процессуальным нормам, связанным с подданством. Если важнейшим отличием подданства от гражданства является то, что последнее определяется как политическая система, все члены которой более или менее равны между собой в правах и обязанностях, то расцвет гражданства пришелся на период пребывания Временного правительства у власти. И напротив, понятие гражданства было полностью отвергнуто большевиками, создавшими новую систему сепаратных сделок с различными подгруппами населения и переведшими миллионы людей в разряд лишенцев (лиц, лишенных прав гражданства), – невиданный со времен крепостного права чрезвычайный статус подданного, имеющего лишь обязанности. Большевики также возродили и ввели старинные запреты на эмиграцию, прежде десятилетиями размывавшиеся и гораздо менее строго соблюдавшиеся.

Но большевистская политика гражданства была отнюдь не просто возвращением к старорежимному подданству. Ее глубокое отличие заключалось в отказе от прежних целей демографической политики: увеличения и удержания населения в стране, формирования его этнического и религиозного состава и оперативной реакции на взлеты и падения рынка рабочей силы. Как отметила Гольфо Алексопулос, «советская политика гражданства не руководствовалась непосредственно экономическими соображениями или заботой о численности населения, недостатке рабочей силы либо иммиграции. Во главу угла скорее ставилась политическая власть»^[516]. После краткого периода, когда приоритетными были цели революционного интернационализма и классовой войны, сформировался тот принцип политики гражданства, которого власти придерживались на протяжении большей части истории Советского Союза: создание, сохранение и защита преимущественно автаркического единого государства. К концу 1920-х годов государство развило беспрецедентную способность контролировать свои границы и пересечение их населением, сделав решительные шаги к преодолению традиционно глубокого разрыва между политическими намерениями и реальной практикой. Советское государство создало одну из самых прочных и наиболее строго охраняемых границ гражданства в мировой истории.

В целом первоначальный период большевистского правления характеризовался сравнительной открытостью для иностранных идеологических сторонников, которые могли путешествовать на родину революции и натурализоваться в качестве советских

граждан или наслаждаться правами гражданства, не проходя процесса натурализации. В апреле 1918 года доклад Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) по поводу разработки постановления о советской натурализации ясно осветил теоретическую сторону вопроса: «Для нас, социалистов, давным-давно... принадлежность человека к нашему социалистическому миру является признанием социалистической организации, — на каком языке говорит, где живет, где он родился, это не имеет значения»^[517].

Согласно первым революционным декретам о натурализации те, кто принадлежал к рабочему или крестьянскому классу, могли натурализоваться, предъявив удостоверение личности и подав простое заявление на двух страницах в местный областной, районный или уездный совет. Совет уведомлял Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), чтобы там зарегистрировали принятого в российское гражданство иностранца, и Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), который должен был известить о факте натурализации бывшее правительство нового советского гражданина (во избежание ситуации двойного гражданства)^[518]. Для того чтобы претендовать на натурализацию, не нужно было предварительно проживать в стране в течение пяти лет (как это требовалось в большинстве стран, включая дореволюционную Россию), и складывается впечатление, что те немногие прошения о натурализации, которые были поданы в начале революции, очень быстро получили одобрение. Изданный в марте 1918 года декрет содержал адресованное иностранцам прямое приглашение искать в Советском Союзе убежища от политических и религиозных притеснений, испытываемых ими на родине, и обещал, что новые власти не будут удовлетворять запросов об экстрадиции таких лиц^[519]. Короче говоря, натурализация была в принципе весьма доступна для рабочих, крестьян, активистов социалистического движения и представителей притесняемых религиозных групп (что являлось своего рода идеологической аномалией)^[520].

Считая, что они находятся в авангарде пролетарской революции, большевики, проводившие политику гражданства, поначалу придавали классовому происхождению гораздо большее значение, чем статусу гражданина. Статья 20 принятой 10 июля 1918 года Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики^[521] провозглашала, что «исходя из солидарности трудящихся всех наций, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства»^[522]. В результате этой классовой политики иностранные рабочие могли иметь гораздо больше прав гражданства, чем урожденные граждане страны, которые были лишены прав в соответствии с 69-й статьей Конституции^[523]. Сформированная реформами 1860-х годов тенденция к уравниванию иностранцев и российских граждан в правах сохранялась для иностранных и российских рабочих и коммунистов, но представителям почти всех других классов и политических групп в таком равенстве было отказано^[524].

Одним из наиболее революционных аспектов большевистской политики гражданства был ее разрыв со следующим, повсеместно признававшимся, принципом международного права: в браке, заключенном гражданами двух разных государств, жена автоматически утрачивает свой гражданский статус и становится гражданкой той же страны, что и ее муж. Согласно закону РСФСР от 22 октября 1918 года в смешанном браке оба партнера могли свободно выбрать свое гражданство. В случае их развода или смерти одного из них муж или жена имели право беспрепятственно перейти в гражданство той страны, к которой принадлежали до заключения брака^[525]. В международной практике закон этот не имел прецедентов. В то время он привел к многочисленным конфликтам с другими странами и многим случаям фактического

двойного гражданства, причиной которых был отказ других стран признать приоритет советского права над их собственным. В ходе дальнейших обсуждений нового закона о гражданстве Советского Союза нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин превозносил прогрессивный характер этого принципа и успешно доказывал, что международные конфликты – не слишком дорогая цена за его введение^[526]. Принцип свободного выбора гражданства был распространен и на детей. С четырнадцати лет дети, чьи родители изменили гражданство, имели право выбирать, какое именно гражданство получить по достижении совершеннолетия^[527].

Большевистская политика гражданства продолжила революционные перемены, начало которым было положено Временным правительством с его эпохальными постановлениями, распространившими на женщин избирательные и другие основные гражданские права^[528]. В начале 1918 года правила Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбежа) и Наркомата внутренних дел позволили гражданкам России вступать в брак с военнопленными, причем последние в таком случае получали право выбора между сохранением своего гражданства и приобретением гражданства супруги^[529].

Однако эти ранние политические стратегии являлись скорее предметом теоретических рассуждений, а не юридических норм. В разгар ужасной Гражданской войны, голода, гиперинфляции, безработицы и повсеместной экономической разрухи, охвативших РСФСР, у рабочих и крестьян было не так уж много причин переезжать сюда из-за рубежа, и лишь немногие так поступали. Уже 2 декабря 1917 года большевики потребовали от въезжающих в страну получать для этого визы и использовали систему выдачи виз как способ предотвратить возвращение или иммиграцию практически всех лиц, не принадлежавших к привилегированным категориям, то есть к рабочим, крестьянам и революционерам^[530]. Более того, особенно в первое время существования советской власти отсутствие как дипломатических представителей за рубежом, так и формального признания большевистского правительства затрудняло выдачу виз, тем самым делая иммиграцию еще более сложным предприятием.

В то время как в теории власти распахнули двери перед всеми, кто мог похвастаться подходящим классовым происхождением и политическими убеждениями, НКВД с самого начала был охвачен подозрениями, и допущенные в страну иностранцы сталкивались с множеством юридических двусмысленностей. Секретные инструкции НКВД для местных чиновников предписывали тем предоставлять иностранцам жилье и работу, но также аккуратно регистрировать их и сохранять бдительность в отношении любого, кто пересек границу без визы или потенциально представляет какую-либо опасность для республики^[531]. Иностранцы могли подвергаться уголовному преследованию и наказанию (вплоть до смертной казни) за многие преступления, совершенные в России или за рубежом. Такой подход был бы вполне нормальным явлением в обычное время и при обычных властях, но в период Гражданской войны, когда политическая полиция имела право арестовывать и казнить «подрывные элементы», ставил множество иностранцев в рискованное положение. В целом власти выступали против многих традиционных мер защиты, обеспечиваемых иностранцам в соответствии с международным правом^[532]. Статья 8 Гражданского кодекса давала республике широкие полномочия ограничивать гражданские права иностранцев в отношении свободы передвижения, выбора профессии, приобретения собственности и занятий предпринимательской деятельностью. Также очевидной политической стратегией режима стало ограничение прав определенных иностранцев в ответ на действия других государств^[533].

Заключенный в марте 1918 года Брест-Литовский мирный договор предоставил иностранцам из Центральных держав (составлявшим большую часть иностранцев, находившихся в РСФСР) значительное преимущество, в котором было отказано российским гражданам, – международную гарантию сохранения прав собственности при проводимой властями национализации. Однако 28 июня эта гарантия была

отменена постановлением о национализации всей промышленности^[534]. Когда в ноябре того же года Центральные державы потерпели крах, потеряли силу и другие меры защиты их граждан, прописанные в Брест-Литовском мирном договоре.

Более того, при новом режиме гораздо меньше, чем при старом, значило традиционное преимущество иностранцев – возможность воспользоваться как последним средством дипломатической поддержкой родной страны. Лишь немногие из других государств официально признали Советский Союз, и в любом случае они обычно не торопились защищать интересы радикализированных рабочих и активистов, попавших на его территории в беду. Декрет от 29 августа 1921 года дал Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК) и судам широкие полномочия депортировать иностранцев, «образ жизни, деятельность и поведение коих будут признаны несовместимыми с принципами и укладом жизни Рабоче-Крестьянского Государства... независимо от полученного ими ранее разрешения на проживание в Республике»^[535]. Международное сопротивление подобным действиям было гораздо слабее, чем в довоенные десятилетия, когда высылка иностранцев за пределы страны всеобъемлюще регулировалась международным правом и двусторонними соглашениями.

Ранняя советская политика гражданства определялась последствиями Первой мировой и Гражданской войн. К 1917 году приблизительно шесть миллионов беженцев и вынужденных переселенцев из районов, где в период Первой мировой развернулись боевые действия, появились во внутренних областях России. Гражданская война, голод в деревне, нехватка продовольствия в городах и разгул эпидемий вынудили от одного до двух миллионов человек эмигрировать за рубеж и еще многие миллионы – перебраться из одного района, находившегося под властью Советов, в другой. Мирные договоры с обретшими независимость прибалтийскими странами – Финляндией, Польшей и Молдовой – привели к формированию новых государственных границ, и многие бывшие российские подданные оказались за пределами территории Советского Союза, что создало проблему статуса сотен тысяч беженцев, прибывших из этих областей в Союз. Следовало решить судьбу более двух миллионов военнопленных в России и еще большего числа российских пленных под властью Центральных держав. Все эти чрезвычайные ситуации поставили важные вопросы о гражданской принадлежности миллионов людей.

Иностранцы-военнопленные на советской территории

В ноябре 1917 года в России находилось более двух миллионов военнопленных (примерно два миллиона подданных Австро-Венгрии, 170 000 – Германии, 50 000 – Турции и 200 – Болгарии)^[536]. Вскоре после революции их юридическое положение стало чрезвычайно неопределенным. Большевицкое правительство хотело быстро договориться об общем обмене военнопленными между всеми воюющими державами, но, в частности, немцы имели основания медлить – не в последнюю очередь потому, что российских военнопленных в Германии было намного больше (1,43 миллиона), чем немецких – в России (167 000)^[537]. Во время войны Германия приноровилась в полной мере полагаться на труд этих пленников и теперь не желала обмениваться с Россией, в особенности – в соотношении девять к одному. Также немецкие и австрийские власти опасались, что подданные их собственных стран, будучи в плену, заразились большевицким радикализмом, национализмом или инфекционными заболеваниями (либо той или иной комбинацией из вышеперечисленного), а потому усилия по облегчению репатриации военнопленных сдерживались – вводились проверки, карантин и другие процедуры, препятствовавшие быстрому возвращению и реинтеграции этих людей в общество родной страны^[538].

В июне 1918 года большевики уступили Центральным державам, подписав соглашение, по которому должен был иметь место лишь заранее оговоренный обмен равным количеством военнопленных. Взаимная подозрительность, отрицательное отношение

обеих сторон друг к другу, как между их военными, так и между правительствами, замедлили официальную репатриацию военнопленных и ограничили ее масштабы. Более того, в России к моменту заключения соглашения уже набирала обороты Гражданская война. Белая армия и соответствующее правительство контролировали многие территории, где содержались военнопленные, и отказывались признавать законность Брест-Литовского мирного договора. Таким образом, до тех пор, пока в ноябре 1918 года Центральные державы не сложили оружие, белые удерживали военнопленных в заключении и старались помешать их передвижению по территории, которую контролировали^[539]. По этим причинам официально одобренная репатриация военнопленных из бывшей Российской империи во второй половине 1918 года замедлилась. В стране все еще находилось примерно четверть миллиона человек^[540]. Однако подавляющее большинство военнопленных, возвращавшихся домой, отправлялись в путь по собственному почину, не проходя официальных процедур и зачастую путешествуя без документов, и это касалось не только сотен тысяч военнопленных, но и беженцев. По оценке Алона Рахамимова, 670 508 австро-венгерских военнопленных сумели к 18 октября 1918 года вернуться из России. Он считает, что лишь четверть из них были отправлены по официальным каналам, а остальные бежали, были освобождены или попросту уехали без спроса^[541]. И беженцы, и военнопленные часто давали взятки, чтобы легче обойти формальности. Этим людям было очень непросто добраться до дома, поскольку официальные переговоры затянулись до 1920–1921 годов, когда наконец было подписано большинство мирных договоров и сепаратных соглашений о репатриации пленных^[542].

В переходный период большевистские власти принуждали военнопленных присоединяться к Красной армии и агитировали их выступать с позиций социализма и национализма против правительств стран, подданными которых эти военнопленные являлись. Германия и Австрия ответили тем, что вынудили российскую сторону включить в Брест-Литовский договор статью, запрещающую такую агитацию, и требовали от большевиков зачислять в Красную армию лишь «добровольцев иностранного происхождения, принявших российское гражданство». Тем не менее во время Гражданской войны продолжало поступать множество сообщений о насильственном наборе военнопленных в армию. В конце концов приблизительно 50 000 военнопленных по той или иной причине оказались в рядах Красной армии^[543]. Нет практически никаких сомнений в том, что, несмотря на положения Брест-Литовского договора, многие из них вступили в армию, не натурализовавшись как советские граждане; немецкая и австрийская стороны неоднократно жаловались на данное обстоятельство в годы, последовавшие за отменой договора. Согласно недавним исследованиям, это крошечное меньшинство (2,5 % от общего числа военнопленных, находившихся в России в конце 1917 года) оказало крайне серьезное воздействие на Красную армию и распространение коммунизма в Восточной и Центральной Европе^[544]. Самый знаменитый военнопленный, поддержавший коммунистов, венгерский офицер Бела Кун, вернулся в Венгрию и возглавил коммунистическую революцию. Однако многие из военнопленных, решивших натурализоваться, поступили так, исходя из прагматических или националистических соображений. Например, группа украинцев и русинов (военнопленных, содержащихся в сибирских тюрьмах) натурализовалась, чтобы освободиться и получить возможность переехать в Украинскую Социалистическую Советскую Республику^[545] (УССР) и присоединиться к соплеменникам^[546].

Заметно выбивалась из общей картины репатриация славянских военнопленных из России и Украины. В 1917 году Временное правительство ускорило начатую при последнем царе программу формирования из военнопленных, которых отбирали по этническому принципу, отрядов для борьбы с монархией Габсбургов. Так, 40 000 чехов и словаков составили Чехословацкий корпус (впоследствии он вырос до 70 000 человек), позднее была сформирована Юго-Славянская дивизия Сербской армии (30 000 человек)^[547]. После того как в марте 1918 года Центральные державы вторглись на

Украину, Чехословацкий корпус попытался покинуть страну через Владивосток. По пути он оказался вовлечен в события Гражданской войны, когда из-за возникшего недопонимания Лев Троцкий потребовал от чехов разоружиться. Корпус восстал, захватил значительную часть Транссибирской железной дороги, вместе с белыми и союзниками сражался против большевиков и договорился-таки в 1920 году о массовой депортации из Владивостока^[548]. В 1921–1922 годах, с окончанием Гражданской войны, последние значительные группы, состоявшие из нескольких тысяч военнопленных, смогли наконец покинуть страну^[549].

Еще одна категория пленных военного времени – приблизительно 300 000 гражданских подданных противника, высланных из прифронтовых областей, – разделила судьбу военнопленных. Большинство входивших в эту категорию сумели выбраться из России в хаосе революции и Гражданской войны. Но, хотя условия перемирия включали принятие мер, необходимых для репатриации гражданских пленников, процесс возвращения был медленным и не имел завершения вплоть до подписания в апреле 1920 года официального соглашения, разрешавшего их отъезд^[550].

Фильтрация по национальному признаку

Массовые перемещения беженцев и депортированных лиц из мест ведения военных действий во внутренние области России во время Первой мировой войны привели миллионы людей, происходивших из регионов, где в период с 1917 по 1921 год формировались новые национальные государства, на территорию, находившуюся под властью большевиков. Равным образом многие бывшие российские граждане остались в этих новых государствах и иногда не были готовы принять их гражданство. Поначалу публичные заявления создавали впечатление, что беженцы всех категорий смогут отправиться по домам, и слухи быстро распространялись, подстегивая волну эмиграции^[551]. К концу 1917 – началу 1918 года начали поступать донесения, что многочисленные польские, еврейские и литовские беженцы собираются на Западном фронте, испрашивая разрешения пересечь линию фронта, чтобы вернуться домой. Руководители организаций беженцев по обеим сторонам фронта призывали власти поспособствовать возвращению населения на родину. Но взаимные подозрения и ограничения, вводимые обеими сторонами, создали патовую ситуацию. Германия не желала неконтролируемого массового возвращения обнищавших мигрантов (множества евреев, поляков и представителей других народов, которые могли оказаться на немецкой территории и среди которых свирепствовали инфекционные заболевания), тогда как большевики не торопились разрешать массовую миграцию по многим причинам – не в последнюю очередь потому, что таким образом дезертиры из Красной армии получали возможность ускользнуть. Власти также беспокоило то, что молодые люди смогут пересечь границу, чтобы присоединиться к Белой, Польской или какой-нибудь иной армии^[552]. НКВД издал строгий приказ, согласно которому любого беженца или военнопленного, пытающегося покинуть страну без необходимых для этого документов, следовало задержать. Местные чиновники могли брать взятки и по собственному почину помещать под надзор любого, кто пытался покинуть страну, что позволяло многим обойти официальные препоны, но также, возможно, ограничивало количество уезжавших, повышая неофициальную стоимость исхода^[553]. Например, даже группа литовцев, у которых все документы были в порядке и которые располагали выданным большевиками официальным разрешением вернуться на родину, по дороге из Екатеринослава в Литву оказались вынуждены восемь раз подкупать различных украинских и российских чиновников^[554]. Не располагавшим наличными или какими-либо ценностями беженцам и военнопленным (а таковые, по-видимому, составляли большинство) было очень нелегко добираться до границы и пересекать ее.

Позднее во́йны большевиков с прибалтийскими государствами и Польшей и гражданская война внутри этих стран, а также Гражданская война в России помешали заключить формальное соглашение о репатриации и сделали несанкционированное

возвращение в частном порядке еще более рискованным предприятием. В то время как сотни тысяч людей, невзирая на эти обстоятельства, совершали опасное и дорогостоящее путешествие, с официально санкционированной репатриацией пришлось подождать – до достижения ряда договоренностей об оптации, которые были заключены в рамках мирных договоров и сепаратных соглашений, подписанных по большей части в 1920 году. Напомню: договоренность об оптации дает частным лицам возможность в течение определенного времени свободно выбрать одно из двух гражданств и обычно обязывает этих лиц переселиться на территорию страны, гражданство которой они избрали.

Идея предоставить частным лицам возможность после изменения государственных границ выбирать страну проживания и гражданство распространилась в международной практике в конце XIX века^[555]. Принцип этот основан на демократическом представлении о контракте между государством и его гражданами и, в особенности, на идее, что гражданское и национальное сообщества должны совпадать (или, по крайней мере, что у частных лиц должна быть возможность добиваться их совпадения). Важная роль, которую в урегулировании послевоенных отношений играли процедуры референдума и оптации, сделала это время периодом расцвета подобных идей в международной практике. В конце концов большевики подписали с обретшими независимость странами, правопреемницами Российской империи, ряд соглашений об оптации, сделав это отчасти под давлением, отчасти – в обмен на некоторые поправки в свою пользу. При ближайшем рассмотрении договоренности об оптациях оказываются весьма прагматичными: соответствующие статьи договоров с различными странами отличает удивительное разнообразие, но все они объединены уникальным отношением большевиков к вопросу национальности, а также традициями, унаследованными от Российской империи.

Первый, хотя и неудачный случай заключения соглашения об оптации был представлен декретом от 13 июля 1918 года, который давал лицам, постоянно проживавшим на территориях, больше не входивших в состав РСФСР, право подать в НКВД прошение о денатурализации, а также право эмигрировать из РСФСР. Декрет был принят с неохотой, под сильным давлением Германии, спустя четыре месяца после заключения Брест-Литовского мирного договора. С момента издания декрета у частных лиц был лишь один месяц на подачу заявления, а после денатурализации они должны были немедленно покинуть страну. Сходное соглашение под сильным давлением Германии было 12 июня 1918 года заключено между РСФСР и Украиной. Оно гарантировало право русских и украинцев свободно уехать из одной страны в другую, если они того пожелают. Соглашение было составлено в весьма туманных выражениях. Так, о «русских» и «украинцах» говорилось без указания, подразумеваются ли этнические, лингвистические, религиозные различия или речь идет о месте жительства, что давало чиновникам, желавшим воспрепятствовать чьему-либо отъезду, свободу маневра. Эти правила действовали лишь несколько месяцев: в ноябре 1918 года Центральные державы потерпели поражение, за чем последовала отмена Брест-Литовского мирного договора и других соглашений, навязанных Центральными державами большевистскому государству. Джордж Гинзбургз утверждает, что в этот недолгий период несколько десятков тысяч человек воспользовались правом оптации^[556].

С отменой в ноябре 1918 года Брест-Литовского мирного договора и других соглашений оптация не возобновлялась до конца военных действий, которые велись сначала в Прибалтике, а затем на Украине, в Польше и на Кавказе (технически законы об оптации не списывались со счетов, но их действие, по-видимому, было приостановлено). В 1920 году РСФСР заключила соглашения об оптации с Эстонией, Латвией, Литвой, Грузией и Финляндией, а в марте 1921 года – с Польшей и Османской империей. В противоположность национальным законам 1918 года, то были двусторонние соглашения, иногда с сепаратными договоренностями между теми же странами и Украинской и Белорусской^[557] социалистическими советскими республиками. Хотя в деталях эти соглашения заметно различаются, они имеют несколько общих

особенностей. Статья 4 заключенного 2 февраля 1920 года мирного договора РСФСР с Эстонией была первой и стала образцом для остальных. Лица эстонского происхождения в РСФСР получили возможность в течение года с момента ратификации договора (то есть до 14 февраля 1921 года) подать прошение о получении эстонского гражданства. Если их прошение удовлетворялось, у них был один год со дня получения одобрения, чтобы покинуть РСФСР. В случае если эстонское происхождение невозможно было установить, разрешалось сослаться на предыдущее место проживания заявителя (или его родителей) на эстонской территории. И наоборот, проживающие в Эстонии лица неэстонского происхождения имели право подать заявление о получении гражданства РСФСР. Хотя правила давали частным лицам полную свободу выбора гражданства, у каждого государства сохранились полномочия отказать отдельному просителю. Более того, несмотря на то что нет упоминаний о четко установленном юридическом принципе, согласно которому натурализоваться в качестве граждан РСФСР позволялось лишь представителям рабочего класса, складывается впечатление, что при принятии решения большевистскими властями по тому или иному прошению этот фактор играл свою роль^[558].

Что же должно было произойти с теми, кто не воспользовался правом выбора гражданства, или с теми, кто выбрал его, но не смог покинуть страну в течение установленного законом срока? Из договора это неясно. В 1918 году какие-то рьяные местные представители НКВД устроили облаву и арестовали лиц, избравших гражданство другой страны, но не уехавших в положенный срок. Лишь в ноябре 1922 года НКВД приказал принять решительные меры «к выселению» литовцев и эстонцев, которые не захотели получить советское гражданство и не уехали из страны к концу периода оптации. Но то были чрезвычайные распоряжения. Чаще оказывалось, что тот, кто выбрал гражданство другой страны, однако не уехал в положенный срок, просто не мог больше считаться иностранным гражданином^[559].

Другие договоры об оптации отличаются в нескольких немаловажных отношениях. Например, соглашением с Латвией устанавливалось, что «национальность и вероисповедание не имеют никакого значения: важен факт приписки данного лица к... территории Латвийского государства»^[560]. Любой беженец, который мог доказать, что до 1 августа 1914 года проживал в Латвии, и все, кто жил на ее территории в момент ратификации мирного договора, автоматически признавались латвийскими гражданами. В то время как эстонские законы и практика создали категорию людей без гражданства (Эстония часто отказывалась принимать евреев и коммунистов, избравших эстонское гражданство, — даже после того как те были денатурализованы советскими властями), латвийские законы предрасполагали к созданию ситуаций двойного гражданства и к натурализации даже тех, кто вовсе не обязательно хотел быть натурализованным^[561].

Если при заключении латвийского соглашения договаривающиеся стороны руководствовались в первую очередь территориальным принципом, то договор с Польшей исходил из понятия этнической принадлежности. Право претендовать на польское гражданство было дано не только жителям и бывшим жителям Царства Польского, но и тем, кто мог доказать, что они потомки людей, сражавшихся за независимость Польши в восстаниях 1830-х и 1860-х годов, а также потомкам (вплоть до третьего поколения) бывших жителей Речи Посполитой (если их язык, занятия и прочее доказывали связь с польским народом)^[562]. Таким образом, лицам польского происхождения от Петрограда до Сибири было дано право в соответствии с мирным договором избрать польское гражданство, даже если их предки переехали в Российскую империю сотню лет назад. Все, чье прошение о присвоении польского гражданства удовлетворялось, подлежали денатурализации советскими властями^[563].

Нацеленный на то, чтобы помешать этническим русским стать гражданами Литвы, договор с этой страной лишил права на ее гражданство любого, кто состоял на гражданской или военной службе, но не происходил из Литвы, — даже если такой

человек и проживал на ее территории^[564]. Как ни странно, но при всех националистических тенденциях, которые присутствовали в политике большинства вновь образованных государств, Литва стала единственной страной, включившей в договор такой пункт. Все остальные соглашения об оптации давали лицам, способным доказать, что они постоянно проживали на территории вновь образованного государства, право избирать свое гражданство. Однако многочисленные российские беженцы, попавшие в одно из соседних государств и не способные доказать, что проживали в нем ранее, в попытке натурализоваться обычно сталкивались с многочисленными препятствиями. Многие оказались в конце концов лицами без гражданства.

С другой стороны, подход советских властей к подобным соглашениям обычно открывал для представителей иных национальностей возможность выбрать советское гражданство – за одним важным исключением. Лишь лица, принадлежавшие к рабочему классу, имели право претендовать на гражданство РСФСР. Тем, кто принадлежал к другим общественным классам и постоянно проживал за пределами территории РСФСР, выбирать ее гражданство позволялось лишь в совершенно исключительных обстоятельствах, причем чиновники нескольких уровней должны были засвидетельствовать лояльность и благонадежность индивида. И даже если тому, кто не принадлежал к рабочему классу, было позволено натурализоваться и поселиться в РСФСР или другой республике, такие люди могли столкнуться с ограничением прав гражданства (об этом – ниже) и оказаться в статусе лишенцев, граждан второго сорта, имевших лишь обязанности. Другой инновацией было признание республиканского гражданства в процессе оптации. Так, Украинская, Белорусская и другие советские республики имели с каждым из государств, добившихся независимости, особые договоры об оптации, и оптанты могли выбрать для натурализации свою национальную республику, а не Советский Союз в целом^[565]. Это было особенно важно для тех украинских беженцев из принадлежавших Габсбургам земель, что находились на советской территории, и, напротив, для украинских беженцев в Польше. И те и другие могли выбрать гражданство Украинской ССР (а не РСФСР). Даже после образования Советского Союза оптант мог номинально выбрать гражданство Украинской ССР. Такой подход сделал советское гражданство более привлекательным для украинцев и представителей других национальностей. Наконец, все соглашения, за одним исключением, требовали от всех лиц, избравших гражданство иной страны, чтобы в течение определенного периода (обычно от шести месяцев до года) они покинули советскую территорию^[566]. Оптанта, оставшегося на месте по истечении этого срока, следовало рассматривать как гражданина той советской республики, где он остался^[567]. Эта модель установления срока отъезда и приписывания гражданства всем, кто уехать не смог, также применялась к более мелким группам иностранцев даже в отсутствие формального договора об оптации^[568].

Исключение касалось изменения границ на Кавказе. 16 марта 1921 года договор между Османской империей и РСФСР дал населению территорий, до 1918 года находившихся под контролем России, право выйти из турецкого гражданства и переехать в Советскую Республику. Равным образом жители района Батуми (который Османская империя уступила Грузинской Республике) могли свободно покинуть Османскую империю. Для населения этих приграничных районов период свободной оптации был продлен на семь лет, до тех пор пока в 1927 году не был установлен крайний срок – 11 марта 1928 года. Однако на деле Османская империя воспрепятствовала попыткам армян вернуться на турецкую территорию, а перед наступлением последнего срока решительно денатурализовала всех армян, проживающих вне страны, которые ранее находились в османском и турецком подданстве^[569].

Таким образом, договоры об оптации были в принципе (со всеми вышеупомянутыми оговорками) подлинной инновацией, введенной для того, чтобы дать населению возможность «ногами» проголосовать за собственное гражданство. Хотя Россия практиковала оптацию после аннексии Карсской области и округов Батум и Ардаган в

1878 году (как поступали после аннексий и другие державы), размах и масштабы советского эксперимента с оптацией были беспрецедентны. В значительной степени эти договоры были основаны на принципе национального государства: национальное и государственное сообщества должны совпадать. На бумаге договоры последовательно проводили такую политику. Однако на практике советские власти находили способы помешать осуществлению данных соглашений. Поскольку вся процедура в каждом отдельном случае требовала формального одобрения, у чиновников были развязаны руки и они могли отказать в праве выхода из советского гражданства на самых неубедительных основаниях. Любое прошение об оптации, поданное находящимся в армии солдатом, должно было включать свидетельство об освобождении от действительной службы. Получить его было нелегко^[570]. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) втайне рассматривало каждое прошение и отклоняло многие из них безо всякого объяснения своих решений (и даже без признания, что именно оно наложило запрет)^[571]. Другие представители властей создавали мелкие бюрократические препоны, которые могли иметь для обнищавших беженцев большое значение. Например, в 1921 году все покидающие страну оптанты должны были предоставить по две фотографии каждого члена семьи, что было нелегким делом в стране, переживавшей экономическую разруху, где фотографов было мало и их услуги предлагались редко^[572].

Политика в отношении собственности беженцев из оккупированных областей и оптантов также создавала препятствия для отъезда. В начале 1918 года Центропланбеж обнародовал ряд в высшей степени жестких правил, регулировавших сложные вопросы собственности, реституции, а также вывоза и ввоза собственности, принадлежащей беженцам из оккупированных областей. Для драгоценных камней, металлов, денег и тому подобных предметов устанавливалось точное их количество, которое можно было вывезти из страны (например, денег – 1000 рублей на человека). Все, превышавшее эти пределы, подлежало конфискации и в течение неопределенного времени хранилось на замороженных счетах. В принципе, в маловероятном случае возвращения эмигранта в Советскую Россию он мог заявить свои права на собственность или деньги, полученные за ее продажу и хранимые на счете. Однако неясно, мог ли возвращающийся эмигрант и в самом деле заявить свои права на такую собственность: мне не удалось найти свидетельств того, что это правило когда бы то ни было применялось. В любом случае, поскольку обратная миграция была, по всем данным, очень редким явлением, на практике эти законы вводили национализацию и конфискацию всей собственности и денег эмигрантов и оптантов (за исключением самых минимальных сумм). Такие меры привели к установлению более жесткого *droit d'aubaine* (права казны на выморочное наследство иностранца), чем где бы и когда бы то ни было в Средние века, и притом применявшегося не только к иностранным беженцам, но и к бывшим российским подданным, решившим выйти из советского гражданства^[573].

Первые же результаты воплощения соглашения об оптации с Эстонией показали, насколько эффективно советская бюрократия воспрепятствовала выполнению условий якобы либерального договора. На 8 сентября 1921 года НКВД сообщал об удовлетворении 1234 прошений, отклонении – 1826, возвращении без заведения дела – 835, нахождении в процессе – 357 и в ожидании рассмотрения – 1574^[574]. В следующем году количество одобренных прошений увеличилось; когда речь шла о других странах, с которыми также имелись соглашения, оно было выше. Например, в докладе 1922 года о поданных в Сибири прошениях от тех, кто выбрал польское гражданство, сообщается о 1940 одобренных заявлениях, 79 случаях отказа и 29 делах, отосланных в Москву для вынесения решения^[575]. Эти результаты демонстрируют значительное различие между принципом свободной оптации и реальностью официальных преград на пути людей, желавших покинуть страну. В архивах можно найти намеки на то, что проблема бюрократических препон могла решаться с помощью взяток. Однако в 1920-х годах, когда персонал учреждений пограничного контроля стал более многочисленным, когда

структура их усложнилась, а идеологическое значение возросло, добиться этого стало сложнее^[576].

Репатриация и великая денатурализация

Первая мировая и Гражданская войны, крах городской экономики и голод в деревне вынудили около двух миллионов российских подданных искать убежища по всему миру, но в первую очередь – в Европе и Китае. Эти беженцы представляли собой поэтапно увеличивавшуюся разнородную группу. В эпоху Гражданской войны многие люди спасались от ожесточенных военных действий, эпидемий, падения городской экономики, голода в сельской местности (особенно свирепствовавшего в 1921 году). Сотни тысяч поляков, литовцев, украинцев, латышей, молдаван и эстонцев отправлялись по своим только что обретшим независимость национальным государствам, но также многие находили дорогу в другие места в Европе и по всему миру. После того как большевики победили Польшу и разбили Белую армию, многочисленные солдаты и гражданские лица отступили и эмигрировали, чтобы не оказаться под их властью. Среди эмигрантов было немало бывших государственных служащих, а также руководителей Белой армии (прежде всего, армии Петра Николаевича Врангеля, последнего генерала, покинувшего поля сражений и отбывшего из Крыма).

Одним из самых необычных аспектов ситуации было наличие большого количества этнических русских среди беженцев/эмигрантов. Это знаменовало первую серьезную волну эмиграции русского населения в истории страны^[577]. Большевицкая политика в отношении новой русской диаспоры сильно колебалась между давней традицией всеми возможными способами удерживать русских в стране или сохранять их гражданский статус, с одной стороны, и желанием навсегда разорвать все связи с лицами, лояльность которых была под подозрением как раз из-за того, что они покинули страну, – с другой. В конечном счете большевики решительно выбрали вторую стратегию.

После Гражданской войны большевицкое правительство проводило противоречивую политику в отношении возвращения ветеранов Белых армий. В январе 1921 года в «Правде» была опубликована статья главы Центропланбежа – Александра Владимировича Эйдука, в которой содержалось обещание изменить политику так, чтобы побудить солдат к возвращению. Затем, весной 1921 года, в Новороссийск из Османской империи со всей возможной торжественностью вернулся корабль «Решид-Паша» – с 3000 казаков из армии Врангеля на борту^[578]. Еще одним успехом, одержанным пропагандистами в 1921 году, стала операция ЧК, в результате которой высокопоставленного героя армии Врангеля, генерала Якова Александровича Слащева, убедили вместе с несколькими другими офицерами и товарищами вернуться в РСФСР^[579]. Однако на протяжении того же, 1921, года поведение властей оставалось неоднозначным. Вскоре после прибытия «Решид-Паши» Политбюро приняло резолюцию, запрещающую солдатам армии Врангеля возвращаться в РСФСР. Более того, каким бы пропагандистским успехом ни было возвращение Слащева, отношение властей к любому вернувшемуся белому офицеру оставалось суровым. Как правило, такие люди подвергались допросам, регистрировались и попадали под строгий надзор, их интернировали или приговаривали к тюремному заключению на срок до двух лет. Могли иметь место отступления от этих общих правил, но требовалась поистине слепая вера (которой некоторые обладали), чтобы считать, будто особое отношение к Слащеву будет распространяться и на других^[580].

Наконец 3 ноября 1921 года ВЦИК обнародовал эпохальное постановление об амнистии для всех низших чинов, силой или «обманом» принужденных служить в Белой либо Украинской национальной армии^[581]. У таких людей было три месяца после формирования комитета по амнистии в их стране (или период до 1 мая 1922 года в Австрии, Германии и Чехословакии), чтобы воспользоваться амнистией. Составленные ЧК инструкции по переселению показывают, что к этим людям относились с крайней

подозрительностью. Они не могли селиться ближе ста верст от западной или кавказской государственных границ, и каждый возвращенец должен был пройти процедуру «фильтрации» – две недели допросов и проверок, проводимых особыми отделами ЧК. Фильтрация устраивалась не для проформы. Инструкции побуждали чекистов внимательно искать шпионов и шпионок, притворившихся родителями или женами возвращающихся ветеранов. Любого, попавшего под подозрение в измене, следовало арестовать, и те двое, кто удостоверил благонадежность арестованного, также подлежали наказанию. И даже те, кто прошел проверку, должны были в особом порядке регистрироваться и помещались под надзор. Более того, согласно донесению Максима Максимовича Литвинова (тогда замнаркома по иностранным делам) из Чехословакии от 14 февраля 1922 года, проведению амнистии серьезно препятствовали чинимые со стороны ЧК бюрократические препоны и значительная недостача средств. В других донесениях из Европы упоминаются служебная некомпетентность и беспорядок, которые должны были серьезно мешать проведению постановления в жизнь. В одном из случаев М. А. Страшкевич, репатриант из фильтрационного лагеря в Чехословакии, опротестовал сообщение в советской газете, согласно которому его застрелили на границе, и указал, что на самом деле жив и здоров и очень расстроен тем, что его изобразили активным белогвардейцем, стремящимся нелегально проникнуть в Советский Союз^[582].

На офицеров всеобщая амнистия не распространялась – вероятно, из-за их большей политической убежденности и того, что они с большей вероятностью могли иметь буржуазное или дворянское происхождение. Вместо этого офицеры имели возможность подать заявление и пройти сложную процедуру амнистии в индивидуальном порядке^[583]. Групповая амнистия была также объявлена для поволжских немцев, калмыков, крымских беженцев и других групп населения, которые, спасаясь от голода, бежали в Османскую империю.

В 1922 году большевики создали «Союз возвращения на родину», чтобы попытаться убедить оказавшихся за границей рядовых российской армии вернуться^[584]. Эти попытки возымели некоторый успех, особенно среди казаков. Однако в целом советские власти с очень большим подозрением относились к любому гражданину, который оказывался за границей как беженец или эмигрант^[585]. Это не было исключительно проявлением паранойи: многие политически активные индивиды и группы находились в решительной оппозиции к большевикам и были преданы борьбе с их режимом. Однако также было немало людей, отправившихся на родину по причинам, далеким от политики. Бюрократические сражения по поводу проводимой политики сталкивали НКВД (склонный защищать скорее российских граждан за границей, чем престиж государства) с НКВД и ОГПУ, не желавшими допускать идеологически подозрительных лиц в страну^[586]. В октябре 1922 года ОГПУ одержало решительную победу, став высшей инстанцией как в случае принятия решений о репатриации, так и при выдаче виз^[587].

Несмотря на попытки привлечь иммигрантов и побудить мигрантов к возвращению, предпринятые в начале 1920 года, в ноябре того же года власти начали проводить жесткую политику в отношении тех, кто немедленно не вернулся. Постановления от 3 и 19 ноября 1920 года предписывали конфисковать всю землю, недвижимость и личное имущество лиц, покинувших территорию РСФСР^[588]. Это было равнозначно принятию действенных мер против возвращения эмигрантов и беженцев и заложило основу общего отношения большевиков к диаспоре: возвращайтесь немедленно или не возвращайтесь никогда.

В русле этой политики был принят и исторический декрет ВЦИК и Совета народных комиссаров (СНК) от 15 декабря 1921 года, провозгласивший денатурализацию всех лиц следующих категорий:

а) Лица, пробывшие за границей непрерывно свыше пяти лет и не получившие от Советских представительств заграничных паспортов или соответствующих удостоверений до 1 июня 1922 года.

<...>

б) Лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 года без разрешения Советской власти.

в) Лица, добровольно служившие в Армиях, сражавшихся против Советской власти или участвовавших в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях.

г) Лица, имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения срока таковой.

д) Лица, не подходящие под пункт «а»... находящиеся за границей и не зарегистрировавшиеся в указанный в п[ункте] «а»... срок [то есть к 1 июня 1922 года] в заграничных представительствах РСФСР^[589].

В течение следующих полутора лет подобные декреты издали и другие советские республики (последним стал декрет, принятый 21 мая 1923 года Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой)^[590]. С формированием в 1922 году Советского Союза и обнародованием в 1924 году советской Конституции было создано единое советское гражданство. Новый закон утвердил массовую денатурализацию, проведенную в соответствии с законами отдельных советских республик, и добавил, что любое лицо, легально или нелегально покинувшее территорию Советского Союза и в ответ на требование властей отказывающееся вернуться, теряет советское гражданство. Кроме того, закон давал судам право использовать лишение гражданства в качестве наказания^[591].

Немногие эмигранты желали получить советское гражданство, а если желали, то вовсе не обязательно автоматически его получали. Чиновники за рубежом и на границе были проинструктированы о необходимости сохранять бдительность и не позволять классовым врагам и любым лицам, которых так или иначе можно было заподозрить в неблагонадежности, натурализоваться или возвращаться в страну^[592]. Декрет от 15 декабря 1921 года означал массовую денатурализацию подавляющего большинства бывших подданных Российской империи, проживавших за ее пределами. В межвоенный период большинство государств вводило все более строгую иммиграционную политику и политику натурализации, сделав для эмигрантов очень сложным получение гражданства страны проживания. В результате появилось примерно полтора миллиона лиц без гражданства^[593]. Те немногие, кто вернулся, были зарегистрированы милицией и оказались вынуждены подписать обязательство не покидать территорию Советского Союза^[594]. Массовая денатурализация российских беженцев стала первым подобным актом, предпринятым в Новейшее время, и мир не был готов к ее последствиям^[595]. Отчасти инновационное решение проблемы российских беженцев, лишенных гражданства, предложила Лига Наций, создавшая для этого специальный комитет во главе со знаменитым полярным исследователем Фритьофом Нансеном. Нансен попытался решить вопрос, побуждая беженцев вернуться в Советский Союз. Он проследил за возвращением приблизительно полумиллиона человек, по большей части военнопленных. 5 июля 1922 года он ввел для них новый документ, удостоверявший личность и позволявший путешествовать через признававшие его страны. Этот документ получил известность как «нансеновский паспорт». Что еще важнее, Нансен сумел убедить многие страны признать законность этого документа: в 1922 году – двенадцать стран, а к концу 1920-х – пятьдесят одну^[596]. В 1920-е годы было выдано приблизительно 450 000 таких паспортов.

Нансеновский паспорт позволял своему владельцу путешествовать по странам, признающим этот документ, хотя при возвращении в Советский Союз паспорт аннулировался. В целом его владелец нес все обязанности гражданина страны проживания, но необязательно получал все права гражданства. Каждая страна сама определяла правила получения социального обеспечения беженцами и допуска их в общественные организации, и от страны к стране такие привилегии очень различались^[597]. Когда Турция последовала примеру Советского Союза и объявила о

массовой денатурализации армянских беженцев, Нансен сходным образом начал решать проблему армян, оставшихся без гражданства^[598].

Если рассматривать вопрос в исторической перспективе, великая денатурализация была в некоторых отношениях основана на российских традициях. С XVIII по XX век власти делали исключения из общего правила, запрещавшего эмиграцию, требуя, чтобы группам населения, решившим покинуть страну, было навсегда запрещено возвращаться, что часто сопровождалось денатурализацией. Однако такой вид эмиграции и денатурализации всегда применялся лишь в конкретных случаях и никогда не становился общей политической стратегией, используемой в отношении всех эмигрантов. Более характерной была крайняя неготовность старого режима позволять подданным – даже якобы менее ценному еврейскому населению – выход из российского подданства.

Возможно, самым значительным разрывом с эмиграционной политикой предыдущей эпохи стали денатурализация и фактическое признание эмиграции миллионов этнических русских. Царские власти были готовы на многое, чтобы предотвратить эмиграцию, и демонстрировали серьезное нежелание разрешать или признавать денатурализацию любых представителей русского населения. На деле эти власти, когда только было возможно, стремились содействовать обратной миграции представителей тех наций, которые считались коренными. Таким образом, массовая денатурализация оказалась беспрецедентным событием. За несколько лет страну покинуло в пятнадцать раз больше этнических русских, чем за всю российскую историю до 1914 года, и в ответ советская власть сделала такую массовую эмиграцию постоянной, денатурировав эмигрантов и конфисковав их собственность.

Но, несмотря на это, великая денатурализация не положила конец явлению обратной миграции. На самом деле на протяжении последующих лет и десятилетий попытки убедить группы эмигрантов вернуться спорадически возобновлялись. Несколько групп казаков, сражавшихся на стороне Белой армии, некоторые немецкие фермеры, финские рабочие и представители других групп в 1920-х годах возвращались в Советский Союз. Однако с точки зрения процессуальных норм или официальных процедур эта обратная миграция вряд ли отличалась от иммиграции иностранцев. Таким людям приходилось подавать заявление с просьбой о разрешении им иммиграции, преодолевая бюрократические преграды, и каждое групповое заявление рассматривалось неизменно подозрительным и все более подверженным ксенофобии ОГПУ. При таких условиях и в целом сложной экономической ситуации количество возвращающихся мигрантов оставалось очень небольшим – оно вряд ли составляло значительный процент от бывших подданных царя, рассеянных по миру. По оценкам исследователей, приблизительно 200 000 низших чинов Белой армии вернулись в страну по окончании Гражданской войны. Надежных оценок числа вернувшихся гражданских лиц нет^[599]. Как мы видели, легальное возвращение эмигрантов было сложным и рискованным предприятием. Нелегальное, нерегистрируемое возвращение было еще опаснее – даже в хаосе первых лет советской власти. Есть несколько документированных случаев нелегального возвращения небольших групп людей, включая прибытие почти 3000 офицеров армии Деникина в ноябре 1920 года. Но история их возвращения – с участием контрабандистов, рыбаков, дачей взяток и тому подобным – лишь подчеркивает, насколько опасным и сложным был нелегальный путь. К этой опасности добавлялось в высшей степени подозрительное и враждебное отношение властей. Например, на встрече членов Политбюро в мае 1922 года Ленин предложил казнить любого эмигранта, вернувшегося из-за границы без разрешения властей^[600].

Великая денатурализация явилась также важным шагом к экономической и социальной изоляции, ставшей отличительной чертой Советского Союза. Этнические диаспоры, как уже отмечалось, могут быть существенным источником международного общения, инвестиций, доходов и обмена^[601]. Между тем в начале 1920-х годов Советский Союз решительно порвал связи с большой диаспорой, сделав путешествия и в конечном счете

даже сообщение между диаспорой и советским населением очень сложными, если не невозможными. Решительное изменение политики сопровождалось интересной дискуссией, произошедшей в 1922 году между замнаркома НКВД Максимом Литвиновым и зампредом ГПУ Генрихом Ягодой. Последний – будущий глава спецслужб в эпоху Большого террора – пылко ответил на предложение ВЦИК определить условия повторного принятия в советское гражданство бывших российских подданных, денатурализованных в соответствии с декретом от 15 декабря 1921 года. Не вполне грамматически верно, но с большим жаром Ягода заявлял, что правительство не должно приветствовать возвращение ни конторских служащих с их навыками, ни «так называемого рабочего элемента», который он объявлял политически несознательным и не имеющим представления о сути Советского Союза. Он писал, что такие легковверные люди ненадежны, тогда как среди вернувшихся служащих, без сомнения, найдутся личности непримиримые, крайне нежелательные и даже опасные^[602].

Более того, по завершении великой денатурализации Советский Союз вернулся к старой политике отказа признавать натурализацию своих граждан за рубежом. К концу 1920-х годов покидавшие страну и принимавшие иное гражданство советские граждане уже не считались свободными от уз, налагаемых советским гражданством. Что еще важнее, власти стали проявлять крайнюю суровость в эмиграционной политике. По мере создания и укрепления институтов пограничного контроля возможностей для проведения такой политики становилось все больше. Например, когда группы немцев и поляков попытались в конце 1920-х годов воспользоваться старыми методами и тайно ускользнуть из страны, практически все они были остановлены на границе. Те, кому позволялось уехать, должны были проходить особую процедуру. А в 1930-х, когда Советский Союз выстроил одну из самых эффективных систем пограничного контроля из когда-либо созданных, позволявшую удерживать население внутри страны, эмиграция стала практически невозможна^[603].

Лишение прав гражданства и свободного передвижения

Великая денатурализация россиян, оказавшихся за границей, хорошо вписывается в более широкий контекст советского подхода к отечественному гражданству, включавшего своеобразный вариант частичной денатурализации – лишение прав гражданства при сохранении обязанностей и самого статуса гражданина. Вскоре после Октябрьской революции власти отменили фундаментальный принцип Февральской революции, согласно которому все граждане обладали полными и равными правами. Власти разделили население на *наполноправных граждан* и *лишенцев*^[604]. Граждане могли быть лишены прав в индивидуальном или коллективном порядке (как представители одной из категорий населения, составивших длинный список, в том числе торговцев, духовенства, лиц, использовавших наемный труд, бывших дворян, бывших полицейских, а также душевнобольных). Как заметила Гольфо Алексопулос, *группа лишенцев* «в разное время определялась по-разному. С точки зрения партийного руководства, они могли быть представителями классов, семей, кланов, а также национальных или этнических меньшинств»^[605]. Появление данной категории можно рассматривать как инновационный маневр в классовой войне или как воссоздание традиции формирования разных пакетов прав и обязанностей для разных групп населения, издавна существовавшей в российской истории. В этом смысле такая политика знаменовала еще один шаг, сделанный режимом на пути от «гражданства» к новой форме советского «подданства». Мощная революционная идеология гражданства – с его обещанием равных прав для всех – была замещена идеологией классовой войны, предполагавшей лишение некоторых групп населения прав и одновременно расширение привилегий для других (таких, как крестьянская беднота, рабочие и «отсталые» национальности). Согласно Алексопулос, «невозможно переоценить значение социальной дискриминации в СССР (как положительное, так и

отрицательное) для создания ситуации неравенства граждан и лишь частичного признания притязаний некоторых групп населения на гражданство»^[606].

Дифференциация прав гражданства в соответствии с общественным классом людей, их национальностью и другими критериями с самого начала была ключевой характеристикой большевистской политики гражданства. Однако эффективность такой дифференциации зависела от рабочих систем регистрации, обеспечения документами и контроля над населением. При старом режиме был достигнут заметный прогресс в превращении внутреннего паспорта в единый документ, удостоверяющий личность и служащий способом регистрации населения и контроля за его передвижениями^[607]. Но старые системы паспортов и видов на жительство были слишком тесно связаны со старым общественным порядком сословий, и большевики не могли просто принять и расширить или изменить прежние системы. Вместо этого Совнарком декретами от 5 октября 1918 и 25 июня 1919 года попытался заменить паспорта и иные элементы внутренней паспортной системы трудовыми книжками. То была типичная для «военного коммунизма» политика. Она преследовала цель мобилизации труда и выявления и наказания тех, кто не работал. По сути своей то был пример все более отчаянных попыток государства мобилизовать производство для военных целей в условиях полного краха рынка и большей части промышленности, а также заместить рабочий контроль управления централизованным и принудительным административным контролем^[608]. Введенная под лозунгом «Кто не работает, тот не ест», эта политика ставила целью скорее победу в войне, нежели построение социализма. Большевики назначили жестокое наказание и угрожали применять такую политику к любому представителю любого общественного класса, неспособному доказать, что он трудится. Владельцы трудовых книжек должны были ежемесячно регистрироваться в местном совете, и ни работа, ни жилье, ни продуктовые карточки не предоставлялись без предъявления данных книжек. В теории эта система заменяла старую систему видов на жительство и внутренних паспортов новым, строгим сводом мер контроля за передвижениями внутри страны, но на практике государство вряд ли было способно во время Гражданской войны навязать ее населению.

С другой стороны, эта политика также ставила своей целью поддержку рабочего класса. Каждый должен был зарегистрировать в трудовой книжке свой социальный статус. Книжку нужно было предъявлять при переезде, миграции и, что самое важное, при получении продуктовых карточек. «Нерабочие элементы» часто обнаруживали, что трудовые книжки были способом ограничить их права, имевшие ключевое значение для выживания в годы голода и экономической катастрофы^[609]. Данная политика знаменовала ошеломительную попытку расширения бюрократического контроля над населением и использования его в ходе классовой войны и мобилизации. Но при проведении ее, этой политики, в жизнь большевики столкнулись с огромными препятствиями практического характера. Разрыв между намерениями и реальностью может быть хорошо проиллюстрирован докладом НКВД Народному комиссариату финансов (Наркомфину) от 5 февраля 1921 года: согласно этому докладу, выполнение декрета о трудовых книжках застопорилось из-за недостатка бумаги. Требовалось 28 000 пудов (458 640 килограммов) бумаги, и выдвигалось предложение использовать документы повторно^[610].

Правительство постаралось обеспечить режим ограничений более прочным основанием, в феврале 1922 года вновь введя паспорта. Однако оказалось, что эти системы несовместимы с произошедшим весной 1921 года поворотом к новой экономической политике (нэпу) и вновь созданным ограниченным внутренним рынком зерна, потребительских товаров и рабочей силы. В результате декрет Совнаркома от 20 июня 1923 года лишил внутренние паспорта и трудовые книжки статуса необходимых документов^[611]. Это означало ослабление административного контроля над населением и его внутренними перемещениями – ослабление, но не конец. С началом принудительной индустриализации и коллективизации контроль все более ужесточался. Кульминацией этого процесса стало повторное введение в 1932 году

драконовской системы внутренних паспортов, нацеленной на насильственное контролирование внутренней миграции и на прикрепление крестьян к их деревням и колхозам. Советских граждан привязывали к местам их проживания новыми прочными узами, которые, в сочетании со значительно усиленным пограничным контролем и кордонами, оказались удивительно эффективными в деле предотвращения незаконной эмиграции^[612].

В 1926 году НКВД начал большую кампанию по «выявлению действительного гражданства» всех лиц, проживающих на территории РСФСР, и перерегистрации всех иностранцев, находящихся в стране. Комиссии рассматривали все документы и дела лиц, чье «подлинное гражданство» вызывало какие-либо сомнения, – с целью раз и навсегда ясно определить, был ли конкретный человек советским гражданином или иностранцем. В результате тысячи людей, просивших о сохранении статуса иностранного гражданина, были вынуждены отказаться от него и перейти в советское гражданство или покинуть страну. Лицам, которых признали иностранцами, документы выдавались с гораздо большей осторожностью, и сами люди эти тщательно регистрировались. Иностранцам стало гораздо сложнее оставаться в Советской России, сохраняя свой статус^[613].

Централизация гражданства

В период революции и Гражданской войны контроль над проведением политики гражданства осуществлялся в теории центральным исполнительным комитетом (ЦИК) каждой из социалистических республик. То было проявление советского федерализма и революционного идеала формирования и роста свободного союза коммунистических республик, который должен был расширяться по мере свершения революций в других странах. В результате в советских республиках на территории Украины, России, Северного Кавказа, в Дальневосточной Республике, Белоруссии, Закавказской Республике и Грузии были изданы отдельные законы о гражданстве. Содержание этих законов менялось от республики к республике, причем иногда довольно значительно. Например, в отличие от закона РСФСР, украинский закон строго придерживался «принципа почвы»: каждый, кто родился на украинской земле, рассматривался как гражданин Украины. От республики к республике варьировались сроки и процедуры оптации, в ходе которой беженцы обретали гражданство. Народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин указывал, что в ответ на декрет от 15 декабря 1921 года, требовавший, чтобы бывшие российские подданные вернулись на родину или были формально лишены права на советское гражданство, различные республики приняли разные законы. Чичерин с возмущением отмечал, что Белорусская ССР даже вовсе не издала закона по этому поводу. Украинская ССР проводила свою собственную политику в отношении натурализации украинцев в Польше и беженцев, проникающих на советскую территорию^[614].

Однако вскоре после революции НКВД и ОГПУ ограничили степень децентрализации. К октябрю 1922 года ОГПУ тайно сосредоточило в своих руках контроль над принятием всех решений о репатриации и эвакуации беженцев в Советский Союз и из него^[615]. Постановление 1923 года дало ОГПУ контроль над всеми передвижениями через границу^[616]. Причем ОГПУ старалось сохранить свою роль в тайне. Так, в ответ на одну петицию иностранный отдел ОГПУ проинформировал НКВД, что отказал просителю-поляку в праве покинуть страну, но отдал местным властям приказ не раскрывать роль ОГПУ, чтобы соблюсти конспиративный характер его работы^[617].

Формальная, открытая и более систематическая централизация гражданства произошла с утверждением 29 октября 1924 года «Положения о союзном гражданстве» (полный текст помещен в конце этой книги, в приложении II). Закон стал поводом для нескольких жарких споров в Конституционной комиссии – особенно много сомнений вызывала утрата контроля над политикой гражданства на республиканском уровне. Чичерин настаивал на жесткой централизации, жалуясь, что первые версии закона

включали так много ссылок на республиканское гражданство, как будто союз республик создавался с целью продемонстрировать общественности его бессмысленность. Он настаивал, что следует использовать слова «*советское гражданство*»^[618].

Комиссар просвещения Украинской ССР Александр Яковлевич Шумский сердито возразил ему, в целом настаивая на том, что Украинская Республика должна сохранять свою автономию в вопросах гражданства. Многие его доводы касались тех уникальных особенностей, которые Терри Мартин назвал советской «пьемонтской политикой» создания образцового советского украинского культурного дома, который будет привлекателен для украинцев, находящихся за пределами Советского Союза (по большей части в Восточной Польше), и аналогичной политикой для других национальностей, разделенных советскими границами^[619]. Шумский утверждал, что политика гражданства – от выдачи виз приезжим из Галиции до принятия ее уроженцев в советское гражданство – лучше всего осуществлялась бы на уровне Украинской Республики. Он заявлял, что повседневное неуклюжее вмешательство Москвы в самые незначительные случаи натурализации и иммиграции, осуществляемое посредством НКВД и ОГПУ, подрывает эту важную внешнюю и национальную политику. Способность украинских властей предложить именно украинское гражданство была, по его словам, в высшей степени привлекательна для родившихся в Галиции и на Буковине украинцев, проживающих за рубежом. Шумский даже обвинил Чичерина в том, что тот забывает, чем, собственно, является союзная республика^[620]. Он также горько сетовал на то, что Чичерин и НКВД предлагают ввести правила, которые затруднили бы натурализацию украинцев за границей и усложнили бы для них миграцию в Украинскую ССР^[621]. Но другой выступающий отметил, что уже и теперь украинский ЦИК должен при принятии любого решения о натурализации (как и при обсуждении целого ряда проблем, связанных с границами и гражданством) заручаться согласием украинского отделения ОГПУ. Этот выступающий утверждал, что глава ЧК Феликс Эдмундович Дзержинский давно потребовал, чтобы действия украинского ОГПУ предпринимались лишь с одобрения ОГПУ московского. Проще говоря, центр уже контролировал политику гражданства. Вне зависимости от буквы нового закона смысл дискуссии сводился к тому, что ОГПУ сосредоточило в своих руках власть и проводило политику очень жесткого пограничного контроля, в высшей степени негативно относясь к натурализующимся украинцам, персам, китайцам или представителям других этнических групп, проживающим вне территории Советского Союза^[622].

В конце концов довод Чичерина в пользу простого перехода к единому советскому гражданству был видоизменен, чтобы сохранить понятие республиканского гражданства: «Гражданин одной из союзных республик, входящих в состав Союза ССР, является тем самым гражданином Союза ССР и имеет все права и несет все обязанности, установленные для граждан как Конституцией и законодательством Союза ССР, так и Конституцией и законодательством союзной республики, на территории которой он проживает»^[623]. Советские юристы быстро разработали «принцип двуединства советского гражданства», состоявший в том, что союзное гражданство очевидным образом имело приоритет перед республиканским и включало его в себя. Официальная политика все еще одобряла наличие у каждого гражданина Союза также и республиканского гражданства, но некоторым группам и отдельным лицам позволялось принимать союзное гражданство без какого-либо гражданства республиканского уровня^[624]. Короче говоря, республиканское гражданство сохранялось открыто и юридически, но фактически тайный контроль над гражданством в значительной степени сосредотачивался «в центре». А поскольку в вопросах гражданства «центром» были ОГПУ и НКВД, то на деле политика гражданства имела гораздо больше общего с советской ксенофобией, чем с «пьемонтским» вариантом старого принципа «Привлекай и удерживай», который был лейтмотивом давней традиции гражданства Российской империи^[625].

Другой важный и сохранявший свое значение вопрос, который поднимался при обсуждении будущего «Положения о союзном гражданстве», касался статьи 12 (об

утрате советского гражданства). Чичерин сообщал, что комитет не может прийти к согласию по этому вопросу и потому не включает данную статью в правовой порядок денатурализации (за исключением ряда изъятий из этого правила, например в отношении оптантов и беженцев). Чичерин и НКВД решительно поддерживали закон о денатурализации, чтобы сократить количество случаев двойного гражданства и решить многие международные споры о гражданстве, но их попытки поставить этот вопрос встретили отпор со стороны ГПУ. Чичерин утверждал, что простая процедура денатурализации на местном уровне была упразднена во время Гражданской войны и экономической разрухи, когда многие люди начали покидать страну и выходить из ее гражданства. Он винил ЧК во введении полного запрета на денатурализацию, который представлялся ему «вполне империалистическим»^[626]. После продолжительной дискуссии комитет проголосовал за то, чтобы описать процесс как «выход из советского гражданства», а не «выход из гражданства Союза и тем самым из гражданства республик». Однако поскольку решение было принято лишь незначительным большинством голосов, то роль республиканских ЦИК в процессе денатурализации не отменили и постановили, что выход из союзного гражданства возможен с разрешения как республиканских ЦИК, так и Всесоюзного. Впрочем, учитывая, что в каждом отдельном случае требовалось тайное одобрение ОГПУ, в принципе враждебно относившегося к денатурализации, сложно полагать, будто эта статья имела сколь-нибудь серьезное значение. Не будет преувеличением сказать, что на практике индивидуальная денатурализация оставалась под запретом^[627].

В этих двух важных вопросах приоритетным оказалось мнение представителей органов внутренних дел. Их влияние заметно также в статье 3 указанного положения («Каждое лицо, находящееся на территории Союза ССР, признается гражданином Союза ССР, поскольку не будет им доказано, что оно является иностранным гражданином»). Данная статья на первый взгляд кажется просто прагматичной. Однако она вводит новый принцип, потенциально затрагивающий очень многих людей, которых в противном случае сочли бы иностранцами или лицами без гражданства. Например, весьма значительная часть рабочих, временно находившихся в России, – в особенности из Кореи, Китая и Персии – приезжали без документов или не желали обновлять их. Положение о гражданстве, по сути говоря, объявило этих людей советскими гражданами. Равным образом статья 3 положила конец двусмысленному статусу иностранцев или бывших российских подданных, которые не смогли осуществить свое право оптации и в установленные сроки принять гражданство другой страны.

Иммиграционная политика и политика присвоения гражданства

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – таким был призыв марксистского движения с 1848 года. Хотя начать мировую революцию оказалось не так-то легко, власти в принципе распахнули двери для рабочих, коммунистов и других лиц, желавших переехать в центр революционных событий. Поначалу после 1917 года отношение к таким иммигрантам было доброжелательным, однако количество их из-за Гражданской войны, иностранной интервенции, блокады, страшных эпидемий, голода и экономической разрухи оставалось очень невысоким. К тому же, как мы видели, спецслужбами вводились ограничения, затруднявшие иностранцам въезд в страну. Ситуация изменилась в конце Гражданской войны, когда в период нэпа экономика оживилась, а голод и эпидемии отступили.

Наиболее известными иммигрантами, приехавшими в Советский Союз в 1920-х годах, были те, кто сделал это по политическим соображениям: ветераны подавленных коммунистических восстаний в Венгрии и Германии и активисты коммунистического движения со всего света^[628]. В одном из самых первых советских декретов о политике гражданства говорилось, что «всякий иностранец, преследуемый у себя на родине за преступления политического или религиозного порядка, в случае прибытия в Россию пользуется здесь правом убежища»^[629]. Но для иммиграции существовало и множество

других причин. Основную массу иммигрантов составляли различные бывшие царскоподданные, возвращавшиеся на родину. Военнопленные и другие лица возвращались, прежде всего, чтобы соединиться с оставленными членами своих семей. Однако на протяжении 1920-х годов безработица и отсутствие доступной земли мешали большому количеству бывших российских подданных вернуться домой. Одним примечательным исключением из этого правила стали 20 000 карелов, преимущественно финского происхождения, которые некогда были российскими подданными и теперь вернулись в Карелию как из Финляндии, так и из более отдаленных мест, в частности из Северной Америки. Их привлекли обещания, что они получат работу и землю в сравнительно малонаселенном регионе, а также значительную культурную автономию, которая предлагалась в рамках советской «пьемонтской политики»^[630]. Теоретически эта стратегия была мощным средством стимулирования политики открытости в отношении иммиграции из-за границы. На деле, однако, она, как кажется, не имела существенных последствий (за исключением особого случая Карелии). В значительной степени это произошло из-за советской политики нетерпимости к двойному гражданству и передвижениям через границу. Даже в случае карелов местные власти, отвечавшие за безопасность, часто вступали в конфликт с Народным комиссариатом по делам национальностей^[631].

Окончание Гражданской войны, снятие в январе 1920 года блокады и объявление о переходе к нэпу в марте 1921 года были элементами важного разворота в сторону более прагматичного стиля управления. С точки зрения иммиграционной политики ситуация являлась неоднозначной. Весной и летом 1920 года на ряде встреч, проходивших на самом высоком уровне, обсуждались весьма далеко простиравшиеся планы облегчения иммиграции для промышленных и сельскохозяйственных рабочих, предпочтительно – обладающих навыками, которые могли бы увеличить продуктивность советской экономики. Сам Ленин проявлял к этим обсуждениям большой интерес и в споре одержал верх над сторонниками изоляции и теми, кто был слишком озабочен вопросами безопасности. Для проведения в жизнь указанной программы (ядром которой были переговоры с ассоциацией, планировавшей привезти в страну 100 000 немецких иммигрантов) было выделено 350 миллионов рублей. Целью этого поощрения иммиграции представлялось как возвращение мигрантов в страну, так и привлечение в нее иностранцев^[632]. Переписка и переговоры с другими многочисленными группами, заинтересованными в переезде в Советский Союз, ширились, и руководство создало Постоянную комиссию по иммиграции и эмиграции в рамках Совета труда и обороны (СТО), дав ей полномочия координировать иммиграционную политику и вести переговоры в случаях индивидуальной и групповой иммиграции.

20 ноября 1920 года Ленин ввел новую политику, которая (подчиняясь жестким ограничениям) позволяла иностранным инвесторам приходить на советский рынок и начинать деловые операции в форме «концессий», управлявшихся в соответствии со старым принципом заключения «сепаратных сделок»^[633]. Были введены особые процедуры, облегчавшие получение виз для сотрудников концессий, которым был разрешен въезд в страну. В течение нескольких лет власти очень надеялись на возможный вклад иностранных инвесторов в восстановление экономики и на ее рост благодаря системе концессий, хотя содержание шедших в Центральном комитете дискуссий демонстрирует, что к последней с самого начала относились с серьезным предубеждением и недоверием^[634].

Помимо этого, некоторые члены религиозных групп, эмигрировавшие в поисках большей свободы вероисповедания, подавали прошение о возвращении в Советский Союз. Несмотря на официальную враждебность большевиков ко всем религиям, в переписке я нашел лишь малое число свидетельств того, что религия играла какую бы то ни было роль в принятии решений по групповым петициям духоборов, молокан, толстовцев и других религиозных групп. Возможно даже, что преследования этих групп, имевшие место при старом режиме, говорили в их пользу^[635]. Особенно резко

изменилось положение евреев. При старом режиме иностранному еврею было исключительно сложно переехать в империю и еще меньше шансов у него было получить одобрение на натурализацию. Что же касается еврейских эмигрантов, то, как я уже указывал, тем немногим, кто уезжал легально, иногда навсегда запрещали возвращение в Российскую империю, а те, кто покидал страну нелегально, при возвращении тоже сталкивались со многими преградами. В противоположность этому, комиссия СТО приняла решение не препятствовать возвращению евреев, уехавших в Палестину, и в целях предотвращения дальнейшей еврейской эмиграции попыталась проинформировать проживавших в Советском Союзе евреев о мрачной реальности эмигрантской жизни^[636]. Короче говоря, в ранний советский период власти приветствовали еврейскую иммиграцию и натурализацию и препятствовали эмиграции, что в корне отличалось от политики, проводившейся при старом режиме.

Наконец, комиссия СТО очень часто одобряла петиции, поданные немцами – как бывшими царскими подданными, так и коренными немцами, искавшими в Советском Союзе работу и землю^[637]. Это, конечно же, было прямой противоположностью политике периода Первой мировой войны, но внутренние обсуждения немецких петиций об иммиграции невероятно похожи на дискуссии, которые велись в XVIII столетии. Много говорилось о мастерстве и знаниях немцев, и предпринимались попытки селить их не компактно, а скорее по всей территории страны, чтобы они могли служить примером владения передовыми технологиями^[638]. В целом положительное отношение к немецким иммигрантам и реэмигрантам дополнялось решительным сопротивлением попыткам немецкого правительства обращаться с этническими немцами, некогда бывшими российскими подданными, как с обладателями прав немецкого гражданства. Советские власти настаивали на том, что такие немцы оставались исключительно гражданами Советского Союза и не могли пользоваться привилегиями или покровительством Германии, как и любой другой иностранной державы^[639].

Кроме того, национальная политика нового режима в 1920-х годах казалась совместимой с иммиграцией различных окраинных народов. Политика коренизации в советских республиках была терпимой и даже способствовала культурной и лингвистической консолидации титульных национальностей каждой республики. До централизации гражданства, произошедшей в 1922–1924 годах, вожди советских республик пользовались значительной свободой в формировании собственной политики гражданства. Как мы уже видели, это оказалось особенно важным для Украины и Кавказа.

Консолидация национальностей могла логичным образом включать своего рода призыв вернуться на родину, иммигрировать в новые советские национальные дома. В принципе иммиграцию таких групп можно было рассматривать как «наглядное доказательство того, что Советский Союз являлся привлекательным для иностранного населения»^[640]. Бюджеты выделяли дополнительные средства приграничным областям, чтобы повысить притягательность этих территорий в глазах зарубежного населения и одновременно предотвратить эмиграцию. И в самом деле, известны случаи обратной миграции и даже иммиграции. Например, приблизительно 20 000 бывших российских подданных финского происхождения вернулись в 1920-х годах в Карелию из Финляндии, Соединенных Штатов и Канады^[641]. Еще более ярким случаем было переселение по меньшей мере 300 000 армянских беженцев из Турции на территорию, которая позднее стала Армянской ССР^[642]. Десятки тысяч украинцев из западных областей Польши в межвоенный период оказались в конце концов в Украинской ССР. Более того, комиссия СТО докладывала, что самую крупную статью ее расходов составила передача тайно выделенных 23 165 рублей для содействия расселению иммигрантов из Восточной Польши в Украинской ССР^[643].

Эти примеры показывают, что советское правительство открыло для иммиграции некоторые ранее закрытые двери и было готово принимать значительные группы

иммигрантов из-за границы. Было бы, однако, неточным характеризовать какой-либо период 1920-х годов как время свободной и доступной иммиграции, даже (а возможно, и в особенности) для некоторых групп, наиболее предпочтительных с идеологической точки зрения.

Тому существует несколько причин. Во-первых, НКВД и ОГПУ удерживали и даже усиливали централизованный контроль над всем процессом. Органы внутренних дел сохраняли озабоченность вопросами государственной безопасности и в целом использовали свою власть, чтобы воспрепятствовать любой новой волне масштабной иммиграции. Во-вторых, на многих уровнях существовали серьезные идеологические противоречия. В-третьих, было ли то результатом сочетания вышеназванных факторов или просто деятельности бюрократии, вышедшей из-под контроля, но потенциальных эмигрантов ожидали столь обременительные и трудоемкие процедуры, что многие на том или ином этапе отказывались от предприятия, а другие, услышав их рассказы, теряли желание иммигрировать^[644]. Четвертой и наиболее важной причиной были неподходящие для иммиграции объективные экономические условия. Безработица и неполная занятость в промышленном секторе оказались решающим аргументом против разрешения иммиграции для рабочего класса, а нехватка земли сыграла не менее важную роль в деревне. Даже на пике нэпа комиссия СТО была далека от поддержки иммиграции рабочих. В июне 1924 года она тайно проинформировала НКВД и ОГПУ, что из-за безработицы, существующей в СССР, возвращение русских эмигрантов следует как можно сильнее ограничить и что с точки зрения СТО необходимо принять все меры, чтобы, возвращаясь, они сталкивались с максимально возможным количеством препятствий^[645].

Статистика показывает, что эта политика энергично проводилась. Между 1922 и 1925 годами СТО заявил о получении 420 000 заявлений от желающих иммигрировать, а одобрил лишь 11 000^[646]. Реальные зарплаты составляли только 30 % от довоенного уровня, условия же труда были ужасны. Некоторые рабочие из первых групп прибывших писали своим землякам об этих шокирующих условиях, и слухи быстро распространялись – через посольства, профсоюзы и другими путями. Советские власти тоже взяли за правило официально предупреждать рабочих об ожидающих их условиях, чтобы избежать неловких ситуаций в связи с их возвращением и дурной славы^[647]. В 1924 году из-за нехватки средств и по перечисленным выше причинам СТО даже отказался от предложения вновь поселить на советской территории 100 000 по большей части этнических русских беженцев из Литвы^[648].

Аграрная революция и крах городской экономики привлекли миллионы рабочих из городов обратно в деревенские общины. Той земли, которую можно было бы раздать иммигрировавшим фермерам, либо было мало, либо не было вообще. Более того, в перспективе власти желали перейти к коллективному сельскому хозяйству. А между тем, чтобы привлечь значительное количество иммигрантов в деревню, потребовалось бы признать их право на владение землей. Ввиду запланированной масштабной реструктуризации отношений собственности такой усложняющий ситуацию фактор, как наличие иностранного населения в деревне, вряд ли мог считаться желательным. И все же – в первую очередь из пропагандистских соображений – власти выделили 220 000 десятин (240 000 гектаров) земли в Поволжье для предоставления сельскохозяйственным иммигрантам. Тем не менее раз за разом СТО налагал так много требований на потенциальных иммигрантов и (чаще) на тех, кто хотел вернуться на родину, что заявители так никогда и не приезжали. Самым широко распространенным подходом было настаивать, чтобы потенциальные аграрные мигранты сами профинансировали свое возвращение и сделали материальные вложения, привезя с собой собственные инструменты и технику. К тому же СТО часто требовал, чтобы еще до переезда потенциальные мигранты сформировали свои собственные артели, так как предпочитал иметь дело с группами, а не с отдельными лицами или семьями. Это оказалось препятствием для многих людей, желавших вернуться, чтобы воссоединиться со своими семьями и общинами в Советском Союзе. Официальная политика СТО не

поддерживала воссоединение семей^[649]. Но намного более важным ограничением являлась нехватка земли. На Украине это было такой проблемой, что, несмотря на признание политической значимости принятия украинских крестьян, оказавшихся в Польше и желавших иммигрировать, украинский Комиссариат земледелия запретил любые миграции в сельскую местность республики. В результате СТО попытался расселить украинцев по Волге и в Сибири. Однако Поволжье не могло быть решением всех проблем. В 1924 году, из-за неурожаев в этом регионе, несколько групп возвращавшихся на родину мигрантов, которые уже были в пути, оказались вынуждены повернуть назад. Нехватка земли считалась настолько важной, что СТО часто отказывал даже группам, желавшим присоединиться к своим семьям и общинам, как произошло, например, в 1926 году в случае 148 немцев, попытавшихся вернуться в Харьков; они решили отказаться от задуманного, после того как им предложили единственный доступный вариант – поселиться в Сибири^[650]. Таким образом, в целом сельскохозяйственной иммиграции практически не существовало. Комиссия СТО докладывала, что с 1922 по 1925 год одобрила ходатайства лишь двадцати двух групп (2300 человек) о поселении в сельской местности, преимущественно в населенных районах, в целях распространения технических знаний. Заселение непаханных земель было делом второстепенным и представляло мало интереса для потенциальных иммигрантов^[651].

На Дальнем Востоке проблему представляли протяженность и малонаселенность приграничных регионов, осложнявшие в начале 1920-х годов задачу отслеживания и контролирования передвижений через границу. Одним из следствий этого стала довольно значительная иммиграция корейских фермеров (многие из них приезжали из Маньчжурии) в приграничные районы Советского Союза. В 1926 году упомянутая выше попытка зарегистрировать иностранцев, находящихся на территории страны, выявила гораздо большее число корейцев, чем ожидали власти. В то же время чиновники стремились поддерживать тех жителей региона, занятых в сельском хозяйстве, которые имели славянское происхождение. Миграцию таких людей в регион продолжали поощрять, полагая, что славяне лучше корейцев или китайцев обеспечат неприкосновенность территории. (Это представление было основано в большей степени на предрассудках, чем на реальности, поскольку для корейцев главным врагом являлась Япония.) Кроме того, советские плановики предпочитали славянскую практику ведения сельского хозяйства корейскому выращиванию риса и подсечно-огневому земледелию. А поскольку земли, доступной для возделывания, здесь было сравнительно немного, власти также полагали, что им нужно остановить корейскую иммиграцию, чтобы обеспечить пригодной землей славянских поселенцев (которых, как ожидалось, станет больше) и чтобы увеличить недостаточно крупные наделы, которыми в то время располагали корейцы, имевшие советское гражданство. Поэтому власти начали проводить политику дальнейшего ограничения иммиграции корейцев и китайцев и их поселения в регионе. К тому же заселение приграничных регионов рассматривалось как вопрос безопасности, а эта территория – как своего рода магнит для дальнейшей незаконной иммиграции. Соответственно, создавались различные проекты, предполагавшие перенос поселений корейцев и раздачу им земли на севере и востоке, вдали от границ. Подобные планы с треском провалились, поскольку земли в этих областях были гораздо ниже качеством. Таким образом, на Дальнем Востоке недостаток пахотных земель сочетался со старорежимными целями: поселить в регионе побольше славян, чтобы обезопасить себя от демографического доминирования азиатского населения. Результатом такого подхода стала попытка закрыть границу для дальнейшей иммиграции и не дать натурализовавшимся иностранцам получить доступ к земле. Ситуация изменилась в период коллективизации, когда власти решили просто обращаться со всеми иностранцами как с советскими гражданами и на общих основаниях сделать их колхозниками. Приблизительно 50 000 выходцев из Азии во время коллективизации бежали с Дальнего Востока за рубеж. Затем государство продолжило укреплять институты пограничного контроля и в той мере, в какой это было возможно, остановило и иммиграцию, и эмиграцию. Кульминацией процесса

стала массовая депортация всего корейского населения в Казахстан и Узбекистан в сентябре – октябре 1937 года.

Другой важный эпизод – история армянских беженцев в Греции, Сирии и многих других странах в 1920-е годы, особенно после того как в 1922 году греки потерпели поражение в войне с Османской империей^[652]. Несмотря на возможный пропагандистский эффект «пьемонтской политики» создания армянской родины и убежища для сотен тысяч беженцев, а также на настойчивые попытки Нансена и Лиги Наций как договориться о расселении десятков тысяч армян, желавших вернуться в Советскую Армению, так и изыскать на это средства, Советский Союз отказался профинансировать полномасштабное возвращение или разрешить его. Причины такого решения не вполне ясны – по-видимому, они были в первую очередь экономическими. Шедшая в комиссии СТО в 1923 году дискуссия закончилась тем, что 50 000 армян, желавших иммигрировать в Советскую Армению, получили позволение сделать это, но лишь при условии что они сами покроют все расходы на переезд^[653]. Требуемые суммы превосходили ресурсы, которыми располагали армяне, а Лига Наций отказалась финансировать проект, поскольку некоторые входившие в нее государства не желали оказывать помощь Советскому Союзу. Нансен потратил несколько лет, пытаясь собрать пожертвования от отдельных стран и организаций. В целом в ходе проекта удалось расселить лишь незначительный процент от желавших иммигрировать беженцев. Согласно докладу Лиги Наций от 1923 года, лишь 6000 армян были переселены в Советскую Армению из Греции^[654]. Разумеется, обратной стороной этой истории было нежелание Советского Союза предоставлять Армянской ССР средства на подготовку земли и жилья для переселения армян. Данный пример показывает, что существовали определенные пределы готовности Советского Союза играть роль центра притяжения для национальных отечеств, расположенных внутри его границ.

Политика натурализации

Политика натурализации тоже с самого начала была полна противоречий. Простое получение советского гражданства служило целям мировой революции и консолидации трудящихся классов в рамках единого сообщества. Когда мировая революция захлебнулась, коммунистический лозунг «Рабочие не имеют отечества» видоизменился: Россия превратилась в социалистическое отечество, к которому все рабочие могли присоединиться. Вблизи границ политика открытых дверей хорошо сочеталась с «пьемонтской политикой» ранних 1920-х, облегчая для этнических групп, разделенных новыми границами, процесс оптации и принятия советского гражданства^[655]. Например, советское консульство в Румынии было проинструктировано о том, что следует позволять уроженцам Бессарабии, прежде входившей в состав Российской империи, селиться в Советском Союзе и натурализоваться. А чтобы «поощрить» принятие ими советского гражданства, их румынские паспорта подвергались конфискации, когда эти люди переселялись в Советский Союз^[656].

Уже в 1918 году НКВД начал сопротивляться сравнительно открытой политике, приглашавшей иностранцев принимать советское гражданство: забрал у местных властей полномочия проводить натурализацию и ввел проверку благонадежности каждого лица, которую следовало осуществлять в столице^[657]. Декрет ВЦИК от 22 августа 1921 года дал властям официальные полномочия отказывать в натурализации лицам, которых они, власти, сочтут «нежелательными» в качестве советских граждан. Он также увеличил значение лояльности, потребовав, помимо прочего, от принимаемых в советское гражданство давать подписку «о том, что они обязуются уважать и защищать от всяких посягательств установленный Конституцией государственный строй РСФСР». Декрет этот по существу объявлял и о том, что натурализовавшийся советский гражданин не может претендовать на двойное гражданство; что любая попытка апеллировать в качестве иностранного гражданина – в поисках дипломатической защиты и обеспечения своих прав – к стране, гражданином которой он ранее являлся,

должна пресекаться советскими властями и рассматриваться как не имеющая законной силы^[658]. Ходатайства о натурализации часто одобрялись условно, причем вручение консульством документа, знаменующего выход из предыдущего гражданства, задерживалось на неопределенный срок^[659].

Несмотря на столь значительные ограничения, общая политика натурализации оставалась весьма открытой, а основным препятствием стало нежелание иностранцев натурализоваться. Зачем терять дипломатическую защиту другого государства, становиться военнообязанным и принимать на себя иные обязательства, если можно, будучи иностранным рабочим, обрести «права» гражданства без натурализации?^[660]

Немного есть свидетельств об иностранцах, желавших тогда натурализоваться, за одним важным исключением – поведением корейцев. В отличие от китайцев, значительное число корейцев на Дальнем Востоке натурализовалось до 1914 года. Во время Первой мировой войны всякая натурализация была запрещена. Во время последовавшей затем Гражданской войны Белая армия адмирала Александра Васильевича Колчака, а также японские и американские войска оккупировали значительную часть районов проживания корейцев. 6 апреля 1920 года по соглашению между большевиками, белыми и союзниками было создано независимое буферное государство, названное Дальневосточной Республикой. Государство это имело свои собственные правила в отношении гражданства, но, по-видимому, не предпринимало попыток активной натурализации корейцев, находившихся в иностранном подданстве^[661]. Когда в 1922 году японские войска покинули данную территорию и она была взята под советский контроль (регион был аннексирован РСФСР 15 ноября 1922 года), новое руководство отказалось признавать какие бы то ни было паспорта или другие удостоверявшие личность документы, выданные корейцам после 1917 года белыми, японцами или иными иностранными властями. По сути дела, это означало, что с любым корейцем обращались либо как с советским гражданином, либо как с иностранцем – в зависимости от того, каков был его статус до 1917 года. В результате корейцы, натурализовавшиеся до 1917 года, смогли автоматически получить гражданство РСФСР^[662]. Однако большинство корейцев в РСФСР были ненатурализованными иностранцами, многие – с просроченными паспортами или попросту без всяких документов. Многие въехали в страну после революции: по одной из оценок, количество корейцев здесь выросло с 54 000 в 1917 году до 168 000 – в 1926-м^[663]. При этом лишь немногие пожелали обновить гражданство в японских консульствах, а советские власти отказывались признавать находящегося на советской земле человека иностранцем, если у него не было имеющих силу документов. Все вместе эти факторы сделали массовую натурализацию логичным решением. Правительство предприняло шаг в данном направлении, разработав необычную программу. Во время Гражданской войны партизаны-подпольщики часто объединялись с большевиками в борьбе против японских вооруженных сил на Дальнем Востоке^[664]. Правительство признало это, бесплатно предоставив вид на жительство примерно 13 000 действующих и бывших корейских партизан, сражавшихся против Японии и за советскую власть^[665]. Процесс завершился в разгар общей кампании против иностранцев в 1926 году.

Однако, хотя идея более широкой, массовой натурализации и обсуждалась, в конечном счете от нее отказались из-за наблюдавшегося в регионе роста этнической напряженности между русскими и корейцами, а также из-за того, что НКВД в принципе выступал против массовой натурализации, предпочитая рассматривать индивидуальные ходатайства, предполагавшие проверку благонадежности. Дальневосточное отделение НКВД настаивало на процессе фильтрации, призванном отсеять нелояльное население и тех, кто сотрудничал с неприятелем в годы Гражданской войны и иностранной оккупации^[666]. Таким образом, вместо массовой натурализации во Владивостоке был сформирован комитет, проверявший и фильтровавший ходатайства. ВЦИК разработал упрощенную процедуру, призванную облегчить натурализацию, но, по имеющимся оценкам, лишь 80 000 из приблизительно 250 000 корейцев на Дальнем Востоке получили к 1922 году советское гражданство, а к 1926-му – натурализацию прошло

гораздо меньше половины корейского населения, после чего она стала намного более сложной и происходила нечасто^[667].

Пример корейцев является в некотором смысле исключением, подтверждающим правило. Хотя он и был беспрецедентным из-за числа людей, которые добровольно принимали советское гражданство, НКВД и противодействие на местах резко ограничило масштаб натурализации даже в этом, атипичном случае. Нежелание проводить натурализацию имело поздние серьезные последствия. В апреле 1928 года, в разгар коллективизации и острого этнического конфликта между корейскими и славянскими крестьянами на Дальнем Востоке, декрет призвал к переселению всех корейцев, не имеющих советского гражданства, из Владивостокской области и других стратегических приграничных и прибрежных зон Дальнего Востока во внутренние районы страны, к северу от Хабаровска. Этот план касался более чем 80 000 корейцев. Хотя в 1931 году, после переселения 2500 человек, его исполнение было остановлено, но было убедительным напоминанием, что политика натурализации может иметь очень серьезные последствия^[668].

Резюмируя, можно сказать, что, хотя идеологически и существовала определенная открытость идее иммиграции и натурализации определенных групп в период нэпа, лишь немногие люди действительно иммигрировали в Советский Союз в этот период и в целом официальное отношение к иммиграции и иммигрантам было довольно враждебным. В 1928 году, во время административной кампании перерегистрации всех иностранцев, проживающих в Советском Союзе, НКВД подсчитал их, и оказалось, что их на тот момент было всего лишь 80 000 человек (меньше одной двенадцатой от количества иностранцев, находившихся в Российской империи в 1913 году)^[669]. Эмиграционная политика вынуждала множество потенциально временных беженцев навсегда становиться эмигрантами без гражданства или права вернуться. Для советских же граждан эмиграция в 1920-е годы становилась все более сложно осуществимой – по мере усиления государства, органов внутренних дел и институтов пограничного контроля.

Угроза войны и поворот к экономической изоляции

Рост могущества государства был очень важен, но лишь всеобъемлющие и взаимосвязанные сдвиги в политике и экономике, произошедшие в конце 1920-х годов, принесли по-настоящему решающие изменения. Подобно тому как начало эпохи современного российского гражданства, последовавшее в 1860-х годах, представляло собой часть всесторонней стратегии быстрой экономической модернизации, связанную с остальными Великими реформами, так и поворот политики гражданства в совершенно новом направлении в конце 1920-х был вызван принятием решений о путях экономического развития.

Поскольку все соглашались, что Советский Союз должен быстро индустриализироваться, чтобы построить социализм и защитить родину революции от враждебного капиталистического мира, руководство по большей части не видело иных средств такой стремительной индустриализации, кроме концессий, ссуд и внешней торговли. В самом деле, советское государство стояло на распутье. Мировая революция становилась все менее вероятной, и самой важной задачей теперь считалось увеличение скорости индустриализации Советского Союза. Преодолевая значительное сопротивление, Ленин настоял на введении нэпа, а вместе с ним – политики, чьими приоритетами были привлечение иностранных инвесторов, стабилизация рубля и рост внешней торговли. Экспорт зерна и внешняя торговля заметно росли, и при наркомфине Григории Яковлевиче Сокольникове удалось снизить инфляцию, ввести полуконвертируемую валюту и ослабить ограничения на провоз драгоценных металлов через границу. В 1923–1924 годах, всего лишь через два года после одного из самых страшных случаев массового голода в современной истории, экспорт зерна вырос до

2,686 миллиона тонн. Составлялись амбициозные планы внешней торговли на следующие годы^[670].

В 1925–1926 годах член Политбюро Николай Бухарин заключил союз с Иосифом Сталиным; положение Бухарина было незыблемым, а экономические идеи – пользовались влиянием. Известно, что он призывал продолжать нэп, чтобы содействовать росту продуктивности крестьянских и кулацких хозяйств и поддерживать равновесие между сельским хозяйством и промышленностью. Гораздо реже упоминают, что в то же самое время он стал одним из наиболее яростных сторонников экономической изоляции – обрушился с критикой на концессии, внешнюю торговлю и импорт, подчеркивая необходимость опираться для роста лишь на ресурсы своей страны. Сталин полностью разделял эти идеи: на XIV партийном съезде он объявил о существовании «генеральной линии, исходящей из того, что, пока есть капиталистическое окружение, мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой»^[671]. Он объявил, что у Советского Союза есть все, что необходимо для построения полностью социалистического общества «без так называемой „помощи“ иностранного капитала». В 1926 году Сталин и Бухарин часто говорили и писали об экономической независимости, громко порицая концессии и другие связи с внешним миром за то, что они вели к «сдаче нашей промышленности иностранному капиталу»^[672].

Лев Троцкий возражал против этого подхода, заявляя, что Бухарин стал «архитектором абсурдной теории замкнутой национальной экономики и замкнутого построения социализма». Больше всего возражений у Троцкого и его сторонников вызывало то, что отстаиваемая Бухариным автаркия потребовала бы от Советского Союза смириться с медленным промышленным ростом, который сам же Бухарин на партийном съезде в декабре 1925 года описал как индустриальное развитие, «плетущееся черепашьям шагом»^[673]. Критики предупреждали, что рост промышленности в эпоху нэпа основан в первую очередь на возвращении в оборот уже существующего капитала, а следующая стадия роста потребует новых, более интенсивных капиталовложений. Единственным способом обеспечить их было расширение программы концессий, оборота торговли, привлечение ссуд и в целом большая вовлеченность в международную экономику. Решение перейти к автаркии для ускорения индустриализации было скорее политическим, чем экономическим. Быстрая автаркическая индустриализация не только шла вразрез с историческими традициями России, но также не знала прецедентов во всемирной истории индустриализации. Автаркический индустриальный скачок был бессмыслен с точки зрения экономики, и многие в тот момент полагали, что он просто не состоится, поскольку потребовал бы в противном случае массового и неприемлемо жесткого применения насилия в отношении крестьян. Однако ровно это и произошло^[674].

Многие из ключевых решений были приняты в 1926–1927 годах, в разгар интенсивной мобилизации «под угрозой войны». Военная угроза возникла с момента захвата власти в Польше Юзефом Пилсудским в мае 1926 года. В Москве антиросийские воззрения Пилсудского и его убеждение, что естественные границы Польши должны располагаться восточнее, рассматривали как серьезную угрозу. По причинам, для историков все еще не вполне понятным, к осени 1926 года в советской печати началась информационная кампания, указывающая на опасность того, что англичане могут возглавить единый блок западных государств в борьбе против Советского Союза. Сообщалось, что Германия, вероятно, рассчитывает получить Данциг и Польский коридор, Литва может отойти к Польше, а границы самого Советского Союза, надо полагать, попадут под удар^[675]. Кампания набрала обороты в начале 1927 года, особенно в апреле – когда было атаковано советское посольство в Китае, а Чан Кайши начал жесткие репрессии против коммунистической партии и советская китайская политика оказалась провальной. В мае Великобритания разорвала отношения с Советским Союзом. В июне советский посол в Польше был убит, и ОГПУ начало серию арестов и поспешных казней дюжин поляков и других лиц, находившихся на территории

Советского Союза, но поддерживавших подозрительные «связи с иностранцами». Это дало ясный сигнал чиновникам НКВД и ОГПУ, отвечавшим за рост интенсивности надзора и откровенное притеснение иностранцев в Советском Союзе. Наконец, в сентябре оборвались французско-советские экономические переговоры, и Франция вынудила СССР отозвать посла, Христиана Георгиевича Раковского (Советский Союз предлагал достаточно всестороннее соглашение о выплате компенсаций держателям царских облигаций, которые большевики сделали недействительными, – в обмен на ссуды, торговлю и инвестиции)^[676].

Несомненно, во внешней политике оставалось множество нерешенных вопросов, но большинство ученых согласны с тем, что риторика военной угрозы вовсе не соответствовала реальности^[677]. Однако Сталин, Бухарин и Григорий Зиновьев возглавили это движение, подстегивая нараставшую ксенофобию и враждебность к окружающему миру. Троцкий – в то время председатель Главного концессионного комитета (Главконцесскома), задачей которого было привлечение зарубежных концессий, – яростно возражал против сталинской и бухаринской идеи выхода из мировой экономики. Таким образом, исключение Троцкого из Коминтерна и партии в октябре 1927 года стало важным событием в истории поворота к автаркии.

ОГПУ набирало силы, и ксенофобский поворот продолжился такими широко известными событиями, как арест в марте 1928 года пятидесяти шахтинских инженеров (среди которых было трое немцев), после чего в мае 1928 года последовал постановочный суд, на котором первую скрипку играли обвинения в связях с иностранными фирмами и разведками^[678]. Немецкое правительство быстро ответило на это остановкой торговых переговоров. «Арест немецких инженеров повсеместно рассматривался как доказательство того, что с коммунистами нельзя вести дела», вследствие чего политическая и экономическая изоляция Советского Союза усугубилась^[679]. Хотя и предпринимались некоторые попытки договориться с отдельными странами (в особенности с Соединенными Штатами), к концу 1928 года уже был проложен общий курс на стремительную индустриализацию в условиях экономической изоляции.

Политика привлечения концессий являлась опорой нэпа, предполагавшего частичную интеграцию в мировую экономику. Между тем были оставлены не только попытки заключить новые соглашения – советские власти в одностороннем порядке разорвали и уже существовавшие договоры. Многие из этих договоров заключались на период от десяти до пятидесяти лет, но раз за разом власти самовольно повышали налоги или вводили другие требования (даже если это было прямым нарушением исходного соглашения), чтобы помешать возвращению прибыли за рубеж. Более того, в рамках публичной кампании против «буржуазных спецов» местные группы коммунистов и отряды ОГПУ усиливали притеснение концессионеров и их работников^[680]. Хранящееся в Государственном департаменте США дело о концессии по Ленским золотым приискам, самое крупное с точки зрения инвестиций капитала и найма рабочей силы в 1920-х годах, содержит подробный отчет об использовавшихся в ходе этой кампании методах^[681]. В 1928 году концессия завершила крупные инвестиции и проекты по реконструкции приисков и начала добывать и экспортировать золото (в чем и состоял смысл контракта). Однако ОГПУ принялось проводить систематические рейды на конторы приисков и запустило в печати кампанию против фирмы, обвиняя ее во всевозможных нарушениях контракта и шпионаже. Был организован показательный судебный процесс, на котором четверых сотрудников фирмы обвинили в государственной измене. Арбитражный суд в Лондоне назначил компенсацию за убытки в размере 65 миллионов долларов, однако советская сторона отказалась явиться в суд или выплатить наложенный штраф. Подобные авторитарные методы применялись и во многих других случаях^[682]. Природа юридических норм, лежавших в основании организации всех концессий, делала это особенно легким: каждая концессия представляла собой «сепаратную сделку», стоящую вне защиты со стороны как советского, так и международного права^[683]. Политике концессий в Советском Союзе

формально был положен конец резолюцией от 27 декабря 1930 года, отменявшей все ранее принятые законопроекты о концессиях и сократившей полномочия Главконцесскома. Чистка комитета привела к аресту и казни нескольких его членов, бывших сторонниками концессий. К 1933 году все концессии, кроме немногих мелких, были ликвидированы, а сам комитет был официально расформирован в 1937 году^[684].

Однако уничтожение концессий не означало конца иностранного участия в советской экономике. Чтобы приобрести технические навыки, советское руководство вместо концессий обратилось к стратегии заключения «соглашений о технической помощи» (СТП). Обычно это были договоры о консультациях, подразумевавшие, что фирма или частное лицо предоставляют консультации и услуги в обмен на денежные выплаты. Для обеих сторон это было сопряжено с гораздо меньшим риском и позволяло приобрести необходимые технические навыки без политических проблем, связанных с иностранной собственностью. По таким контрактам тысячи инженеров и квалифицированных работников приехали в Советский Союз и внесли свой вклад в индустриализацию. Властям они обошлись гораздо дороже – ведь пришлось высоко оплачивать их услуги в иностранной валюте, которой отчаянно не хватало. Это резко отличалось от концессий, напротив, ввозивших в страну капитал и инвестиции из-за границы. Экономисты утверждали, что СТП были для экономики гораздо менее благотворны в том, что касалось предпринимательства, навыков управления, эффективности и способности отвечать на вызовы глобального рынка. Так это или нет, но СТП и все, с ними связанное, было преходящим, условным и легко поддавалось отмене. На тех, кто работал по СТП, специальные правила упрощенной выдачи виз и предоставления особой защиты, действовавшие в отношении сотрудников концессий, уже не распространялись. Стоимость оказалась существенным препятствием на пути широкомасштабного распространения СТП, даже в 1930-х годах, когда на мировом рынке рабочей силы квалифицированные рабочие были дешевы и доступны ввиду Великой депрессии^[685]. Распространению СТП препятствовало и расширение полицейского надзора и контроля над иностранцами, а также дальнейшее ослабление их государственной защиты. С уничтожением концессий и победой изоляционистского проекта индустриализации плодотворный союз модернизации и политики гражданства, существовавший с 1860-х годов и до 1914 года, был решительно и окончательно расторгнут.

Советская автаркия

В период с 1926 по 1930 год граница гражданства практически во всех отношениях сделалась более прочной и непроницаемой. Иммигрировать или эмигрировать, натурализоваться или денатурализоваться стало гораздо тяжелее. Существовало несколько причин обращения к ограничительной политике: ксенофобия, помешанность на безопасности, идеологический пыл и всепоглощающее желание предотвратить растрату твердой валюты, драгоценных металлов и других ценностей в результате незаконного экспорта^[686]. Возраставшее в период нагнетания военной истерии могущество ОГПУ имело своим непосредственным результатом более строгую охрану границ при решении любых вопросов, связанных с гражданством. Например, в одном из архивных дел содержится множество запросов НКВД (организации, не склонной принимать либеральные решения по отдельным случаям) в ОГПУ о том, почему оно наложило вето на индивидуальные ходатайства советских граждан о выдаче иностранных паспортов, и столько же лаконичных ответов вроде «отказано по политическим причинам» или «отказано местным ОГПУ». Чиновники НКВД постоянно жаловались на волокиту в ОГПУ при рассмотрении подобных случаев^[687].

Некоторые из старейших законов российской имперской традиции гражданства запрещали иммиграцию иезуитов, раввинов и ряда мусульманских духовных лиц. Декрет от 2 октября 1926 года возродил эти ограничения и расширил их, наложив запрет на въезд любых представителей иностранного духовенства^[688]. Закон о консульской деятельности от 8 января того же года дал консулам право лишать

гражданства тех лиц, которые не отвечали на их призывы вернуться в Советский Союз для прохождения военной службы или исполнения какого-либо иного требования. Декрет от 31 октября 1924 года наделил суды полномочиями использовать денатурализацию *in absentia* и изгнание как наказание за уголовные преступления. В конце 1920-х годов эта мера применялась все чаще^[689].

Чтобы обеспечить руководящими указаниями консульские учреждения за рубежом, НКВД в декабре 1928 года кодифицировал свои правила, регламентирующие въезд в Советский Союз и выезд из него, как для советских граждан, так и для иностранцев. Новые правила в отношении обоих типов перемещения через границу были значительно строже, особенно для советских граждан, пытавшихся покинуть страну. Одну из более крупных категорий потенциальных реэмигрантов составляли члены семей, желавшие воссоединиться со своими родственниками. Однако правила 1928 года демонстрировали враждебность к воссоединению семей – даже в простом случае родителей и детей, желавших вернуться в Советский Союз, чтобы воссоединиться с ближайшими родственниками (это позволялось, лишь если дети были в возрасте тринадцати лет или младше).

Правила 1928 года также ужесточили ограничения, налагавшиеся на мелких торговцев в приграничных районах. Им позволили перевозить товары через границу лишь в количестве, допустимом для личного пользования (если местное ОГПУ вообще разрешало им переходить границу). Любому мелкому торговцу из приграничного района, заехавшему во внутренние области страны, покинувшему ее не через тот контрольно-пропускной пункт, через который он въезжал, или нарушившему какое-либо из других многочисленных правил, могли запретить переходить границу – на некоторое время или навсегда. На контрольно-пропускных пунктах хранились книги с именами и отпечатками пальцев таких лиц^[690].

Инструкции советовали консулам при рассмотрении ходатайств рабочих о выдаче виз для въезда в Советский Союз учитывать, что индустриальной иммиграции в СССР в общепринятом смысле слова не существует. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ СССР) старался принимать на работу (как на административно-технические, так и на рабочие должности) советских граждан. В то же время отмечалось, что консулы должны знакомиться с теми циркулярами ВСНХ СССР, где перечислялись ограниченные категории рабочих и особые навыки, в которых промышленность государства нуждалась в каждый конкретный момент. Все предложения услуг и ходатайства об иммиграции следовало оценивать, исходя из этих приоритетов. Что касается аграрной иммиграции, то крестьянам надлежало сначала полностью сформировать коллектив, чтобы их ходатайство хотя бы рассмотрели. Выделение 220 000 десятин (240 000 гектаров) земли для иммигрантов и реэмигрантов было отменено из-за непродуманности (по мнению НКВД) этого начинания и, что еще важнее, из-за потребности советских колхозников в земле (поскольку такая потребность внутри страны по-прежнему была настоящей)^[691]. Соответственно, какой-либо возможности обеспечить иммигрантов землей в плодородных районах больше не было; земля могла быть им предоставлена в ранее не использовавшихся областях Севера, Сибири и Дальнего Востока. Но заселение этих регионов требовало вложений и расходов, на которые правительство было просто неспособно. Поэтому коллективы иммигрантов должны были самофинансироваться и обеспечивать себя орудиями труда. Для этого НКВД требовал, чтобы каждый потенциальный коллектив иммигрантов делал вклад, достаточный для покрытия всех расходов в течение года. Консулам нужна была твердая уверенность, что любые иммигранты подобного рода располагают оборудованием, необходимым на столь непростых для обработки землях. Аграрная иммиграция всех видов на Украину, Кавказ, в Узбекистан и Туркменистан была исключена. Есть свидетельства, что этот запрет применялся не только к новым иммигрантам. Реэмигранты, желавшие воссоединиться с семьями в плодородных районах страны, ставились перед выбором: отправиться в Сибирь или остаться за рубежом. Эти строгие условия уничтожили почти всякую возможность иммиграции. Более того, консулы имели полномочия на месте, не посылая

запроса в Москву, отказать любому, подавшему ходатайство. И даже если они его одобряли, отказ мог прийти от нескольких дополнительных инстанций, включая в первую очередь ОГПУ в Москве^[692].

По мере проведения индустриализации политическая динамика изменилась, проделав путь от стремления максимизировать возможности для внешней торговли и взаимодействий, требовавших наличия по крайней мере какого-то вида рынка для конвертируемой иностранной валюты, к полному запрету какого бы то ни было экспорта последней. Сохранение в стране твердой валюты и золота быстро стало таким приоритетом, что Наркомфин, по-видимому, превратился в одного из основных поборников полного поворота к охране границ и к автаркии. В начале 1928 года он направил ряд докладных записок в иностранные отделы ОГПУ и НКВД с жалобами на то, что существующий режим пограничного контроля недостаточен для предотвращения значительных законных и незаконных потерь валюты и драгоценных металлов. ОГПУ и НКВД немедленно ответили, направив в Наркомфин список возможных мер противодействия. НКВД собрал межведомственное совещание для разработки способов, которыми можно было бы ограничить экспорт валюты советскими гражданами. В результате были приняты драконовские меры. Помимо всего прочего, оказалась резко уменьшена максимальная личная норма экспорта валюты для лиц, путешествующих за рубеж, тогда как стоимость визы для въезда в страну и стоимость загранпаспорта, необходимого для выезда, увеличились в два-три раза^[693]. Новый свод правил требовал, чтобы любые суммы, превышавшие очень низкую личную норму экспорта валюты, переводились за рубеж отделениями советских банков. В заключение Наркомфин просто обратился с просьбой к НКВД и ОГПУ сократить количество людей, покидавших страну (поскольку, с точки зрения чиновников Наркомфина, у частных лиц было слишком много способов обойти ограничения на вывоз валюты)^[694]. Карательные меры резко снизили объем приграничной торговли и сильно усложнили путешествия за границу.

Ограничения на вывоз твердой валюты были в полной мере применены к иностранцам. Слухи о таких ограничениях, должно быть, стали серьезным препятствием для дальнейшей рабочей миграции иностранцев в Советский Союз. ОГПУ всерьез рассматривало ввод строгих ограничений на отъезд иностранцев и лелеяло идеи введения максимальных квот на разрешения покидать страну, выдаваемые как советским гражданам, так и иностранцам. Однако НКВД отверг эту идею применительно к иностранцам и вмешался, чтобы вынудить ОГПУ прекратить затягивание выдачи иностранцам разрешений на отъезд. НКВД сослался на международное право и его процессуальные нормы, согласно которым ограничение права иностранцев покидать страну – неприемлемо. Но идея витала в воздухе, и в 1930-х годах эти меры стали все чаще применяться к иностранцам^[695].

К концу 1920-х Советский Союз решительно встал на путь изоляции, отменявший все попытки 1860-х годов связать гражданство и миграционную политику с глобализирующейся моделью экономического развития. Однако Советский Союз начал широкомасштабную индустриализацию и все еще отчаянно нуждался в навыках инженеров и квалифицированных рабочих Запада. В 1930 году, на XVI съезде партии, было решено нанять до 40 000 иностранных инженеров, бригадиров и высококвалифицированных рабочих^[696]. Поскольку глобальная экономика погрязла в Великой депрессии, за рубежом имелось множество кандидатов. К началу 1931 года было завербовано примерно 10 000 западных иностранцев, а к началу 1932 года лимит в 40 000 человек был слегка превышен^[697]. Эта волна иммигрантов отличалась от приезжавших в 1920-х годах. Коммунистам со всего света все еще предлагалось политическое убежище, но лишь немногие из допущенных в страну подпадали под эту категорию. Фокус почти полностью сместился на такие практические критерии, как навыки иммигрантов и тот вклад, который они могли внести в индустриализацию. Воссоединение семей и возвращение бывших жителей империи играли гораздо менее заметную роль (за исключением большой группы карельских финнов). Требование

1920-х годов, чтобы иммигранты происходили из рабочего класса, было отвергнуто ради инженеров и бригадиров – людей иного происхождения, но обладавших нужными умениями.

* * *

Присутствие иностранцев было особенно заметно на наиболее технологически продвинутых объектах, например в Магнитогорске, где находилось более 750 иностранных работников. Иностранцы сыграли существенную роль в индустриализации, но это едва ли сигнализировало о новом открытии страны для внешнего мира. Двери для иммиграции не распахнулись. По некоторым сообщениям, в 1930–1932 годах ходатайства о рабочей иммиграции в Советский Союз подало значительно больше миллиона человек. Разрешение же на въезд было дано лишь 42 000 (4 %). Труд иностранных специалистов оплачивался в твердой валюте, которой было крайне мало, и обычно в размере, в несколько раз превышавшем заработную плату российских рабочих на тех же самых фабриках. Это одновременно было обременительно для государственного бюджета и порождало недовольство среди советских рабочих. Когда во время голода 1933 года правительство прекратило выплачивать зарплаты в валюте, из страны уехала половина иностранных рабочих. И даже когда им платили в твердой валюте, «условия жизни и труда вызывали у подавляющего большинства иностранных рабочих крайнее недовольство своим положением»^[698]. В 1930-х годах иностранцы находились под строгим полицейским надзором, что затрудняло их общение с советскими гражданами. Учитывая ксенофобские настроения властей на протяжении 1930-х годов и важную роль спецслужб, в то десятилетие положение иностранцев в советском обществе было шатким, особенно во время чисток 1937–1938 годов, когда любой иностранец или советский гражданин, связанный с иностранцами, попадал под подозрение. Андреа Грациози утверждает, что более 10 000 иностранцев из западных стран (приблизительно половина от числа оставшихся в Советском Союзе) были в конце 1930-х годов арестованы^[699]. Во время арестов НКВД обычно вынуждал бывших граждан Союза или РСФСР отказываться от иностранного гражданства и сдавать паспорта, после чего их приговаривали и отправляли в лагерь. Но в случае многих других иностранцев этого даже не требовалось. Наиболее многочисленными были немецкие граждане, которые либо не имели желания возвращаться в национал-социалистическую Германию, либо совершенно точно не могли получить от своей страны дипломатической защиты. Истории иностранных граждан, которых против их воли удерживали для работы в Советском Союзе, напоминают уже знакомый нам случай Патрика Гордона в эпоху Московского царства. Определенно, ничего подобного в России не практиковалось со времен Петра Великого.

1930-е годы во многих отношениях завершили круг, по которому прошла история гражданства, вернувшись к ситуации дореформенной эпохи. Но при пристальном изучении становится ясно, что движение на этом не прекратилось и наступивший период отличался такой степенью герметичности, какой российская история еще не знала. Иностранцы могли въехать в страну лишь в очень редких обстоятельствах. Абсолютное число иностранцев на советской территории упало до менее чем десятой части от уровня конца имперского периода. И, хотя им полагались бóльшие, чем советским гражданам, зарплаты, они редко могли рассчитывать на лучшую юридическую защиту. На деле в 1930-е годы, особенно во время чисток, иностранцы вызывали больше подозрений, чем советские граждане. Складывается впечатление, что Советский Союз стремился к идеалу полного отсутствия иностранцев в стране, а те немногие, кто был в нее допущен, оказывались внутри в результате неприятного для властей, но временного компромисса: следовало воспользоваться умениями этих специалистов и отослать их домой. Эмиграция советских граждан была почти полностью запрещена, и впервые в российской истории этот запрет на самом деле осуществлялся. Граница была более непроницаемой, чем когда бы то ни было раньше.

Оживленные приграничные передвижения и торговля, на протяжении столетий бывшие важной частью жизни имперской России, подошли к концу. При старом режиме население приграничных районов могло получать особые недорогие документы, разрешавшие многократно выезжать из страны и возвращаться в нее, и часто пересекало границу с целью торговли. К 1930-м годам торговцы могли рассчитывать лишь на небольшие личные льготы. Более того, весь режим пограничного контроля был сформирован таким образом, чтобы предотвращать не только нелегальное пересечение границы, контрабанду, перевод иммигрантов и эмигрантов через кордоны, но и обычную мелкую торговлю^[700]. Интенсивная кампания за предотвращение какого бы то ни было экспорта валюты еще больше повысила ставки для всех ветвей власти.

Условия великой денатурализации 1921 года строго соблюдались. Ни один бывший подданный Российской империи или гражданин Советского Союза, утративший гражданство, не мог въехать в страну, если только не получил гражданство Советского Союза за рубежом^[701]. Раз за разом власти приписывали статус советских граждан лицам, у которых был шанс выбрать иное гражданство, но которые не сделали этого в установленный срок (даже тем, у кого не было документов и кто не проходил формальной церемонии принятия в гражданство, и даже тем, кого считало своими гражданами другое государство). Лишь после продолжительного и вовсе не автоматического процесса подачи и рассмотрения апелляции такие люди лишались советского гражданства и получали разрешение покинуть страну^[702].

Закрытие границы гражданства нельзя охарактеризовать как возвращение к российским традициям. Оно в значительно большей степени стало результатом тенденций, сложившихся во время Первой мировой войны и усугублявшихся с самого начала большевистской революции. Победа изоляционистской модели не была неизбежна, но, когда выбор был сделан, стала определяющей чертой политики Советского Союза.

Заключение

Ранние 1930-е годы знаменуют конец эпохи интенсивного взаимодействия России с внешним миром на границах гражданства. Эта эпоха началась в 1860-х годах, когда старый режим сознательно повел политику максимального увеличения притока иностранцев в страну, что рассматривалось как часть стратегии модернизации. А закончилась – полвека спустя, когда Сталин ввел изоляционистскую модель экономической модернизации. Сталинский поворот означал торжество соображений безопасности над экономическими, юридическими, национальными, демографическими и политическими соображениями, которое затем, в 1930-х годах и в период Второй мировой войны, лишь усугубилось.

Наблюдение с границы гражданства – с края государственного суверенитета – проливает новый свет на вековые вопросы российской истории. Один из этих вопросов – парадокс российской государственности. Слабой она была или сильной? До 1920-х годов протяженные государственные границы страны едва ли имели важное значение для контроля за передвижениями. Наиболее эффективный миграционный контроль, в том числе и после отмены крепостного права, осуществлялся на местном уровне – посредством системы коллективной ответственности и внутренних паспортов. Приблизительно четверо из каждых пяти эмигрантов покидали страну нелегально, без документов, и делали это довольно открыто и легко. К началу века миллионы мелких торговцев, бродяг и трудовых мигрантов ежегодно посещали Российскую империю и покидали ее, не предъявляя документов для проверки.

Мировая война и революция значительно усилили стремление государства контролировать внешние границы и с научной точностью и полнотой документировать, регистрировать и контролировать передвижения в страну и из страны, а также статус российского и советского гражданства. С 1914 по 1930 год государство с невероятной

быстротой наращивало способность контролировать границу гражданства и использовать ее как инструмент демографической политики. Однако ответить на вопрос, демонстрирует ли это силу или слабость государства, не так-то просто. Некоторые определяют слабое государство как такое, которое не может достичь желаемого результата без принуждения. В этом смысле колючая проволока, патрулируемые и расчищенные приграничные полосы, вербовка секретных сотрудников и информантов среди местного населения, крайнее недоверие к иностранцам и профилактические операции против населения, сохраняющего связи с зарубежьем, показывают, что государство удивительно мало верит в свою способность удержать людей от отъезда. Принудительные массовые денатурализации и натурализации первых десятилетий советской власти можно рассматривать либо как впечатляющее проявление государственного контроля над границей гражданства, либо как знак того, что государство не имело уверенности в своей способности ассимилировать население, «привлекать и удерживать» его и добиваться от него лояльности.

Изучение границы гражданства также проливает свет на демографическую политику имперских и советских властей. Политика гражданства и миграционная политика влияют на состав населения и на то, какие подгруппы в него входят, – контролируя или по меньшей мере оказывая воздействие на того, кто въезжает в страну, покидает ее, остается, натурализуется или денатурализуется и уезжает навсегда. Исходя из предположения, что богатство создается населением, а Россия, чтобы провести модернизацию, отчаянно нуждается в большем количестве людей, технологиях и торговле, цари создали богатую традицию эффективных мер, позволяющих «привлекать» людей и «удерживать» их в границах государства. Эта традиция была сильнее и сохранялась дольше, чем в большинстве других стран. Она продолжала существовать – и немалое время – даже в конце имперского периода, в эпоху национализма и перенаселенности в сельской местности.

Однако старый режим использовал политику гражданства еще и как фильтр, позволяющий влиять на этнический баланс населения. Так, евреям было запрещено иммигрировать и натурализоваться, а свободу покинуть страну им официально предоставили гораздо большую, чем представителям других групп населения. В то же время некоторым группам мусульман было запрещено возвращаться, если они решатся на отъезд. В противоположность Австро-Венгрии и Германии, которые решали проблему перенаселенности в сельской местности, облегчая массовую заокеанскую эмиграцию представителям коренной национальности, Россия стремилась удержать славянское население в стране, до самого конца старого режима сохраняя и усиливая анахронический набор ограничений на эмиграцию. С другой стороны, она отчасти легализовала эмиграцию евреев и представителей других меньшинств и ввела политику натурализации и денатурализации, затруднявшую для них возвращение или поддержание связей с соотечественниками, оставшимися в Российской империи. Статистика поражает. Этнические русские, то есть приблизительно половина населения империи, давали лишь 2 % от общего количества эмигрантов до 1914 года, тогда как евреи, то есть менее 5 % населения империи, в этот период составили более 40 % эмигрантов. По сравнению с русским, вероятность эмигрировать для немца и поляка была выше в 50 раз и более, а для еврея – в 184 раза.

Этническая и демографическая политика внезапно и резко перестала играть ведущую роль в формировании стратегий присвоения гражданства и в разработке миграционной политики – это произошло, когда в марте 1917 года был издан декрет Временного правительства, отменявший все ограничения и всякую дискриминацию на основании национальной или религиозной принадлежности. Советские власти, если уж на то пошло, сменили ценности национальной и демографической политики старого режима на прямо противоположные, проведя массовую денатурализацию, коснувшуюся сотен тысяч этнических русских, и приветствуя обратную миграцию евреев и немцев.

Но посредством политики гражданства советская власть подталкивала демографическую политику к новым крайностям, на этот раз предполагающим использование скорее классовых, чем национальных критериев. Она запретила иммиграцию и натурализацию среднему и высшему классам, разрешив ту и другую лишь представителям рабочего класса. В начале советского периода сформировалась категория людей, которые, оставаясь гражданами страны, были лишены прав гражданства (*лишенцы*), тогда как великая денатурализация бывших российских подданных за рубежом и другие стратегии имели целью позволить классовым врагам покинуть сообщество граждан и жителей Советского Союза – или вынуждали их это сделать. На деле из-за высокой безработицы, общего подозрительного отношения к иностранцам и передачи контроля за осуществлением политики гражданства в ведение ОГПУ результаты этой политики были с самого начала ограниченными. Власти так никогда и не разрешили классовым врагам свободно покинуть границы страны и быстро подтвердили заново принцип, согласно которому денатурализация за границей не разрешалась. Старая формула «Привлекай и удерживай» сократилась до «Удерживай».

Интенсивность взаимодействий на границе гражданства достигла верхней точки накануне Первой мировой войны, с более чем десятью миллионами официально документированных пересечений границы в обоих направлениях и еще миллионами нелегальных перемещений через нее. К 1930 году такие случаи исчислялись уже только тысячами, и эти немногие пересечения границы были лишены спонтанности, интерактивности и содержательного обмена. Мелкие торговцы столкнулись со строгими ограничениями количества товаров и валюты, которое могли провезти через границу, как в одну, так и в другую сторону, а политический надзор сделал свободный обмен идеями откровенно опасным. Советский Союз совершил самый решительный поворот в истории гражданства, какой когда-либо совершала какая-либо крупная страна^[703]. «Великий перелом» Сталина отрезал страну от остального мира, а также означал разрыв с более ранними, исторически сложившимися российскими традициями гражданства.

Граница гражданства с 1930-х годов по настоящее время

В последовавшие за 1930-ми годами десятилетия советской эпохи границу гражданства пересекали миллионы людей. Однако делали они это почти исключительно экстраординарными способами – в результате войны или в иных нестандартных обстоятельствах, – а не упорядоченным путем, который частное лицо могло бы выбрать в нормальной ситуации. В повседневной жизни человеку было необычайно трудно выехать или въехать в страну либо получить разрешение отказаться от советского гражданства.

Эмиграция оставалась нелегальной, и уже в 1930-х годах способы осуществления этого запрета были устрашающими. Сталин ввел ряд приграничных зон, где было запрещено проживать людям определенных категорий, включая группы, считавшиеся неблагонадежными из-за национальной принадлежности. Физические препятствия на границе тоже быстро становились все более серьезными – там появлялись колючая проволока, сторожевые вышки, траншеи, стены, нейтральные полосы и щедро финансируемая пограничная стража. Погранвойска прославлялись советской пропагандой, а в малонаселенных районах, где границы были укреплены не так серьезно, к их охране привлекались местные жители: за поимку лиц, нелегально пересекавших границу, полагалась награда.

Иностранцам без документов и регистрации в местном отделении милиции стало еще сложнее проживать на советской земле. Декабрьский декрет 1932 года и апрельский – 1933-го положили начало кампании по обеспечению населения внутренними паспортами, приведшей к более масштабному документообороту, надзору и контролю как в городах, так и на приграничных территориях и привязавшей сельских жителей к местам их проживания так крепко, как не бывало со времен крепостного права^[704]. Жители городских, промышленных, стратегических и приграничных районов, МТС и

госхозов должны были зарегистрироваться и получить внутренние паспорта. Жители сельской местности, находившейся за пределами этих зон, внутренних паспортов не получали, и им было фактически запрещено переезжать в регионы, где паспорта выдавались. Система привела к разделению населения на не имеющих паспортов (сельские жители, кочевники и представители меньшинств), которым было запрещено свободно переезжать и селиться там, где они пожелают, и на «граждан», обеспеченных паспортами, — они имели право переезжать и селиться где угодно, но все еще были обязаны регистрироваться в милиции во время любого переезда с места на место^[705]. До 1976 года паспорта сельским жителям и кочевникам не выдавались, но даже после отмены этого ограничения система прописки продолжала сходным образом контролировать свободу передвижения^[706]. Более того, Министерство внутренних дел и ОГПУ контролировали эту систему, продолжая запрещать поселение тем или иным лицам в административном порядке или отдавая указания в каждом конкретном случае. Система внутренних паспортов оказала глубокое воздействие и на горожан, создав «сложную иерархию привилегий и ограничений, недопущения, частичного недопущения и дифференцированного принуждения к передвижению, касавшуюся всего советского населения», и ранжировала права переезжать и селиться на новом месте — ранжировала, основываясь на «абсурдно точных определениях тех социальных и этнических групп, которые вожди считали более или менее лояльными»^[707].

Возросшее значение регистрации и обеспечения документами всех проживающих в Советском Союзе привело также к тому, что для иностранцев уклонение от выявления и регистрации стало гораздо более сложной задачей. Закон о гражданстве 1931 года подтвердил, что, когда гражданский статус человека оказывается под сомнением, его следует считать советским гражданином^[708]. Иностранцы обнаружили, что реализовать одно из наиболее существенных прав, которые давал им их статус, — право уехать к себе на родину — становится все труднее. В 1930-х годах все иностранцы должны были ходатайствовать о выдаче загранпаспортов, а их получение часто оказывалось дорогим предприятием, полным волокиты и задержек. Бывшие подданные Российской империи, натурализовавшиеся за границей, сталкивались с особенно мощным давлением, вынуждавшим их принять советское гражданство. Многие иностранные рабочие, которым платили в неконвертируемых рублях, не имели достаточно денег для возвращения. Высокие и все повышавшиеся пошлины за обновление вида на жительство и другие стратегии вынуждали иностранцев натурализоваться. Наконец, согласно Тиму Цулиадису, советские власти использовали всевозможные увертки (включая прямую кражу паспортов), чтобы лишить иностранцев гражданского статуса и возможности уехать^[709].

Конституция 1936 года упразднила категорию граждан, лишенных прав гражданства (лишенцев). В принципе, это тоже было отказом от многообразия прав и обязанностей различных категорий граждан и означало движение к единому для всех статусу гражданина. Разумеется, не следует переоценивать значение данного шага: он был сделан накануне Большого террора, а лица, принадлежавшие ранее к категории лишенцев и определенным этническим группам, оказывались жертвами последнего чаще, чем другие^[710]. Более того, дифференциация в доступе к работе, образованию, продвижению по службе и вероятности быть поставленным на учет в милиции продолжали зависеть от классового происхождения, национальности и вероисповедания. Закон о гражданстве от 19 августа 1938 года еще больше укрепил границу гражданства, отменив практику дарования иностранным гражданам, принадлежавшим к рабочему классу, избирательных прав^[711]. Это подталкивало иностранных рабочих, оставшихся в Советском Союзе, к натурализации, поскольку от наличия избирательных прав зависели многие другие права и привилегии социального обеспечения. Закон этот также сделал следующий шаг к единому статусу гражданина, упразднив практически все отсылки к гражданству «республиканского уровня» или к «союзному гражданству» и заменив их монопольным использованием термина «советское гражданство».

Вторая мировая война подняла множество важных вопросов о гражданстве, еще ожидающих своего исследователя. За произошедшей в сентябре 1939 года аннексией Восточной Польши/Западной Украины последовала всеобщая натурализация всех лиц, находившихся на этой территории на 1 и 2 ноября того же года, без права оптации в иной статус или гражданство^[712]. Эти новые граждане вряд ли могли похвастаться теми же правами, что и остальные их сограждане. Серия проведенных НКВД операций увенчалась депортацией более миллиона людей и семей из данного региона в лагеря и специальные поселения во внутренних районах Советского Союза. То же повторилось во время оккупации Прибалтики в 1940 году. За коллективной натурализацией снова последовали жесткие массовые депортации новых граждан. Есть сообщения, что беженцы из оккупированной Германией Польши, пытавшиеся отказаться от паспортов и сохранить польское (или иное) гражданство, чаще всего подвергались аресту и отправке в лагерь^[713].

По окончании войны возникли новые проблемы, касавшиеся миллионов советских военнопленных, беженцев и рабочих, угнанных национал-социалистическими властями с советской территории, – все эти люди остались за границами Советского Союза, но на пространстве, оккупированном Красной армией^[714]. Сталинский режим надавил на союзников, чтобы гарантировать принудительную репатриацию советских граждан в СССР. Ряд противоречивых решений, принятых в Ялте, свидетельствует о том, что союзники согласились репатриировать советских граждан, содержащихся в лагерях на их, союзнической, территории. В общей сложности властями союзников было репатриировано приблизительно два миллиона советских граждан, некоторые – добровольно, другие – против воли. Многие по возвращении оказались в сибирских лагерях. У еще большего количества в документах остались пометки о неблагонадежности, а впереди были годы дискриминации в повседневной жизни и на работе. Те перемещенные лица, которым удалось избежать принудительного возвращения и найти убежище, смогли покинуть Советский Союз в составе самой большой волны эмиграции в советской истории со времен Гражданской войны. Но после Второй мировой граница снова оказалась на замке и эмиграция стала еще сложнее, чем раньше. У тех, кто очутился в Советском Союзе, было мало шансов уехать. Важным исключением из этого правила стало соглашение с Польшей, позволившее примерно четверти миллиона бывших польских граждан, находившихся на советской территории, перебраться в коммунистическую Польшу. Примерно 25 000 из них были евреями, многим из которых впоследствии позволили эмигрировать в Израиль. Однако эта группа была вынуждена ожидать окончания сталинской эпохи, прежде чем в 1950-х годах им позволили отправиться в путь^[715].

С 1930-х и до 1950-х годов иммиграция и обратная миграция в страну случались очень редко – за немногими эпизодическими исключениями, каким было, например, возвращение двух третей из 300 000 бывших советских жителей Средней Азии, бежавших в 1930-х годах от коллективизации и голода в китайскую провинцию Синьцзян. В постсталинскую эпоху репрессивный режим смягчился, программа освоения целинных земель потребовала рабочих рук, в Китае же усилились националистические настроения, а в провинции Синьцзян начались социальные волнения. В результате примерно 200 000 бывших граждан были натурализованы советскими консульскими чиновниками за рубежом и получили разрешение иммигрировать^[716]. Однако такие случаи широкомасштабной иммиграции были немногочисленны, а если происходили – процесс постоянно ограничивался и тормозился бюрократической системой и отношением властей, очень затруднявшим иммиграцию и натурализацию. Даже когда, казалось бы, складывались благоприятные условия для перехода к политике поддержки иммиграции – после войны, при серьезной нехватке рабочей силы и резком подъеме стандартов жизни в Советском Союзе, резком росте его престижа благодаря победе в войне и технологическим достижениям (от ядерного оружия до космических исследований) – все равно иммиграция в Советский

Союз оставалась сравнительно редкой и незначительной для страны такого размера и такого уровня экономического развития.

После Второй мировой войны Советский Союз принудил восточно-европейские страны избрать коммунистический путь развития и получил союзников в лице множества новых независимых государств третьего мира, появившихся в результате национальных антиколониальных движений. Целый ряд затруднений, возникших вследствие этого в политике гражданства, требует дальнейшего изучения. Внутри коммунистического мира путешествия, трудовая миграция, переселение и даже натурализация и денатурализация стали намного проще, чем те же действия, предполагавшие пересечение границы с капиталистическим миром. В период с 1960-х по 1980-е годы значительное число граждан стран социалистического лагеря приезжали в Советский Союз учиться, работать или отдыхать. Ограничения на путешествия и обучение в Советском Союзе для граждан капиталистических стран были также существенно ослаблены в 1960-е годы, и количество путешествий с пересечением границы заметно возросло. Общее число посетителей Советского Союза выросло с полумиллиона в 1956 году до двух миллионов в 1970-м и пяти миллионов – в 1980-м, причем более 60 % приезжало из социалистических стран. Количество зарубежных путешествий советских граждан росло практически сходным образом и в сопоставимых масштабах^[717]. Экономическое и научное сотрудничество между Советским Союзом и Западом также ширилось^[718].

Однако границы между капиталистическим и социалистическим мирами строго охранялись. Эмиграция без разрешения воспринималась как вариант измены и наказывалась крайне сурово. Те, кто уезжал, будь то легально или нелегально, часто публично порицались. Семью, коллег и знакомых уехавшего человека ставили перед необходимостью его осуждать^[719]. Туристов, приезжавших в страну, держала под наблюдением система «Интуриста», минимизируя их неконтролируемые контакты с советскими гражданами; сложная система контроля существовала и для советских людей, путешествовавших за рубежом^[720]. Советским гражданам мешали эмигрировать даже после заключения брака с иностранцем^[721]. Такие выдающиеся личности, как Михаил Барышников, Мстислав Ростропович и Александр Солженицын, были лишены гражданства *in absentia* или при выезде из страны, и им запретили возвращаться^[722].

Более того, хотя в сравнении с крайней изоляцией периода с 1930-х до начала 1950-х годов такие перемены выглядят как весьма значительные, они оказываются совсем небольшими при сопоставлении со взрывом международных миграций и взаимодействий той великой волны глобализации, что охватила Запад после войны. Сталинская автаркия была создана в 1930-х годах, когда иммиграция ограничивалась по всему миру, когда вводились пошлины, торговые ограничения и другие меры сдерживания курса на глобализацию, которому мир следовал в предшествующие пятьдесят лет. На этом фоне контраст между Советским Союзом и остальным миром в послевоенные десятилетия становится ярче. Например, в 1970 году Советский Союз зарегистрировал 2,1 миллиона иностранных туристов – лишь 1 % от глобального туризма и менее 2 % от всех, кто посетил Европу. В том же году в два раза больше людей посетило Югославию, и в четыре – Австрию^[723].

Самым важным исключением в ситуации закрытых границ опять стала эмиграционная политика в отношении евреев. Так же как царский режим отчасти легализовал еврейскую эмиграцию в 1892 году, позволив Еврейскому колонизационному обществу открыть в стране информационные бюро и сообщать евреям о возможности эмиграции, так и Советский Союз с 1968 года и на протяжении 1970-х сделал эмиграцию возможной для ограниченного числа евреев – хотя сама процедура была очень сложной, дорогостоящей и рискованной. В то десятилетие примерно четверть миллиона советских евреев получили разрешение уехать (около 10 % из насчитывавшихся в стране в 1970 году 2,2 миллиона)^[724]. Причины, по которым власти разрешили эту эмиграцию, все еще остаются предметом научных дискуссий^[725]. Она в значительно меньшей мере была частью демографической политики (как это происходило в конце имперского периода)

и имела более тесную связь с внешними факторами: разрядкой, подъемом советской внешней торговли (в особенности импорта зерна), подписанием Хельсинкских соглашений и других международных договоров, обязывавших Советский Союз уважать право на эмиграцию. Радиостанция «Голос Израиля» сообщала советским евреям об израильских успехах, включая историю ошеломительной победы в войне 1967 года.

Еврейская эмиграция из Советского Союза 1970-х годов была важным отступлением от его общей политики сохранения запрета на эмиграцию. Но до эпохи Горбачева она оставалась скорее исключением, чем новым правилом. Даже позволив четверти миллиона граждан эмигрировать, власти прикладывали все усилия для сохранения границы гражданства. Они чинили серьезные финансовые, административные, политические и социальные препятствия на пути эмиграции, и, как только выдавалась выездная виза, становилось более чем ясно, что то был билет в один конец – без права возвращения. Это было важно, поскольку из всех подгрупп советского населения евреи имели самый высокий уровень образования; кроме того, так же как и армяне, они представляли нацию с рассеянной по всему миру диаспорой, у которой было больше всего возможностей стать новым средством связи с внешним миром. Но до конца 1980-х власти эффективно предотвращали подобные взаимодействия. Вплоть до распада Советского Союза в 1991 году граница его гражданства оставалась более строгой, чем почти где бы то ни было в мире.

Крах 1991 года стал водоразделом в долгой истории контроля над границей гражданства. Накануне распада СССР Российская Федерация приняла в высшей степени либеральные законы о гражданстве, основанные на инклюзивном принципе почвы. Он автоматически давал гражданство всем лицам, постоянно проживавшим в Российской Федерации, а в 1992 году позволил любому бывшему советскому гражданину, у которого не было определенного постоянного места жительства, ходатайствовать о получении гражданства по «упрощенной процедуре». Вместе с этой либерализацией границы гражданства Российская Федерация начала процесс отмены системы прописки, определявшей право каждого гражданина на проживание в одном конкретном регионе, и гарантировала всем гражданам право свободно передвигаться в пределах всей страны. Наконец, эти права были утверждены 27-й статьей принятой в 1993 году Конституции Российской Федерации^[726]. Либерализация законодательства достигла кульминации в 1996 году – с принятием эпохального закона, который впервые в российской истории сделал право въезжать и покидать страну основополагающим правом российского гражданина, получившим юридическое определение^[727]. Более пяти миллионов российских граждан в 1990–2010-х годах эмигрировали в страны, находящиеся за пределами бывшей советской территории^[728]. Как и в эпоху империи, на национальные меньшинства пришлось непропорционально большая доля эмигрантов, причем на немцев и евреев – более половины эмигрантов, покинувших страну в 1989–2002 годах. И тем не менее этнические русские составили 36 % эмигрантов, сделав последние два десятилетия первым периодом значительной русской эмиграции со времени двух мировых войн^[729].

Как и после Первой мировой войны, десятки миллионов человек обнаружили, что оказались в странах, которые не соответствовали их происхождению, идентичности или родственным связям. Распределение национальностей и гражданств между пятнадцатью государствами – наследниками СССР стало длительным и спорным процессом, продолжающимся и по сей день. Он происходил не так, как аналогичный процесс в начале 1920-х годов. Договоры об оптации и массовая денатурализация 1920-х имели целью предотвратить двойное гражданство и сформировать лояльное население желательного классового происхождения. В 1990-е же годы натурализация была сравнительно простой, без определенных сроков и, следуя глобальным тенденциям, власти оказались очень лояльны к двойному гражданству. Бывшим гражданам Советского Союза, проживавшим за пределами Российской Федерации, позволили получить гражданство по упрощенной процедуре, которая сводилась всего лишь к заполнению простой формы. Для этого им даже не нужно было въезжать в Российскую

Федерацию. Подобное удивительно открытое определение государства типично для революционных властей, но во многих отношениях постановления российского руководства были даже радикальнее, чем ранние законы времен Французской революции, поскольку недвусмысленно разрешали двойное гражданство^[730].

Такая политика позволила избежать появления лиц без гражданства – серьезной проблемы, в 1920-е годы коснувшейся миллионов людей. Однако в результате множество граждан Российской Федерации проживает за границами своей страны. Это привело к ряду конфликтов между Россией и странами, где проживают ее граждане, что в особенности касается Латвии, Эстонии, Грузии, Молдовы, Приднестровья и Крымского региона Украины^[731].

С 2000 года Россия резко отказывается от либеральных тенденций, начиная стремиться к более точному определению границы, разделяющей гражданина и иностранца, и к более тщательному надзору за ней. Во-первых, истекший в 2000 году срок действия закона, позволявшего бывшим советским гражданам получить гражданство Российской Федерации по упрощенной процедуре, так и не был продлен. Затем, в 2002 году этот закон обновили, но на более ограниченном основании принципа почвы – теперь включающем лишь тех из бывших советских граждан, кто родился на территории Российской Федерации. С этого момента другие бывшие советские граждане с точки зрения закона представлялись лицами, ничем не отличающимися от прочих иностранцев^[732]. Вместо подачи простого заявления бывшие советские граждане теперь должны были предоставлять справку о доходах, демонстрировать знание русского языка, оформлять вид на жительство, а затем постоянно проживать в Российской Федерации на протяжении пяти лет и только после этого обретали право ходатайствовать о получении гражданства^[733]. Одним из важнейших результатов этих нововведений стало то, что они ясно давали понять: наконец, спустя одиннадцать лет после распада Советского Союза, период, когда всех бывших советских граждан приглашали получить гражданство Российской Федерации, завершился^[734]. В некоторых отношениях это означало отказ от политики сохранения преемственности между Российской Федерацией и Советским Союзом – бывшая советская территория была теперь разделена между взаимно исключаящими друг друга сообществами граждан разных стран. Закон 2002 года довольно откровенно был нацелен на ограничение числа лиц иных национальностей, которые могли получить российское гражданство. Сторонники этого закона особенно пеклись о предотвращении натурализации большого числа таджиков и других выходцев из Средней Азии и с Кавказа, приезжавших в Российскую Федерацию в качестве сезонных рабочих. Однако вскоре стало ясно, что закон 2002 года мешает вернуться и натурализоваться также некоторым представителям желательных групп населения, находящимся за пределами России. Ряд поправок, принятых с 2003 по 2008 год, был направлен на преодоление этой проблемы – разрешением натурализоваться ветеранам российской армии, ветеранам Второй мировой войны и советским гражданам, получившим высшее образование в России после 2002 года. В 2008 году новая программа переселения русских из бывших советских республик (программа переселения соотечественников) позволила правительству разрешить натурализацию по упрощенной процедуре – то есть в обход всех барьеров, установленных в 2002 году, – тем частным лицам и группам людей, которых оно сочло достойными. В результате этих изменений проявилась функция политики гражданства как фильтра: она была призвана привлекать и удерживать этнических русских и предотвращать приток представителей множества национальных меньшинств^[735].

Поворот к ограничениям не означал конца попыток натурализовать стратегически значимые группы населения на бывшей советской территории – совсем наоборот. Летом 2002 года Российская Федерация начала спорную программу натурализации жителей Южной Осетии и Абхазии – регионов Грузии. Затем, в 2008 году, во время войны с Грузией, Россия объявила о своем праве защищать интересы российских граждан в Абхазии и Южной Осетии. Грузия яростно протестовала против подобных

натурализаций, заявляя, что в 1993 году провела процедуру оптации, дав всем жителям региона шесть месяцев на то, чтобы формально отказаться от грузинского гражданства. Если они не воспользовались этой возможностью, то автоматически считались грузинскими гражданами и по законам Грузии не могли без особого разрешения получать второе гражданство. Независимый доклад Европейского союза, подготовленный под руководством Хайди Тальявини, подтверждал, что коллективное присвоение российского гражданства этому населению противоречило как грузинскому, так и международному праву^[736]. Для России случай Грузии стал решительным разрывом с давней традицией практики оптаций и приверженностью территориальным принципам, признающим право любого государства определять гражданский статус лиц, находящихся на его территории. Но после войны 2008 года Россия занялась коллективной натурализацией в Крыму, Приднестровье и других регионах. Проблема не разрешена и остается в высшей степени напряженной^[737].

Другой важный аспект обращения к ограничительному подходу касался беженцев, которые уезжали в Российскую Федерацию из бывших советских республик, спасаясь от тех или иных конфликтов. Закон 1993 года создал категорию «вынужденных мигрантов», чтобы описать это – по большей части русскоговорящее – перемещенное население. Этой привилегированной категории иммигрантов предоставлялись доступ к здравоохранению, пенсии и другие формы социального обеспечения; для них создавались федеральные программы, призванные помочь населенным пунктам на долгий срок предоставить жилье людям, имеющим статус «вынужденных мигрантов». Для них была введена одна из наиболее действенных и щедрых программ, нацеленных на помощь бывшим советским гражданам с миграцией в Российскую Федерацию и последующей интеграцией. Однако срок действия большинства этих программ истек в 2001 году. Более того, закон требует, чтобы выгодополучатели являлись гражданами Российской Федерации. До принятия закона 2002 года лицам, претендующим на статус «вынужденных мигрантов», было легко в течение короткого времени получить российское гражданство, но после – это превратилось в гораздо более сложное предприятие. Результатом стало резкое сокращение числа «вынужденных мигрантов»: с 782 215 человек в начале 2001 года до 168 300 – в начале 2006-го^[738]. В плане изменения отношения властей к таким мигрантам символичны были расформирование Федеральной миграционной службы, созданной в 1992 году прежде всего для предоставления социального обеспечения, и передача ее функций Министерству внутренних дел – в 2002-м. Наблюдатели отметили, что вследствие этого произошло быстрое смещение фокуса с социального обеспечения и интеграции на контроль за соблюдением правил. Таким образом, с 2002 года даже самая привилегированная категория иммигрантов – «вынужденные мигранты», которые уже получили российское гражданство и чаще всего были русскоговорящими и/или этническими русскими, – принималась с меньшей охотой и сталкивалась со все более заметным сокращением возможности мигрировать в Российскую Федерацию и поселиться в ней^[739].

Все эти ограничения вводились по мере того, как Россия совершала националистический поворот – подальше от иностранцев, меньшинств и глобализирующих реформ 1990-х годов. Самой острой дилеммой для развития российского гражданства в будущем станет конфликт между этим курсом и усугублением хронической нехватки рабочей силы. Противостояние данных факторов часто играло и играет центральную роль в истории гражданства различных стран по всему современному миру – было оно важно и в эпоху, рассматриваемую в этой книге. Но глубина подобного конфликта в России последнего десятилетия почти не имеет себе равных. Очевидно, что стране нужно больше рабочих. Несмотря даже на то что в период с 1992 по 2008 год в Россию иммигрировало на 6 миллионов больше людей, чем из нее эмигрировало, в тот же период смертность в стране превысила рождаемость на 12,6 миллиона, приведя к сокращению населения на 6,6 миллиона человек. Принимая во внимание демографические тенденции и прогнозируемое резкое сокращение

количества двадцатилетних россиянок в следующем десятилетии, надо признать, что особых надежд на стремительный рост рождаемости, по-видимому, нет – демографы предсказывают резкое сокращение трудоспособного населения в стране^[740]. Как и в предреволюционную эпоху, власти готовы на многое, чтобы побудить этнических русских оставаться в России, обзаводиться детьми и жить на Дальнем Востоке, что предотвращало бы угрозу демографического доминирования азиатского населения. Но используемые стратегии оказываются не слишком эффективны, и демографы относятся к ним скептически. Сравнительно высокие зарплаты привлекли миллионы работников в Россию ради временного или долгосрочного трудоустройства. Однако, как и под конец имперского периода, власти вынуждают гастарбайтеров следовать правилам, которые затрудняют их натурализацию, сохраняя тем самым временный, маргинальный статус прибывших. Эти ограничения могут оказаться тормозом для будущей рабочей иммиграции, особенно в том весьма вероятном случае, если экономики родных стран иммигрантов начнут работать лучше, чем российская^[741]. Даже если приток гастарбайтеров не уменьшится, все равно будет наблюдаться значительная нехватка рабочей силы. Многие аналитики делают вывод, что единственным реалистическим решением проблемы является поощрение массовой иммиграции^[742].

Но за последние два десятилетия Россия уже приняла больше иммигрантов, чем составляла чистая иммиграция в Российской империи с 1828 по 1914 год^[743]. За те же два десятилетия более пяти миллионов человек эмигрировали, включая беспрецедентное количество этнических русских. Все это произошло в период интенсивных политических и социальных поисков российской национальной идеи и создания российской национальной идентичности. Общественные настроения не успевают приноровиться к этой беспримерной эпохе массовой эмиграции и иммиграции с той быстротой, с какой растет спрос на рабочую силу, – и проявляется мощная негативная реакция, которая может затруднить будущую иммиграцию^[744]. Проблема обостряется тем, что больше всего в Россию хотят приехать мусульмане с Кавказа и из Средней Азии или уроженцы Азии на Дальнем Востоке – и те и другие являются мишенью для российских националистов и объектом широко распространенных предрассудков. В обоих случаях иммигранты представляются угрозой безопасности – из-за их предполагаемых симпатий к исламскому экстремизму или из-за страха россиян, вызываемого целями Китая на Дальнем Востоке и значительным перевесом населения по другую сторону российско-китайской границы^[745]. Политическая и национальная напряженность вокруг иммиграции, по всей видимости, не снижается, а потому проблема натурализации и обращения с большими группами иммигрантов и гастарбайтеров-иностранцев, скорее всего, на долгое время останется центральной для российской политики гражданства.

Эта дилемма, возможно, станет еще более острой, если мы будем говорить не о неквалифицированном низкооплачиваемом труде, а о привлечении квалифицированной рабочей силы и инвесторов и увеличении интенсивности взаимодействия между национальной и глобальными экономиками. По окончании экономического кризиса 1998 года множество разнообразных представителей иностранного сообщества – инвесторов, работников, студентов и др. – покинули страну. Тогда Владимир Путин отказался от попыток 1990-х годов привлечь зарубежные инвестиции и заявил о государственном контроле над ключевыми предприятиями в нефтегазовом секторе – как о следствии их ренационализации и приобретения лояльными олигархами. Эта модель удовлетворительно работала при росте цен на природные ресурсы, но большинство экономистов согласны с тем, что даже только сохранение такой экономики – недиверсифицированной, ориентированной на экспорт ископаемого топлива – будет затруднительно без возвращения к экономике более открытой. Политика гражданства является малой частью этого длинного ряда решений, но – точно как в 1860-е и 1920-е годы, когда ее изменение было прямым результатом более глобальных преобразований, предпринятых в рамках экономической политики, – так и будущая политика гражданства и миграционная политика в Российской Федерации будут тесно связаны с общим экономическим курсом. Итак, если смотреть с

точки зрения более широкой перспективы, Россия продолжает решать фундаментальную дилемму глобализации. Обратится ли она к политике, принятой в 1860-х годах и проводившейся вплоть до начала Первой мировой войны, или изберет модернизированный вариант изоляционистского курса? Вот один из важнейших вопросов, на который должна ответить страна. Как и было на протяжении всей российской истории, ее политика гражданства и миграционная политика будут определяться ответами на эти, более общие вопросы.

Приложение I Таблицы

Таблица 1

Совокупная иммиграция в Российскую империю по десятилетиям

Годы	Количество человек
1851–1860	195 000
1861–1870	533 000
1871–1880	776 000
1881–1890	864 000
1891–1900	465 000
1901–1910	708 000
1911–1915	543 000

Источник: Willcox W. F. International Migrations. Vol. II. New York: Gordon and Breach Science Publishers, 1969. P. 566.

Таблица 2

**Китайские сезонные рабочие на Дальнем Востоке
(количество человек)**

Год	Приморская область	Амурская область
1884	8 000	–
1886	13 000	14 500*
1890	6 215	–
1891	7 648	14 891*
1892	8 508	–
1893	8 275	20 272*
1894	9 371	–
1895	10 663	–
1896	13 781	8 828
1897	29 284	8 597
1898	33 809	12 199
1899	38 655	7 891
1900	31 448	9 048
1901	25 000	7 709
1902	31 039	7 561
1905	–	11 436
1906	47 390	17 303
1909	65 409	22 368
1910	60 587	31 809
1911	57 447	29 619
1912	53 698	36 441
1913	52 239	32 201
1914	38 779	40 740
1916	–	42 015

* Включая китайских подданных из Маньчжурии, проживающих в бассейне реки Зеи.

Источник: Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.). Благовещенск: Издательство Благовещенского государственного педагогического университета, 2003. С. 263, 265.

Таблица 3

**Эмиграция из Российской империи в Северную и Южную Америку
(в тысячах человек)**

1821–1830	–
1831–1840	0,5
1841–1850	0,6
1851–1860	1,6
1861–1870	4,9
1871–1880	68,0
1881–1890	300,7
1891–1900	692,8
1901–1910	1 778,4
1911–1920	1 134,1
1821–1920	3 981,6

Источники: *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998. С. 88–89; *Ferenczi I., Willcox W. F.* International Migrations. Vol. I. New York: Gordon and Breach Science Publishers, 1969. P. 377–383; Statistical Abstract of the United States. Washington, DC: US GPO, 1929. P. 95.

Таблица 4

Чистая миграция в Российскую империю

(иммигранты и реэмигранты за вычетом эмигрантов; в тысячах человек)

Годы	Суммарное количество	Русские подданные	Иностранцы подданные	Германия	Австро-Венгрия
1828–1830	4,1	0,4	3,7	2,8	0,6
1831–1840	57,9	35	22,9	8,4	11,1
1841–1850	43,3	5	38,3	13,5	2,4
1851–1860	-67,7	-262,8	195	64,4	42,9
1861–1870	336,7	-196,3	533	271,1	145,7
1871–1880	399,5	-378,8	778,3	292,3	267,9
1881–1890	449,7	-414	863,7	439,3	308
1891–1900	-256,6	-722,2	465,6	118,4	37,8
1901–1910	-851,1	-1 559,1	708,0	193,4	-29,1
1911–1915	-417,6	-1 014,9	-543	58,6	40
Итого	-355,8	-4 507,7	4 151,9	1 462,5	827,3

Источники: Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998. С. 62–63; Ferenczi I., Willcox W. F. International Migrations. Vol. I. New York: Gordon and Breach Science Publishers, 1969. P. 261–272, 794–797. Данные о количестве эмигрантов взяты из документов тех стран, куда изначально прибывали эмигранты.

Таблица 5

Пересечение иностранцами границ Российской империи (согласно статистическим данным, собранным Третьим отделением Императорской канцелярии)

Год	Въехало, чел.	Выехало, чел.	Чистое количество въехавших иностранцев, чел.	Натурализовано, чел.	Натурализовано в % от чистого количества въехавших иностранцев
1839	12 229	3 404	8 825	502	6
1845	17 912	6 706	11 206	496	4
1846	21 373	7 959	13 414	550	4
1847	29 162	10 452	18 710	682	4
1848	13 093	2 487	10 606	957	9
1857	21 349	11 385	9 964	3 419	34
1860	31 233	16 257	14 976	1 318	9
1861	39 740 ^a	15 070	24 670	1 144	5
1862	24 928	–	–	–	–
1863	30 524	16 909	13 615	1 106	8
1864	28 173	17 245	10 928	1 648	15
1865	39 556	9 392	30 164	783	3
1866	36 867	6 312	30 555	546	2
1867	43 134	7 645	35 489	355	1
1868	102 775	29 705	73 070	112	0,2
1869	99 687 ^c	29 705	69 982	179	0,3

^a Третье отделение связывало этот прирост с временным введением нового паспортного режима для иностранцев: он был изменен после окончательного пересмотра положения о паспортах, но на какое-то время существенно упростил правила, которые иностранцы должны были соблюдать при въезде в страну, и значительно облегчил бюрократические затруднения. См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223 (1861). Л. 151.

^b В отчете Третьего отделения от 1862 года этот резкий прирост объясняли упрощением паспортного режима для российских подданных, выезжающих за рубеж.

^c Как отмечено в отчете 1869 года, результатом введения нового правила, разрешающего в течение шести месяцев дважды въехать в страну, могло стать формальное сокращение количества въезжающих в Россию.

Источник: Ежегодные отчеты Третьего отделения Императорской канцелярии (1839–1869) // ГАРФ. Ф. 223. Д. 4–34.

Для сравнения с Германией см. диаграммы в книге: *Nathans E. The Politics of Citizenship in Germany: Ethnicity, Utility, and Nationalism.* Oxford; New York: Berg, 2004. P. 93, 95, 99.

Мне не удалось найти объяснения аномально большому количеству натурализаций, зафиксированному в 1857 году.

Эту таблицу следует использовать лишь как очень грубую иллюстрацию, показывающую, какие перемены происходили в тот период. Почти 90 % эмигрантов покидали страну нелегально, без регистрации, а потому их количество не отражено в официальной статистике (см. четвертую главу). Статистические данные об иммиграции,

скорее всего, гораздо ближе к реальности, поскольку большинство иммигрантов (за исключением сезонных рабочих с Дальнего Востока, Кавказа и из Средней Азии) имели основания проходить процедуру официальной регистрации – чтобы пользоваться обеспечиваемыми таким образом привилегиями. Все сказанное не означает, что российские статистические данные той эпохи менее надежны, чем данные других стран.

Таблица 6

Передвижение населения через внешние границы Российской империи, 1897–1907 годы: выезд из империи (количество человек)

	1897 год	1900 год	1903 год	1906 год
По загранпаспорту	399 000	415 000	513 000	596 000
По многократной визе или карточке на пересечение границы*	3 480 000	3 507 000	5 374 000	8 199 000
Российские подданные	1 606 000	2 210 000	1 001 000	5 890 000
Иностранные подданные	2 273 000	1 749 000	2 884 000	2 909 000
Через границы с Европой	3 796 000	3 859 000	5 725 000	8 629 000
Через границы с Азией**	83 000	100 000	161 000	163 000
	—	—	274 000	493 000
Итого	3 879 000	3 958 000	5 887 000	8 792 000

* Легитимизационный билет.

** Включая границы на Кавказе.

Примечание: в среднем на протяжении всего этого периода среди отъезжающих из империи было примерно на четверть больше мужчин, чем женщин.

Источник: РГИА. Ф. 565. Оп. 12. Д. 134. Л. 1 об.

Таблица 7

Передвижение населения через внешние границы Российской империи, 1897–1907 годы: въезд в империю

(количество человек)

	1897 год	1900 год	1903 год	1906 год
По загранпаспорту	420 000	443 000	494 000	537 000
По многократной визе или карточке на пересечение границы*	3 452 000	3 449 000	5 318 000	8 140 000
Российские подданные	1 519 000	2 081 000	2 845 000	5 570 000
Иностранные подданные	2 353 000	1 811 000	2 966 000	1 920 000
Через границы с Европой	3 758 000	3 775 000	5 614 000	8 450 000
Через границы с Азией**	114 000	117 000	198 000	218 000
	—	—	262 000	464 000
Итого	3 872 000	3 892 000	5 812 000	8 670 000

* Легитимизационный билет.

** Включая границы на Кавказе.

Примечание: в среднем на протяжении всего этого периода среди прибывающих в империю было примерно на четверть больше мужчин, чем женщин.

Источник: РГИА. Ф. 565. Оп. 12. Д. 134. Л. 1 об.

Таблица 8

Уроженцы Российской империи (за исключением Финляндии) среди населения Соединенных Штатов, согласно переписи 1910 года (группы по родному языку)

Родной язык	Количество человек	%
Идиш и иврит	838 193	52,3
Польский	418 370	26,1
Литовский и латышский (латвийский)	137 046	8,6
Немецкий	121 638	7,6
Русский	40 542	2,5
Финский	5 865	0,4
Рутенский	3 402#	0,2
Другие	37 696	2,4
Итого	1 602 752	100

Включая 728 человек, записанных как «малороссы».

Источник: U. S. Bureau of the Census. Thirteenth Census of the United States Taken in the Year 1910: Abstract of the Census. Washington, DC: GPO, 1913. P. 193.

Таблица 9

Этнический состав эмигрантов

	Оценка 1901–1910 годов, %	Оценка 1904–1909 годов, %
Евреи	41	47
Поляки	29	26
Литовцы	9	9
Финны	7	7
Славяне (русские, украинцы, белорусы)	7	5
Немцы	6	5

Источники: Для оценки 1901–1909 годов: *Cohen S.* Cambridge Survey of World Migration. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 90. Для оценки 1904–1909 годов: РГИА. Ф. 565. Оп. 12. Д. 134. Л. 149; РГИА. ПЗ. Папка 2531 (Очерк истории и современного состояния отхода на заработки за границу в Западной Европе и в России). Л. 13. Оценка

количества эмигрантов на 100 000 человек основана на данных за 1904–1909 годы, взятых из: РГИА. ПЗ. Папка 2531. Л. 13.

Приложение II

Положение о союзном гражданстве

1. Для граждан советских социалистических республик устанавливается единое союзное гражданство (Конституция Союза ССР, ст[атья] 7). Гражданин одной из союзных республик, входящих в состав Союза ССР, является тем самым гражданином Союза ССР и имеет все права и несет все обязанности, установленные для граждан как Конституцией и законодательством Союза ССР, так и Конституцией и законодательством союзной республики, на территории которой он проживает.

2. Иностранцы, проживающие на территории Союза ССР для трудовых занятий и принадлежащие к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, пользуются всеми политическими правами граждан Союза ССР.

3. Каждое лицо, находящееся на территории Союза ССР, признается гражданином Союза ССР, поскольку не будет им доказано, что оно является иностранным гражданином.

4. Признаются гражданами союзных республик и тем самым Союза ССР лица, оба родителя которых являются гражданами Союза ССР, где бы эти лица ни родились. Признаются гражданами союзных республик и тем самым Союза ССР лица, один из родителей которых к моменту рождения их состоит гражданином Союза ССР, при условии, если хотя бы один из них в тот момент проживал на территории Союза ССР. Гражданство лица, один из родителей которого состоял гражданином Союза ССР в момент его рождения, причем оба родителя проживали в этот момент вне территории Союза ССР, определяется соглашением родителей. С достижением совершеннолетия это лицо, во всяком случае, может приобрести гражданство Союза ССР в упрощенном порядке.

5. При заключении брака между лицом, имеющим союзное гражданство, и лицом, имеющим иностранное гражданство, каждый из вступающих в брак сохраняет свое гражданство. Изменение гражданства этих лиц может последовать в упрощенном порядке, устанавливаемом союзным законом.

6. Изменение гражданства одного из супругов, состоявших гражданами Союза ССР и проживающих на территории Союза ССР, не оказывает влияния на гражданство их детей. Вопрос о гражданстве детей в том случае, когда один из их родителей, состоявших гражданами Союза ССР, но проживавших вне территории Союза, выйдет из гражданства Союза ССР, решается соглашением родителей.

Примечание 1. При таком изменении гражданства родителей, вследствие которого оба родителя становятся гражданами Союза ССР или, наоборот, оба родителя перестают быть гражданами Союза ССР, соответственно изменяется гражданство детей, не достигших 14-летнего возраста. Гражданство детей, достигших 14-летнего возраста, не изменяется при изменении гражданства родителей.

Примечание 2. Лицам, которые перестали быть гражданами Союза ССР в силу высылки их родителей, предоставляется право приобрести гражданство Союза ССР путем подачи заявления в губернский, областной или соответствующий губернскому исполнительный комитет, а в автономных республиках, в которых губернское деление отсутствует, – в центральные исполнительные комитеты этих республик.

7. Принятие в гражданство иностранных граждан, проживающих на территории той или иной союзной республики, производится центральными исполнительными комитетами союзных республик.

Примечание. Принятие в гражданство иностранных граждан, проживающих для трудовых занятий и принадлежащих к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, а также ищущих убежища, вследствие преследования их за общественную деятельность, производится губернскими, областными и другими соответствующими им исполнительными комитетами, а в автономных республиках, в которых губернское деление отсутствует, – центральными исполнительными комитетами этих республик.

8. Порядок предоставления гражданства Союза ССР лицам, желающим поселиться на территории Союза ССР в качестве сельскохозяйственных промышленных иммигрантов, а равно порядок принятия в гражданство Союза ССР репатриантов, реэмигрантов и лиц, возвращающихся в Союз ССР на основании договоров с иностранными государствами, устанавливается особым законодательством Союза ССР, которое должно в этом вопросе обеспечить суверенность союзных республик.

9. Принятие иностранцев, проживающих за границей, но не подходящих под действие статьи 8 настоящего Положения, производится через дипломатические, консульские или выполняющие их функции органы Союза ССР за границей, постановлениями центральных исполнительных комитетов союзных республик по представлению уполномоченного Народного Комиссариата по Иностранным Делах при совете народных комиссаров данной союзной республики и Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР по представлению Народного Комиссариата по Иностранным Делах.

10. Восстановление в гражданстве лиц, утративших таковое, может быть произведено постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР или центральных исполнительных комитетов союзных республик в порядке, указанном статьей 9.

11. Иностранные граждане, принятые в гражданство Союза ССР, не пользуются правами и не несут обязанностей, связанных с принадлежностью к гражданству других государств.

12. Признаются утратившими гражданство Союза ССР:

а) лица, которые лишены гражданства согласно законодательным актам союзных республик, изданным до 6 июля 1923 года, или которые его лишаются на основании законодательства Союза ССР;

б) лица, которые, выехав за пределы территории Союза ССР, как с разрешения органов Союза ССР или союзных республик, так и без такого разрешения, не возвратились или не возвратятся по требованию соответствующих органов власти;

в) лица, вышедшие из гражданства Союза ССР в установленном законом порядке;

г) лица, лишённые гражданства по приговору суда;

д) лица, оптировавшие иностранное гражданство на основании договоров с иностранными государствами.

13. Выход из союзного гражданства допускается с разрешения центральных исполнительных комитетов союзных республик или Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Председатель ЦИК Союза ССР

М. Калинин

Секретарь ЦИК Совета ССР

А. Енукидзе

29 октября 1924 года

Архивные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

- Ф. 133. Канцелярия Министерства иностранных дел, 1797–1917. Оп. 468–470
- Ф. 137. Отчеты МИД России, 1830–1916. Оп. 475
- Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487
- Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 502а
- Ф. 150. Японский стол. Оп. 493
- Ф. 156. Юрисконсульская часть. Оп. 457
- Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Оп. 44, 45, 61, 64, 93
- Ф. 167. Посольство в Берлине. Оп. 509/1
- Ф. 170. Российское посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1–5
- Ф. 249. Генконсульство в Константинополе. Оп. 1
- Ф. 256. Генконсульство в Лондоне. Оп. 555а, б
- Ф. 340. Мартенс Ф. Ф. Оп. 787
- Ф. 340. Нольде Б. Э. Оп. 610

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. 102. Департамент полиции
 - I делопроизводство
 - II делопроизводство
 - VII делопроизводство
 Оп. 260, 269, 76а
- Ф. 109. Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1880)
- Ф. 215. Канцелярия варшавского генерал-губернатора
- Ф. 3316. ВЦИК СССР
- Ф. 6001. Оп. 1. Консульская часть российской дипломатической миссии в Константинополе
- Ф. р-130. РСФСР, Совнарком, 1917–1923
- Ф. р-364. СССР, СТО, Постоянная комиссия по иммиграции и эмиграции, 1922–1930
- Ф. р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР
- Ф. р-1235. ВЦИК РСФСР
- Ф. р-1318. Наркомат по делам национальностей РСФСР (1917–1924)
- Ф. р-5209. 1 оп. 1124 ед. хр. Межведомственная комиссия по проведению амнистии согласно международным договорам, заключенным РСФСР, 1921–1923
- Ф. р-5404. 11 оп. 12 822 ед. хр. Межведомственная комиссия при президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах гражданства, 1925–1938

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф. 1. Канцелярия Военного министерства
- Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба
- Ф. 2000. Главное управление Главного штаба

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 821. МВД, Департамент духовных дел иностранных исповеданий
- Ф. 1276. Совет министров
- Ф. 1284. МВД, Департамент общих дел
- Ф. 1286. МВД, Департамент полиции исполнительной
- Печатные записки (ПЗ)
- Папка 317. Совет министров, 3 ноября 1910. Краткий обзор узаконений, касающихся прав русских уроженцев в Финляндии (по проекту закона об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных)
- Папка 450. Трактаты, декларации и конвенции, 1825–1882
- Папка 460. Материалы о корпусе пограничной стражи (1896–1916)
- Папка 462. Журналы Комиссии о мерах к предупреждению наплыва иностранцев в западные окраины (1891)
- Папка 463. Справка по вопросу о переселении выходцев из Северной Америки в Приморскую область и представления Департамента общественных дел МВД об условиях поселения иностранных подданных в Приамурском генерал-губернаторстве, 1897–1914
- Папка 464. Материалы по вопросу о найме и перевозке рабочих китайцев и корейцев для работы на горных промыслах, 1913–1917
- Папка 466. Материалы по проекту правил о приеме в русское подданство и увольнении из него, 1891–1911
- Папка 467. Проект правил о расторжении брака иностранцев в России и русских подданных за границей, 1916
- Папка 471. Список иностранных подданных, безвозвратно высланных за границу и посему не подлежащих допущению в пределы империи
- Папка 477. Циркуляры ДП МВД, касающиеся иностранных подданных, 1891–1907
- Папка 511. Ограничительные узаконения и особые законоположения, изданные по соображениям национального или вероисповедного свойства либо обусловливаемым различием полов: В 3-х ч. Санкт-Петербург: Тип. МВД, 1906–1907
- Папка 516. Журнал паспортной комиссии, 1886–1888
- Папка 2530. Министерство торговли и промышленности: отдел торгового мореплавания, 8 июля 1909. По вопросу об образовании междудомственного совещания для выработки закона об эмиграции
- Папка 2531. Очерк истории и современного состояния отхода на заработки за границу в Западной Европе и в России
- Папка 97697. МВД. Журналы Высочайше учрежденной Комиссии о мерах к предупреждению наплыва иностранцев в западные окраины. Отдел III. Вопрос о принятии и оставлении русского подданства. Санкт-Петербург, 1891

Папка 102751. Справка к делу о высылке из империи порочных иностранцев и мерах на случай неисполнения последними требований об оставлении пределов империи или самовольного их возвращения после высылки (1902)

National Archive Records Administration (NARA), Washington, DC

NARA, U. S. State Department: Records Relating to Relations with the Soviet Union,
861.602/210

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГПУ – Государственное политическое управление

ЕКО – Еврейское колонизационное общество

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКВД – Народный комиссариат иностранных дел

НКФ – Народный комиссариат финансов

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ПЗ – Печатные записки

ПСЗ – Полное собрание законов

РГБ – Российская государственная библиотека

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

СНК – Совет народных комиссаров

СТО – Совет труда и обороны

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЧК – Чрезвычайная комиссия